Актуальные вопросы гуманитарного знания

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Барулинские чтения
(25 февраля 2018 г.)

Барнаул • 2018

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова

Актуальные вопросы гуманитарного знания

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Барулинские чтения (25 февраля 2018 г.)

Изд-во АлтГТУ
Барнаул 2018

ББК 78.381

ISBN 978-5-7568-1295-4

Актуальные вопросы гуманитарного знания : материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Барулинские чтения : Россия в эпоху социальных трансформаций», Барнаул, 25 января 2018 г. / под науч. ред. В. Ю. Инговатова, под общ. ред. О. Е. Контевой. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2018. – 117 с.

В сборник материалов конференции, приуроченной к 100-летию Русских революций XX столетия, вошли публикации ученых разных научных направлений, объединенных единым проблемным полем исследований – анализом социальных трансформаций как тренда современного развития.

В издании изложены теоретические и практические подходы к проблемам социальных изменений. Особое внимание уделено рассмотрению перспектив развития России, связанных с гуманитарными, политико-правовыми, экономическими и образовательными измерениями социальных трансформаций. В представленных научных статьях нашли отражение различные точки зрения на стратегию развития российского общества в меняющемся мире.

Материалы конференции рассчитаны на широкий круг специалистов: философов, историков, политологов, социологов, экономистов, культурологов, педагогов. Адресовано всем, кто интересуется ключевыми проблемами современного мира, его динамикой и сценариями будущего.

Отв. редактор О. Е. Контева

ISBN 978-5-7568-1295-4

© Авторы публикаций, 2018
© Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2018

CONTENTS

PART I. SOCIETYIN THE PROCESS OF SOCIAL TRANSFORMATION: THE PAST, THE PRESENT, THE FUTURE

V.G. Besedina, I.V. Rogozina, N.Y. Buhner	Principles for Promoting Ethnic Tolerance and Their Implementation in EU Countries	5
N.Y. Buhner, V.G. Besedina, I.V. Rogozina	Methodological Issues in the Study of Tolerance: the European Experience	11
S.F. Vasilyev	Democatic Socialism as a Social Projection of Personalism	17
A.G. Ingovatova	Civilizational Meaning of Dominant Values During Social Transformation Period	38
N.D. Zolotova	Anthropological Aspects of Revolutionary Transformations in Russia	43
I.N. Nikulina	Problems of Interaction among Universities, Archives, Libraries and Museums for Educational Purposes	54
I.V. Rogozina, V.G. Besedina, N.Y. Buhner	Education Policies in EU Countries to Foster Respect for Diversity	57

PART II. SOCIAL COMMUNICATION IN A CHANGING WORLD

I.V. Rogozina, N.Y. Buhner	Concept Revolution through the Prism of Age: an Experimental Study	64
V.A. Melekhin, N. V. Tsyganenko	Impact of the Russian Revolution on the Development of Religion-State Relations	70
E.B. Vosnyuk	The Rational and the Irrational in Creativity	76
K.V. Konovalov	The Role of the old Russian Literary Text The Domostroy in the Family Education System in the Middle Ages	82
V.Y. Ingovatov	A Man in a Desacralized World: the Problem of Seeking the Basis of Existence	85

PART III. HISTORY AND PHILOSOPHY STUDIES

A.A. Guseva	A.S. Khomyakov's Philosopheme	94
M. G. Kolokoltsev	The Left Menshevist Faction of the Russian Social-Democtatic Movement in the Revolutionary Process in the Beginning of the 20th Century	103
V.A. Melekhin, M.V. Starchikova	The October Revolutionof 1917 as the Foundation for the Sociology Development in Russia	110
A.A. Udodenko	Vladimir Semyonovich Barulin and Technical Education in the Altai region in the 1970-s	115

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Г. Беседина, И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер	Принципы формирования межэтнической толерантности и опыт их реализации в странах ЕС	5
Н.Ю. Бухнер, В.Г. Беседина, И.В. Рогозина	Методические проблемы изучения толерантности в обществе: европейский опыт	11
С.Ф. Васильев	Демократический социализм как социальная проекция персонализма	17
А.Г. Инговатова	Цивилизационное значение ценностных доминант в период социальных трансформаций	38
Н.Д. Золотова	Антропологические аспекты революционных преобразований в России	43
И.Н. Никулина	Проблемы взаимодействия университетов, архивов, библиотек, музеев в учебном процессе	54
И.В. Рогозина, В.Г. Беседина, Н.Ю. Бухнер	Политика в области образования в странах Евросоюза и формирование уважения к этнокультурному многообразию	57

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер	Возрастная детерминанта в наполнении концепта революция: экспериментальное исследование	64
В.А. Мелехин., Н.В. Цыганенко	Влияние русской революции на развитие государственно-религиозных отношений	70
Е.Б. Вознюк	Рациональное и иррациональное в творчестве	76
К.В. Коновалов	Роль домостроя в системе воспитания древнерусской семьи	82
В.Ю. Инговатов	Человек в десакрализованном мире: проблема поиска оснований бытия	85

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Гусева	Философема познания А.С. Хомякова	94
М. Г. Колокольцев	Левоменьшевистское течение русского социал-демократического движения в революционном процессе начала XX века	103
В.А. Мелехин, М.В. Старчикова	Октябрьская революция 1917 года как начальный этап формирования отечественной социологии	110
А.А. Удоденко	Владимир Семёнович Барулин и техническое образование на Алтае в 70-х гг. XX века	115

Раздел I.
ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК: 316.421 (37.035)

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ОПЫТ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЕС

В.Г. Беседина, И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова

Резюме

На примере европейских стран в статье рассматриваются ключевые принципы разработки и реализации стратегий формирования межэтнической толерантности. Авторы отмечают важную роль СМИ в построении межкультурного диалога и в ограничении распространения этнических стереотипов.

Ключевые слова:

межэтническая толерантность, этнические стереотипы, СМИ, страны ЕС, проекты Европейской Комиссии Erasmus+ъ.

В последние десятилетия изменение этнического состава населения крупных российских городов привело к росту межэтнической напряженности. Как следствие, для подержания мира и согласия в обществе становится очевидной необходимость принятия мер по формированию межэтнической толерантности. При этом маловероятно, что отдельные разрозненные шаги в данном направлении приведут к желаемому результату: требуется выработка стратегии развития межкультурного диалога и активная реализация такой стратегии на уровне различных государственных и общественных институтов. В поисках эффективных путей организации межкультурного взаимодействия, на наш взгляд, стоит обратиться к опыту стран ЕС, где подобная деятельность ведется уже несколько десятилетий, и действенность отдельных подходов доказана практикой.

В нашей статье мы рассмотрим четыре принципа построения стратегий формирования межэтнической толерантности, сопровождая каждый из принципов примерами из опыта европейских стран.

Во-первых, стратегии должны учитывать, что источники предрассудков и межэтнической дискриминации могут быть укоренены в сложившихся общественных практиках, социальных и институциональных структурах, а потому попытки изменить отношение отдельных индивидов к какой-либо этнической группе вне сложившихся конкретных проблем, оказывающих влияние на межэтнические взаимоотношения, редко приводят к желаемому результату [1]. В частности, следует обратить внимание

на стереотипы, сложившиеся в обществе в отношении определенного этноса. Как показывает исторический опыт европейских стран, существующие этнические стереотипы могут подвергаться модификации, и негативные стереотипы в отношении определенных этнических групп (как правило, относящихся к этническим меньшинствам), могут закрепляться в массовом сознании – чаще всего, в сознании доминирующего этноса – посредством СМИ [2]. В последние годы этнические стереотипы особенно часто находят свою репрезентацию в сети Интернет в виде текстов, включающих в себя яркий, запоминающийся визуальный компонент, что способствует их эффективному воздействию на сознание молодежи [3]. В странах Евросоюза данная проблема решается на уровне комитета министров стран-членов Совета Европы по делам средств массовой информации. Комитет рекомендует организациям, работающим в сфере распространения информации:

- избегать в публикациях, телевизионных программах и видеоматериалах оскорбительного стереотипного представления членов какой-либо культурной, этнической или религиозной группы;
- рассматривать поступки частных лиц вне их связи с принадлежностью к названным группам в случаях, где такая принадлежность не имеет отношения к освещаемому вопросу;
- не оставлять без ответа нетолерантные высказывания участников интервью, репортажей, дискуссионных передач, равно как и стоящие за такими высказываниями посылы [4, с. 456].

Кроме ограничительных мер, европейским руководством принимаются и меры по обеспечению равноправного представления интересов этнических групп в обществе в целом и в СМИ в частности. Так, Парламентская Ассамблея Совета Европы по делам мигрантов, этнических меньшинств и средств массовой информации, в рекомендации №1277 от 1995 г. организации теле- и радиовещания призываются к следующему:

- обеспечить время в эфире программам, нацеленным на интеграцию общества и сотрудничество групп и отдельных индивидов, при этом уделяя пропорционально равную долю эфирного времени различным этническим группам;
- выработать мультикультурный подход к контенту программ;
- развивать мультикультурный подход в программах, нацеленных на детскую и молодежную аудиторию [4, с. 458].

При этом этническим меньшинствам предоставляется поддержка государства в организации печатного органа или радиовещательной компании в форме выдачи лицензий, выделения вещательной частоты и даже в отдельных случаях получения финансовой помощи на развитие печатного издания, а также предоставления права вещания на родном языке. Всё это проходит в рамках политики создания благоприятных условий для этнических меньшинств развивать собственную культуру, язык, религию, обычаи и традиции и участвовать в общественной жизни своего государства. К формам доступа к такому участию относятся, в числе прочего, возможность владения СМИ, осуществления надзора и контроля за контентом СМИ – как внешнего, так и внутреннего, на уровне редактора или управляющего.

Таким образом, стратегии формирования толерантности в странах Европы строятся с учетом необходимости институциональных изменений, в частности, обеспечения равноправного представительства этнических меньшинств в институте СМИ, а также регулирования содержания публикаций и программ, направленного на снижение уровня межэтнической напряженности. Второй принцип, в соответствии с которым следует разрабатывать стратегию формирования толерантности, состоит в том, что нельзя

ограничиваться только распространением информации и повышения сознательности населения, но нужно ставить целью изменение поведения индивидов, более того – мотивировать их оказывать положительное влияние на окружающих [1]. Этот принцип исходит из того, что не у многих людей достаточно развита компетенция общения с представителями других культур. А потому, чтобы наладить межкультурный диалог, недостаточно осознания его важности и необходимости, требуется овладение практическими навыками ведения такого диалога.

Такой подход активно поощряется Европейской Комиссией путем обеспечения финансирования соответствующих программ через фонд Erasmus+. Так, фонд ежегодно финансирует программы академической мобильности для европейской молодежи, участвуя в которых, студенты погружаются в другую культуру и учатся находить взаимопонимание с ее представителями [5, с. 19]. Кроме того, значительная доля средств направляется на молодежные проекты, в том числе реализуемые совместно представителями различных этнических групп [5, с. 30]. Участники таких проектов погружаются в атмосферу сотрудничества и не теоретически, а практически учатся построению межкультурного диалога. Приобретенный в ходе реализации проекта личный опыт такого рода придает молодым людям уверенности в их дальнейших действиях при борьбе с ксенофобией в сфере своего влияния. Еще один тип проектов направлен на внедрение программ по обеспечению равных возможностей в сфере образования, в том числе обеспечения толерантной образовательной среды [6]. Один из примеров такой программы – бесплатный семинар для работников образовательных учреждений, направленный на достижение межкультурного понимания. Семинар имеет практический характер и включает в себя тренинговые упражнения, ролевые игры и другие формы межличностного взаимодействия, направленные на формирование компетенций межкультурной коммуникации.

Важная роль в построении мультикультурного общества отводится языковому образованию, что также можно отнести к соблюдению рассматриваемого нами принципа формирования толерантности на уровне практических навыков и действий. В данном случае это касается возможности для различных этнических групп через овладение языком успешно интегрироваться в общество, получив больше возможностей в плане образования и трудоустройства. Тем самым социальное неравенство не становится барьером для построения диалога с представителями доминантной культуры.

Это приводит нас к третьему принципу: стратегии формирования толерантности должны быть направлены на формирование взглядов и поведения всех расовых и этнических групп [1]. Иными словами, действия в рамках стратегии не должны быть направлены только на формирование приятия доминантной этнической/расовой группой какого-либо этнического меньшинства. Данный постулат подкрепляется рядом факторов. Во-первых, признание этнического многообразия и сравнение различных культур уже само по себе может служить ступенью к обучению толерантности, поскольку помогает разрушить стереотипы. Во-вторых, культура, считающаяся доминантной, при более пристальном рассмотрении обнаруживает в себе значительно большее многообразие, нежели видно на первый взгляд. Так, тот факт, что в европейском обществе представители белой расы имеют различные корни и могут являться носителями разных культур, делает вопрос изучения стереотипов и предрассудков гораздо более сложным, и в то же время – более важным. В-третьих, дискриминация и неприятие могут быть нацелены и в сторону

доминантной культуры, а потому важно вести работу по формированию толерантности во всех направлениях.

Примером реализации принципа двусторонней интеграции можно считать проводимую в Эстонии политику в отношении русскоязычных и эстоноязычных СМИ. Принятая в рамках Программы Интеграции программа мониторинга масс-медиа выявила, что журналисты СМИ всё больше осознают стереотипные представления, имевшие место в прессе и доминантной, и миноритарной этнической группы, и отказываются от них. Как следствие, язык и контент СМИ стал более нейтральным, увеличилась доля общих тем, освещаемых в публикациях, а по многим вопросам наблюдается и общность представленных взглядов [7, с. 214]. Таким образом, достижение согласия в обществе требует от всех его членов сделать шаг навстречу друг другу и быть готовыми отказаться от предвзятости и негативизма в отношении других этносов.

Последний принцип формирования стратегий по развитию толерантности, который мы осветим в этой статье – это принцип всеобъемлющего и непрерывного подхода. Он реализуется, когда обучение межэтнической толерантности, как одной из базовых человеческих ценностей, ведется с самого раннего возраста, что, однако, само по себе не гарантирует толерантного отношения к другим этносам у индивида в более старшем возрасте. По мере взросления ребенок, а потом подросток сталкивается с различными жизненными ситуациями и попадает в разные сферы влияния, что заставляет его переосмыслить свои взгляды по разным жизненным вопросам. В связи с этим обучение межкультурному диалогу должно осуществляться посредством комплекса мероприятий на протяжении различных этапов достижения зрелости: на уровне школ, колледжей и организаций. Тем самым, на любом этапе своей жизни, попадая в новый коллектив, индивид знакомится с принятым в нем кодексом поведения и существующей корпоративной культурой, которая поощряет культурное многообразие.

Следует отметить, что принципы для построения стратегий формирования толерантности в обществе не исчерпываются рассмотренными в данной статье. Как сами принципы, так и примеры их реализации в европейском сообществе, несомненно, релевантны для России на современном этапе и представляют интерес для дальнейшего изучения.

Рогозина Ирина Владимировна *– доктор филологических наук, доцент*

Беседина Вера Геннадьевна *– кандидат филологических наук, доцент*

Бухнер Наталья Юрьевна *– кандидат социологических наук, доцент*

Список литературы:

1. Strategies for Reducing Racial and Ethnic Prejudice: Essential Principles [Электронный-ресурс] / Teaching Tolerance. – Режимдоступа: https://www.tolerance.org/professional-development/strategies-for-reducing-racial-and-ethnic-prejudice-essential-principles.

2. Беседина, В.Г. К вопросу формирования межэтнической толерантности посредством СМИ в странах Евросоюза [Текст] / В.Г. Беседина, И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2018. – Барнаул, 2018. – С. 106–108.

3. Беседина, В.Г. Репрезентация этнических стереотипов в интернет-мемах [Текст] / В.Г. Беседина // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2018. – Барнаул, 2018. – С. 15–18.

4. Jakubowicz, K. Media revolution in Europe: ahead of the curve [Текст] / K. Jakubowicz. – Strasburg: Council of Europe Publishing, 2011. – 607 p.

5. Erasmus+ Programme Annual Report 2015, Annex II [Электронныйресурс] / European Commission. – Режимдоступа: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus2/files/erasmus-plus-annual-report-2015-annex-2_en.pdf.

6. Free Seminar on Social Inclusion and Tolerance / Europe: Ensuring Unity And Respect As Outcomes For People Of Europe[Электронныйресурс]. – Режимдоступа: https://europe-project.org/free-seminar-social-inclusion-tolerance/

7. Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection [Электронныйресурс] / EU Accession Monitoring Program. – Open Society Institute, 2002. – Режимдоступа: https://-books.google.ru/books?id=Vc-zXeNakUsC& printsec=frontcover&hl=ru.

PRINCIPLES FOR PROMOTING ETHNIC TOLERANCE AND THEIR IMPLEMENTATION IN EU COUNTRIES

V.G. Besedina, I.V. Rogozina, N.Y. Buhner
I.I. Polzunov Altai State Technical University

Abstract:
The article deals with the key principles for developing and implementing strategies for increasing ethnic tolerance. The cases of implementing such principles in EU countries are discussed. Authors highlight an important role of mass media in promoting intercultural dialogue and limiting the spread of negative ethnic stereotypes.

Key words:
ethnic tolerance, ethnic stereotypes, mass media, EU countries, Erasmus+ European Commission projects

References:

1. Strategies for Reducing Racial and Ethnic Prejudice: Essential Principles [Electronic resource] / Teaching Tolerance. – Access mode: https://www.tolerance.org/professional-development/strategies-for-reducing-racial-and-ethnic-prejudice-essential-principles.
2. Besedina, V.G. K voprosu formirovaniya mezhe`tnicheskoj tolerantnosti posredstvom SMI v stranax Evrosoyuza / V.G. Besedina, I.V. Rogozina, N.Yu. Buxner // Sovremennoe gumanitarnoe nauchnoe znanie: mul`tidisciplinarny`j podxod-2018. – Barnaul, 2018. – S. 106-108.
3. Besedina, V.G. Reprezentaciya e`tnicheskix stereotipov v internet-memax / V.G. Besedina // Sovremennoe gumanitarnoe nauchnoe znanie: mul`tidisciplinarny`j podxod-2018. – Barnaul, 2018. – S. 15-18.
4. Jakubowicz, K. Media revolution in Europe: ahead of the curve / K. Jakubowicz. – Strasburg: Council of Europe Publishing, 2011. – 607 p.
5. Erasmus+ Programme Annual Report 2015, Annex II [Electronic resource]/ European Commission. – Access mode:https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus2/files/erasmus-plus-annual-report-2015-annex-2_en.pdf.
6. Free Seminar on Social Inclusion and Tolerance / Europe: Ensuring Unity And Respect As Outcomes For People Of Europe [Electronic resource]. – Access mode: https://europe-project.org/free-seminar-social-inclusion-tolerance/
7. Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection [Electronic resource] / EU Accession Monitoring Program. – Open Society Institute, 2002. – Access mode: https://books.google.ru/books?id=Vc-zXeNakUsC& printsec=frontcover&hl=ru

УДК 316.347

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Н.Ю. Бухнер, В.Г. Беседина, И.В. Рогозина
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу методов исследования толерантности, применяемых учеными Евросоюза. В частности, рассмотрены методы: наименее предпочитаемой группы (LGG – Least Liked Group), социальной дистанции (шкала Э. Богардуса), а также современный метод, основанный на сочетании традиционных методик. Особое внимание уделяется рассмотрению социологических методов анализа данных: анализ латентных классов, факторный анализ.

Ключевые слова:

толерантность, социальная дистанция, анализ латентных классов, факторный анализ.

Проблема, связанная с изучением толерантности является ключевой для европейских ученых, областью научного интереса которых является социум. Очевидно, что исследование этой проблемы в европейской науке приобретает новые характеристики, определяемые объективными факторами, прежде всего, интенсификацией миграционного процесса. Социальная толерантность, также называемая моральной толерантностью или вседозволенностью (Lane, Reber, 2008; Nevitte, Cochrane, 2006) [1–2], означает то, как люди оправдывают такие социальные или моральные проблемы, как аборты, гомосексуализм, развод, эвтаназия, проституция, случайный секс и самоубийство [3, с. 1]. Она описывает, насколько хорошо люди могут принять поведение или мысли, которые отличаются отих собственных. Социальная толерантность часто связана с религией. Как отмечают Н. Нэвитт и К. Кохран [2], мораль и религия всегда переплетаются. Религиозные люди, также как и нерелигиозные всегда находятся под влиянием культуры, сформированной религиозными предками.

В трудах европейских ученых, преобладают две основных методических стратегии для исследования уровня толерантности. Первая из них, разработана С. Стауффером в 1955 году и аргументирована в работе "Коммунизм, конформизм и гражданские свободы" [4]. В трудах С. Стауффера, раскрываются основные индикаторы политической толерантности, а также в прикладном плане разрабатываются количественные методы анализа социальных проблем, процедуры эмпирической верификации данных. Методическую основу его исследования составляет опрос респондентов о их толерантности в отношении разных социальных групп (социалистов, расистов, коммунистов, милитаристов, гомосексуалистов и антирелигиозной группы), причем сами группы определены исследователем [5, с. 514]. Вторая стратегия предложена Салливаном, Пьересоном и Маркусом в 1979 году состоит в методике выявления "наименее предпочитаемой группы", преимущество которой состоит в том, что респондент сам выбирает группу, к которой испытывает наибольшее неприятие [6]. Как отмечают

Д. Мафер и Э. Тренби «Традиционные методы способны лишь продемонстрировать, что респонденты более или менее толерантны" и "являются ограниченными в области поиска релевантных для исследования шкал" [5, с. 512] [Перевод мой – Н.Б.]. Указанные методы легли в основу ряда масштабных, лонгитюдных европейских исследовательских проектов, таких как The American-Western European Values Gap (2012), General Social Survey (1972–2016), World Value Survey (1981–2016), European Values Study (1981–2016).

Среди европейских ученых, занимающихся концептуализацией толерантности и ее исследованиями можно выделить Дж. Гибсона, Р. Бингхэма, Дж. Салливана, Дж. Пьересона, Дж. Маркуса, в работах которых наиболее детально разрабатывается политический аспект толерантности, который состоит в признании того, что «любая, даже неприятная группа людей имеет право быть частью гражданского общества» [7, с. 76]. Подобную мысль встречаем и в работе А. Харелла «толерантность включает готовность разрешать любые активные действия и неограниченные гражданские права людям, стиль жизни или образ мысли которых нам неприятен" [8]. Однако, такой политический аспект изучения толерантности, по мнению Д. Мафера и Э. Тренби, проявляет свою ограниченность для изучения социальной основы толерантности, в отличие от социологического подхода, предлагаемого учеными [5, с. 512].

Одним из представителей социологического подхода является Э. Богардус, который в 1920-е изучал «социальную дистанцию», которую он определял как "степень близости (благожелательного понимания) между отдельными людьми, индивидом и группой, между группами" [9, с. 7]. С помощью шкалы социальной дистанции (шкала Э. Богардуса) В. Парилло и К. Донохью анализируют данные, полученные в ходе опроса респондентов о принятии/непринятии ими членов тех или иных социальных или этнических общностей в качестве члена семьи, друга, соседа, коллеги, горожанина, или приезжего [10, с. 257]. В ходе ранжирования респонденты фиксировали степень близости членов той или социальной или этнической группы. Еще одним преимуществом данной методики, по мнению Э. Гальперина, А. Педажура и др. является возможность измерения корреляции между социальной дистанцией и предубеждением, враждебностью, дискриминацией и другими социальными явлениями [11]. Развивая идеи Э. Дюркгейма и используя эмпирические данные, полученные, в том числе, с помощью шкалы Богардуса, французский социолог Мишель Ламонт изучает роль символических границ в созидании идентичностей [12, с. 173]. В своей работе она подчеркивает, зависимость символических границ от условий пространства и времени и их относительный характер. Определение границ происходит через осознание символических барьеров, существующих в рамках оппозиции "мы–они" в конкретном обществе и определенных его культурным и социально-экономическим развитием [12, с. 173]. Однако, сущность толерантности лежит, по мнению Д. Мафера и Э. Тренби, глубже и раскрывается скорее не через анализ принятия/непринятия групп, а через определения уровней дискриминации. К примеру, индивид, не принимая гомосексуалистов как группу, не отказывает им и возможности свободного волеизъявления и участия в политической жизни [5, с. 514].

В основе многомерного подхода, предложенного учеными лежит сочетание шкалы социальной дистанции и традиционных методов измерения толерантности, таких как определение наименее предпочитаемой группы – LLG (Least Liked Group). Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос, а полученные ответы соотносились по 14 группам (расисты, радикальные мусульмане, милитаристы, коммунисты, атеисты, гомосексуалисты и др.) самими исследователями. Затем респон-

дентам предлагалось ответить на вопросы о том, нужно ли предоставлять гражданские свободы этой группе, хотели бы они иметь в качестве соседа или друга представителя указанной группы [5, с. 516].

Европейские ученые отмечают, что у уровня толерантности наблюдается значимая корреляционная связь с такими факторами, как: возраст (Cutler, Kaufman 1975; Davis 1975) [13–14], пол (Moors, Wennekers, 2003:163) [15], религия (Nevitte, Cochrane 2006) [2], уровень образования (Bobo, Licari 1989; McClosky 1964; Prothro, Grigg 1960) [15–17], межгрупповые контакты и предполагаемая угроза (Schlueter, Scheepers 2010) [18], развитие социального капитала (Putnam 2000; Warren 2001) [19-20], макрополитическая культура (Sullivan et al. 1985; Weldon 2006) [20–21]. Для измерения толерантности и выявления моделей реагирования на представителей наименее предпочитаемой группы Д. Мафер и Э. Тренби применяют такие методы как анализ латентных классов и факторный анализ и полагают, что необходимо выделять четыре типа толерантности / интолерантности: общая интолерантность, политическая толерантность, общая толерантность, частная толерантность [5, с. 519]. Такая интерпретация позволила ученым получить более подробный анализ толерантности, который показал, что европейское общество можно представить в виде совокупности отношений с преобладанием интолерантного. Так, общую интолерантность проявляют 42,3 %, политическую толерантность – 22,83 %, общую толерантность – 20,9 %, частную толерантность – 13,97 % респондентов [5, с. 521].

В качестве заключения хотелось бы отметить, что в методическом плане существует необходимость совершенствования техники измерения и описания толерантности с учетом разных ее видов и отношений между социальными группами.

Рогозина Ирина Владимировна *– доктор филологических наук, доцент*

Беседина Вера Геннадьевна *– кандидат филологических наук, доцент*

Бухнер Наталья Юрьевна *– кандидат социологических наук, доцент*

Список литературы

1. Lane, J. The post modern society: which are the basic value orientations? // Contemporary issues. – 2008. – 1(1). – P. 6–20.

2. Nevitte, N. Individualization in Europe and America: Connecting Religious and Moral Values // Comparative Sociology. – 2006. – 5 (2–3). – P. 203–230.

3. Vermeer, T. The influence of religion on social tolerance in East- and West-Europe: A multi-level. Tilburg University, 2012.

4. Stouffer, S. Communism, Conformity, and Civil Liberties: A Cross-Section of the Nation Speaks Its Mind. Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc. 1955.

5. Mather, D., Tranby, E. New Dimensions of Tolerance: A Case for a Broader, Categorical Approach // Sociological science. – 2014. – Volume 1. – P. 512–531.

6. Sullivan, J. Piereson J., Marcus, G. An Alternative Conceptualization of Political Tolerance: Illusory Increases, 1950s–1970s // American Political Science Review. – 1979. – №73(3). – P. 781–794.

7. Sullivan, J. Piereson, J., Marcus, G. Political Tolerance and American Democracy. Chicago: University of Chicago Press. 1982.

8. Harell, A. The Limits of Tolerance in Diverse Societies: Hate Speech and Political Tolerance Norms among Youth // Canadian Journal of Political Science. – 2010. – № 43(2). – P. 407–432.

9. Bogardus, E. Social Distance. Los Angeles: University of Southern California Press. 1959.

10. Parrillo, V., Donoghue, C. Updating the Bogardus Social Distance Studies: A New National Survey // The Social Science Journal. – 2005. – № 42(2).– P. 257–271.

11. Halperin, E., Pedahzur, A., Canetti-Nisim,D. Psychoeconomic Approaches to the Study of Hostile Attitudes toward Minority Groups: A Study among Israeli Jews // Social Science Quarterly. – 2007. – № 88(1).– P. 177–198.

12. Lamont, M. Molnar, V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. – 2002. – № 28.– P. 167–195.

13. Cutler, S.J., Kaufman, R.L. Cohort Changes in Political Attitudes: Tolerance of Ideological Nonconformity" // Public Opinion Quarterly. – 1975. – № 39(1).– P. 69–81.

14. Davis, J.A. Communism, Conformity, Cohorts and Categories: American Tolerance in 1954 and 1972–73 // American Journal of Sociology. – 1975. – № 81(3).– P. 491–513.

15. Bobo, L., Licari, F. Education and Political Tolerance: Testing the Effects of Cognitive Sophistication and Target Group Affect // The Public Opinion Quarterly. – 1989. – № 53 (3).– P. 285–308.

16. McClosky, H. Consensus and Ideology in American Politics // American Political Science Review. – 1964. – № 58(2). –P. 361–382.

17. Prothro, J.W., Grigg, C.M. Fundamental Principles of Democracy: Bases of Agreement and Disagreement // Journal of Politics. – 1960. – № 22(2).– P. 276–294.

18. Schlueter, E., Scheepers, P. The Relationship between Outgroup Size and Anti-Outgroup Attitudes: A Theoretical Synthesis and Empirical Test of Group Threat and Intergroup Contact Theory. Social Science Research // 2010. – № 39(2). –P. 285–295.

19. Putnam, R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster, 2000.

20. Warren, M.E. Democracy and Associations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

21. Weldon, S.A. The Institutional Context of Tolerance for Ethnic Minorities: A Comparative, Multilevel Analysis of Western Europe // American Journal of Political Science. – 2006. – № 50(2).– P. 331–349.

METHODOLOGICAL ISSUES IN THE STUDY OF TOLERANCE: THE EUROPEAN EXPERIENCE

N.Yu. Buhner, V.G. Besedina, I.V. Rogozina
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of research methods of tolerance used by scientists of the European Union. In particular, the following methods are considered: LGG – Least Liked Group), social distance (E. Bogardus scale), as well as a modern method based on a combination of traditional techniques. Special attention is paid to the consideration of sociological methods of data analysis: latent class analysis, factor analysis.

Keywords:

toleration, social distance, latent class analysis, factor analysis.

References:

1. Lane, J. The post modern society: which are the basic value orientations? // Contemporary issues. – 2008. – 1(1). – P. 6–20.
2. Nevitte, N. Individualization in Europe and America: Connecting Religious and Moral Values. // Comparative Sociology. – 2006. – 5 (2–3). – P. 203–230.
3. Vermeer, T. The influence of religion on social tolerance in East- and West-Europe: A multi-level. Tilburg University, 2012.
4. Stouffer, S. Communism, Conformity, and Civil Liberties: A Cross-Section of the Nation Speaks Its Mind. Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc. 1955.
5. Mather, D., Tranby, E. New Dimensions of Tolerance: A Case for a Broader, Categorical Approach // Sociological science. – 2014. – Volume 1. – P. 512–531.
6. Sullivan, J. Piereson J., Marcus, G. An Alternative Conceptualization of Political Tolerance: Illusory Increases, 1950s–1970s. // American Political Science Review. – 1979. – №73(3). – P. 781–794.
7. Sullivan, J. Piereson, J., Marcus, G. Political Tolerance and American Democracy. Chicago: University of Chicago Press. 1982.
8. Harell, A. The Limits of Tolerance in Diverse Societies: Hate Speech and Political Tolerance Norms among Youth // Canadian Journal of Political Science. – 2010. – № 43(2). – P. 407–432.
9. Bogardus, E. Social Distance. Los Angeles: University of Southern California Press. 1959.
10. Parrillo, V., Donoghue, C. Updating the Bogardus Social Distance Studies: A New National Survey // The Social Science Journal. – 2005. – № 42(2). – P. 257–271.
11. Halperin, E., Pedahzur, A., Canetti-Nisim, D. Psychoeconomic Approaches to the Study of Hostile Attitudes toward Minority Groups: A Study among Israeli Jews // Social Science Quarterly. – 2007. – № 88(1). – P. 177–198.
12. Lamont, M. Molnar, V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. – 2002. – № 28. – P. 167–195.
13. Cutler, S.J., Kaufman, R.L. Cohort Changes in Political Attitudes: Tolerance of Ideological Nonconformity" // Public Opinion Quarterly. – 1975. – № 39(1). – P. 69–81.
14. Davis, J.A. Communism, Conformity, Cohorts and Categories: American Tolerance in 1954 and 1972–73 // American Journal of Sociology. – 1975. – № 81(3). – P. 491–513.
15. Bobo, L., Licari, F. Education and Political Tolerance: Testing the Effects of Cognitive Sophistication and Target Group Affect // The Public Opinion Quarterly. – 1989. – № 53 (3). – P. 285–308.

16. McClosky, H. Consensus and Ideology in American Politics // American Political Science Review. – 1964. – № 58(2). – P. 361–382.

17. Prothro, J.W., Grigg, C.M. Fundamental Principles of Democracy: Bases of Agreement and Disagreement // Journal of Politics. – 1960. – № 22(2). – P. 276–294.

18. Schlueter, E., Scheepers, P. The Relationship between Outgroup Size and Anti-Outgroup Attitudes: A Theoretical Synthesis and Empirical Test of Group Threat and Intergroup Contact Theory. Social Science Research // 2010. – № 39(2). – P. 285–295.

19. Putnam, R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster, 2000.

20. Warren, M.E. Democracy and Associations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

21. Weldon, S.A. The Institutional Context of Tolerance for Ethnic Minorities: A Comparative, Multilevel Analysis of Western Europe // American Journal of Political Science. – 2006. – № 50(2). – P. 331–349.

УДК 124.2

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ ПЕРСОНАЛИЗМА

С.Ф. Васильев
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассматривается проекция персонализма на общество. Анализируются взгляды персоналистов на должное устройство общества, обоснование необходимости демократического социализма с точки зрения персоналистических идей.

Ключевые слова:

персонализм, социализм, демократический социализм, христианский социализм, русская философия.

«Выясняется окончательно,
что социализм есть блудный сын христианства,
ныне возвращающийся – по крайней мере,
отчасти – в дом отчий».
Г.П. Федотов

Н.А. Бердяев, констатируя социальную пассивность христианства, как-то заметил: «Нужно решительно признать, что в христианстве не было откровения об обществе» [1, с. 317]. Однако все же существует персоналистическая традиция мысли. Персонализм, как течение вдохновленное духом христианства, пытается выработать ответ на социальные проблемы. Нас интересует персоналистская проекция на общество. Мы попытаемся рассмотреть, какие требования к общественному устройству предъявляли мыслители персоналистической ориентации, и какой общественный проект они считали наиболее полно отвечающим истине персонализма.

Более подробно мы попытаемся рассмотреть связь между персоналистической философской ориентацией и представлением о социалистическом общественном идеале. Под персонализмом в философии мы понимаем такую позицию, которая придает личности высший онтологический и аксиологический статус как в бытии в целом, так и в обществе, в частности. Персонализм проявляется в трактовке сущности общества как такового, в критериях ценностной оценки типов общества, понимании мировой истории и формулировании чаемого общественного идеала и пр.

Н.А. Бердяев провозгласил себя сторонником метафизического персонализма. Личность, по его мнению, есть прорыв человека к трансцендентному, она не от мира сего. Поэтому личность не тождественна индивидууму. Н.А. Бердяев проводит размежевание между персонализмом и индивидуализмом. Индивидуализм понимает человека как эгоиста, стремящегося изолироваться от других людей и подчинить себе мир. Личность же есть независимость от мира, но, одновременно, и открытость ему, особенно, другим личностям. Она характеризуется таким отношением к миру, как творчество, свобода, любовь. «Эгоцентризм разрушает личность. Эгоцентрическая самозамкнутость и сосредоточенность на себе, невозможность выйти из себя и есть

первородный грех, мешающий реализовать полноту жизни личности, актуализировать ее силы» [2, с. 25].

Н.А. Бердяев сочувственно упоминает определение Ш. Пеги, гласящее, что индивид – это собственный буржуа в человеке, которого он должен победить. Индивид может быть частью природы или общества. А личность – нет, она не может быть частью чего-то. Она вмещает в себя весь универсум. Личность нуждается в другой личности, находится с ней в общении, коммунионе. Свободная личность находится вне отношений господства и рабства. Поэтому Н.А. Бердяев с подозрением относится к социальным иерархиям, как подавляющим личность.

Бердяев рассматривает индивидуализм как форму «рабства человека у самого себя». Индивидуалист закрыт для высшей реальности. Индивидуум одержим страстями, порабощен ими – стремлением к могуществу, успеху, наслаждению и пр. Индивидуализм процветает в либеральном социальном строе. Но в этом строе нет подлинной свободы. «В этом строе, который фактически был строем капиталистическим, индивидуум был раздавлен игрой экономических сил и интересов, он раздавлен сам и раздавливал других. Персонализм имеет тенденцию коммюнотарную, хочет установить братские отношения между людьми. Индивидуализм же в социальной жизни устанавливает волчьи отношения между людьми» [2, с. 82]. Капиталистическая система раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь, товар.

Буржуа рассматривается Н. Бердяевым как определенный человеческий тип, как духовная ориентация, которая свойственна многим историческим эпохам. Наиболее яркое свое воплощение буржуа обрел в капиталистическом строе. Буржуа глух к трансцендентному, он – хозяин этого мира. Он – житель срединного царства. Буржуа – распухший индивидуум, раб собственности, богатства, денег. Для него свойственен аривизм или карьеризм. Буржуа оценивает человека по его собственности, по тому, что человек имеет. С точки же зрения персонализма: «Личность есть то, что человек есть, она остается, когда уже ничего не имеет» [2, с. 111]. Капитализм – это господство денег, т. е. господство безличного начала. Поэтому персонализм не может его защищать.

Н.А. Бердяев отмечает лицемерие защитников буржуазной собственности: если, как они утверждают, эта собственность есть гарантия свободы и независимости человека, то почему же пролетарии лишены этой собственности? Если все должны быть свободны, то все должны иметь собственность. Буржуа хочет свободы лишь для себя.

Не должно быть разделения между индивидуальной и социальной моралью. «Нельзя быть моральным человеком и хорошим христианином в индивидуальной, личной жизни и быть жестоким эксплуататором и аморальным в социальной жизни в качестве представителя власти, хозяина предприятий, главы семьи и пр.» [1, с. 308].

Критически относится Н. А. Бердяев к так называемой экономической свободе. Абсолютная свобода в экономической жизни означает капиталистическую систему. Она ставит в тяжелое положение огромные массы, является источником эксплуатации. Поэтому экономическая свобода должна быть ограничена во имя свободы же» [1, с. 328]. Недостаток «хлеба» есть также недостаток свободы.

Наряду с индивидуализмом Н.А. Бердяев не приемлет и коллективизм. Коллективные реальности, по его мнению, не подлинны. Они лишь продукт объективации: коллектив есть известная направленность людей и групп, состояние, в котором они находятся. Коллективные реальности не имеют сознания. Они не имеют экзистенциального центра - не могут страдать и радоваться.

Н.А. Бердяев утверждает решительную противоположность коллективизма и ком-

мюнотарности. Коллективизм в общении между людьми утверждает авторитарность. От фиктивной реальности коллектива исходят руководства и приказы. Коллективизм антиперсоналистичен, не знает ценности личности. Коллективизм не знает ближнего, он соединение дальних. Коллективизм – отношение человека к человеку через его отношение к объективированному обществу, стоящему над человеком. В нем происходит социализация совести, мысли, творчества. Через коллективное сознание и совесть одна группа людей начинает господствовать над другими.

Современный капитализм, по мнению русского мыслителя, есть результат безличного, анонимного характера капитализма. Поэтому выросшие в такой обстановке обездоленные массы склоняются к коллективизму.

Коммюнотарность – отношение человека к человеку через Бога. Это общность и общинность личностей, когда ими руководит совесть… Совесть – не замыкание человека в себе, а победа над эгоцентризмом. «Коммюнотарность есть духовное качество людей, общность и братство в отношениях людей» [1, с. 333]. Разумеется, коммунотарность плохо сочетается с общественной необходимостью.

Религиозная коммюнотарность есть соборность. На самом деле, по мысли Н. А. Бердяева личность противоположна не общине и общинности, а вещи и коллективу. Коллективизм – внешнее, объектное понимание коммюнотарности. Бердяев полагает, что не следует отождествлять социализм с коллективизмом: «Коллективизм глубоко противоположен пониманию социализма как превращению человека из объекта в субъект, он именно имеет тенденцию превращать человеческую личность в объект. Но единственное оправдание социализма заключается в том, что он хочет создать общество, в котором ни один человек не будет объектом и вещью, каждый будет субъектом и личностью» [1, с. 333].

Н.А. Бердяев активно возражает против органических теорий общества. Общество не организм. Поэтому оно не имеет примата над личностью. Общество, понятое монистически, имеет тенденцию к тирании. Более приемлем плюрализм, но плюрализм в капиталистических обществах связан с индивидуализмом и является прикрытой формой тирании капиталистов. Поэтому нужно создать совершенно новое братское общество, персоналистическое и коммюнотарное.

В истории присутствуют тенденции как к социализации, так и к индивидуализации. В первой половине XX века преобладает социализация. Затем, по прогнозу Н.А. Бердяева, будет опять преобладать индивидуализация. Человечество, по мнению Н.А. Бердяева, переходит к социализму. Мир входит в социальную эпоху. В переходный период возникает государственный капитализм.

Н.А. Бердяев считает, что социализм имеет свою правду и необходимость. Он согласен с духом христианства Бердяев считает, что «В идее бесклассового, трудового общества, в котором каждый работает для других и для всех, для сверхличной цели, не заключает отрицания Бога, духа, свободы и даже наоборот, эта идея более согласна с христианством, чем идея, на которой основано буржуазное капиталистическое общество» [2, с. 125]. Враждебен христианству дух коммунизма – воинствующий духоборческий его материализм. Но христиане могут признавать социальную правду социализма.

По отношению к хозяйственной жизни Н.А. Бердяев выделяет два принципа. Буржуазная идеология хозяйства основана на личном интересе. Это, по его мнению, антихристианский принцип. «Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хо-

зяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый». [2, с. 151] Бердяев полагал, что вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека. Нужна новая душевная структура перевоспитание человека. «Христианство представляется мне соединимым лишь с системой, которую я называл бы системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности, как верховной ценности, с принципом братской общности людей» [3, с. 152].

С одной стороны, социализм есть утопия совершенного и гармоничного строя. Но, с другой стороны, социализм есть прозаическая необходимость в некоторый час истории. «В этом смысле социализм, вне утопии и мифа, есть очень элементарная и маленькая вещь – устранение безобразной эксплуатации и непереносимых классовых неравенств» [1, с. 355].

Однако социалистические преобразования несут и некоторые риски. При всеобщем благополучии социализм может превратиться в царство мещанства. Кроме того, важным представляется вопрос о личной свободе.

Социализм двойственен: он может создать новое рабство или новое свободное общество. «Глубина и правда социализма в том, что человеческая личность вообще и особенно личность рабочего, из объекта должна превратиться в субъект… Нельзя допустить, чтобы человек рассматривался как вещь и объект. Человек есть субъект и личность, и оправдан социальный строй, который это признает» [1, с. 308].

С точки зрения Н.А. Бердяева собственность нельзя использовать для угнетения и эксплуатации других людей. Но личная трудовая собственности должна остаться и при устранении капитализма. Государство и общество не могут быть субъектами собственности. Они могут быть гарантами того, что собственность не будет использована для обогащения одних за счет других. Сосредоточение всей собственности в руках государства может привести к новой тирании.

Это, к сожалению, произошло в советской России. Бердяев считает, что попытка осуществления коммунизма в России также дегуманизирует человеческую жизнь, как и капиталистический строй. Коммунизм привел к образованию «обратной теократии», поскольку является новой верой и тоталитарно навязывает себя всем членам общества. По мнению Бердяева, несмотря на всю враждебность к религии, коммунизм держится остатками христианского воспитания. «Лучший тип коммуниста, т. е. человека целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ» [1, с. 138]. Он создал деспотическое и бюрократическое государство. Здесь сказались традиции Московского царства. Русский коммунизм – деформация русской идеи. Коммунизм осуществляет идею регулирования общественной жизни. Он подчиняет человека служению сверхличным целям, но подавляет саму личность. Коммунизм в России – крайний этатизм, он привел к бюрократизации хозяйства. Складывается новый правящий класс, сменяющий капиталистов - бюрократия или организаторы.

Но неудача русского эксперимента, по мысли Н.А. Бердяева, не должна служить поводом отказа от социалистического проекта. «Но тираничность и жестокость советской власти не имеет обязательной связи с социально-экономической системой коммунизма. Можно мыслить коммунизм в экономической жизни, соединенный с человечностью и свободой. Это предполагает иной дух и иную идеологию» [3, с. 116–117].

Коммунизм, по Н.А. Бердяеву есть суд над христианством, суд за неисполненный долг по преобразованию общества в духе христианства. В этой связи можно вспомнить статью Вл. Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания». Творче-

ское социальное христианство должно раскрыть христианской правду в отношении к социальной жизни. Проблематика коммунизма способствует пробуждению христианской совести, освобождению от социального рабства.

В коммунизме есть верное понимание жизни каждого человека как служения не себе, а сверхличной цели, великому целому. «В коммунизме есть также верная идея, что человек призван в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную и космическую жизнь» [3, с. 125]. Именно отрицание духа, свободы есть извращение в коммунизме. В коммунизме есть влюбленная ненависть в капитализм. Дух коммунизма, его религия, философия – антигуманистические, антихристианские. Нужен религиозный социализм, но не социализм как религия

Свобода, по мнению, Н.А. Бердяева есть духовное начало в человеке. Свобода человеческой личности не от общества, а от духа. Поэтому общество должно лишь признать эту свободу. Права человека не естественные, а духовные. «По настоящему любит свободу тот, кто утверждает ее для другого» [1, с. 328].

Интересна бердяевская трактовка подлинного аристократизма: «Аристократизм свободы, аристократизм личного достоинства и чести должен быть перенесен на всех людей, на всякого человека, потому что он человек» [2, с. 106]. Всякий человек должен быть признан аристократом. Христианство, по мысли Н.А. Бердяева соединяет демократизм, равенство всех перед Богом равенство в наличии у всех бессмертной души и с аристократическим принципом личности качество духовной личности, независящей от общества и от масс. Духовная аристократия будет и в бесклассовом обществе.

Не обходит Н.А. Бердяев и вопрос о духовном творчестве в будущем трудовом обществе. Творчество ценностей нужно не для личного спасения, а для полноты Царства Божия на небе и на земле. Нельзя осуществлять социальной правды без истины и красоты.

Бердяев против противопоставления свободы и справедливости: «Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Это будет отвлеченная справедливость, не имеющая отношение к конкретным людям. Справедливость требует свободы для всех людей. Закон может принуждать к справедливости, но не может принуждать к братству». Принуждающий закон – охранение свободы от человеческого произвола» [1, с. 322].

Из послевоенного кризиса Н.А. Бердяев видит три исхода: 1. Распад, хаос, война всех против всех. 2. Насильственный коллективизм без свободы, деспотизация мира. 3. Внутренне преодоление хаоса.победа духа над техникой, духовное восстановление иерархии ценностей, соединенное с осуществлением социальной правды. Третий вариант был бы наиболее желательным.

Вместе с тем у Н.А. Бердяева можно встретить высказывания, которые могут поставить под сомнение осуществимость персоналистического социализма.

Нужна ли свобода и демократия народным массам? В этом можно сомневаться. «Опыт русской революции подтверждал мою давнюю уже мысль, что свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам, они не могут вынести бремени свободы» [4, с. 231]. Если это так, то как же удержится демократия? И как тогда возможен демократический социализм? И личностное начало развито у большинства людей не в полной мере. «Свободная личность есть редкий цветок мировой жизни. Огромное большинство людей не состоит из личностей, личность у этого большинства или еще в потенции, или уже разлагается» [2, с. 83]. Как же тогда строить персоналистический социализм? Как управлять обществом?

Французский персоналист Э. Мунье также стремится отделить персонализм от индивидуализма. «Индивидуализм – это система нравственных идей и установок, чувств, мыслей, которые управляют человеком, пребывающим в состоянии изоляции и самозащиты» [5, с. 478]. Индивидуалист – абстрактный человек без привязанностей и естественного окружения. Он недоверчив и расчетлив, эгоистичен. Буржуазно-индивидуалистическая цивилизация замыкает человека в себе. Индивидуум переживает упадок. Ценности творчества подменены ценностями комфорта. Капитализм – общество «распухших» индивидов. На самом деле люди в нем несвободны. В нем доминирует анонимная власть денег.

Личность должна освобождаться от размыкания в себе, должна открываться другой личности. Первичный опыт личности – это опыт другой личности. Существовать – значит любить. Э. Мунье констатирует, что в современном мире личность чаще незащищена, пребывает в отчаянии, не согрета взаимностью. Подлинная общность возникает редко. Является ли тому виной общественный строй? В истории мы видим противоборство тенденций к персонализации и деперсонализации. Сама оценка сообществ зависит от того, насколько они способны к персонализации. Нужно создать такое общество, которое соответствовало бы требованиям личностного существования. Персоналистская цивилизация направлена на то, чтобы каждый индивид мог реализовать себя как личность.

Личность – абсолютное начало в том смысле, что ее нельзя рассматривать как часть какого-либо целого семьи, класса, государства, нации, человечества. Она отлична от индивида. Индивид – это распыление и алчность. Личность – великодушие, сосредоточенность. Жизнь личности – присутствие и вовлеченность, следование внутреннему призванию. Свобода личности состоит в том, чтобы самой обретать свое призвание и свободно находить средства для его реализации. Настоящая свобода заключается не в уклонении от действия, а свобода вовлечения в действие.

Э. Мунье пытается выработать типологию сообществ с точки зрения их персоналистичности. Самая низшая ступень общности – это анонимный мир безличных общественных отношений. Здесь нет ближнего. Есть только подобные. Реальное общество всегда содержит в себе безличные социальные структуры. Человек не определен своей средой, но, в то же время, он ею обусловлен. В более высоких жизненных сообществах больше индивидуализации. Есть также общества нашего особенного брата, товарища. Разумное сообщество как идеал просветителей.

Подлинное сообщество, по мнению Э. Мунье, есть общество персоналистское. А «объективированное, экстериоризованное, рассматриваемое в отрыве от сообщества *социальное* начало – это уже не человеческая и не духовная ценность» [5, с. 315–316].

Персонализм ставит личность как средоточие всех других ценностей в центр человеческой реальности. Это означает верховенство духовного над техническим, политическим и экономическим аспектами. Основной принцип персонализма в подходе к обществу: «Правовой, политический, социальный и экономический механизм в целом не имеет никакого иного назначения, кроме обеспечения формирующимся личностям, во-первых, зоны изоляции, защиты, деятельности и досуга, которая позволит им при полной духовной свободе познать свое призвание; во-вторых, помощи (без принуждения) в избавлении от конформизма и ошибочных ориентаций; наконец, в-третьих, через социально-экономический организм социальные средства, необходимые для того, чтобы призвание каждой из личностей могло максимально плодотворно выразиться» [5, с. 305–306].

Основная сила, свобода личности идет изнутри. Что может сделать для личности институциональный строй? По мысли

Э. Мунье, негативное освобождение человека может быть достигнуто путем определенного использования социальных институтов: «Все, что может, и все, что должен сделать для личности институциональный строй, – это уравнять между собой определенные препятствия внешнего характера и способствовать движению личности по определенным направлениям. Это означает:

1) уничтожить любую форму угнетения личности;

2) обеспечить личности независимость частной жизни, которая давала бы ей возможность и гарантию выбора деятельности в системе социальных принуждений;

3) организовывать все социальные механизмы на основе принципа личной ответственности, так чтобы его автоматическое действование было направлено на расширение выбора каждого индивида» [5, с. 310–311].

Итак, общественные институты негативно освобождают человека: они не должны превращать личность в жертву, подавлять ее. Но они должны иметь и позитивную ориентацию: давать возможность каждому реализовать себя как личность. По мнению Э. Мунье институт семьи представляет собой оптимальную человеческую среду для формирования личности. Но подлинная духовная свобода может быть достигнута только собственными усилиями человека. Общество за человека этого сделать не может.

Персонализм считает, что личность становится таковой чрез внутренний трансцендирующий порыв. В этом отношении люди неравны. В этом смысле персонализм антиэгалитарен, аристократичен. Но, с другой стороны, с точки зрения персонализма *каждая* личность есть неповторимая бесконечная духовная ценность. И в этом смысле все личности тождественны. Поэтому персонализм против отношения к другой личности как средству и разделения людей на классы по наследственности, социальной значимости и положению. Отсюда можно назвать персонализм фундаментальным антиаристократизмом. Мунье при этом не отрицает функциональной организации. Он против превращения функционеров к особую касту людей с привилегиями. «Персонализм отвергает и аристократизм, который разделяет людей только по внешним, лежащим на поверхности критериям, и демократизм, который хотел бы игнорировать принцип внутренней свободы и своеобразия людей. Это две формы материализации, объективации личной жизни» [5, с. 309]. Персонализм стремится выявить во всех слоях духовную элиту.

Персоналистская экономика, по мнению Э. Мунье, может разрешить спор между коллективизмом и либерализмом. Она сохраняет коллективность и спасает свободу. Для этого она должна быть плюралистической. Должны быть: плановый сектор, как общественная служба обеспечения жизненных условий, и свободный сектор. Э. Мунье предлагает нечто вроде смешанной экономики

Персонализм выступает против авторитарной экономики, экономического этатизма. В таком строе существует противоположность между трудом и государством. Все общество становится пролетариями. Необходимо же приобщение человека к сообществу.

Персонализму противоречит чрезмерное разрастание экономической сферы, подчинение всей человеческой жизни экономическим критериям. Персонализм находится в оппозиции к капитализму. Буржуа обвиняется в бездуховности, в озабоченности только материальной стороной дела. «Подрывная» деятельность капитализма обширна. Капиталистическая экономика имеет тенденцию строить свою организацию вне личности, на основе безличной цели – прибыли, за счет паразитирования на природе и труде. Капитализм лишает работника законной прибыли, собственности и личного права на труд, лишает индивидуального предпринимателя инициативы в пользу централизованных трестов: «капиталистическая экономика – это пол-

ностью извращенная экономика, в которой личность подчинена потреблению, а оно само подчинено производству, производство же в свою очередь служит получению спекулятивной прибыли» [5, с. 360–361] Персонализм не считает, что технический прогресс сам по себе может возвысить человека. Но техника – область человеческого творчества, которая недостаточно гуманизирована.

С точки зрения персонализма главное – правильная этика потребностей целостной личности. Выделяются потребительские нужды и потребности наслаждения. Первое право экономической личности – право на прожиточный минимум, а жизненно необходимое. Нужно ликвидировать пролетарское положение многих людей, устранить жизненную необеспеченность. Должны быть удовлетворены и потребности творчества. Потребление должно быть свободным, не регулируемым централизованным планированием.

Необходим примат труда над капиталом. Примат служения над прибылью. У каждого должно быть право на труд. Власть и управление должны принадлежать исключительно организованному ответственному труду. Это означает экономическую демократию. Персоналистское демократическое требование: каждый трудящийся должен иметь максимально широкие возможности для осуществления себя в качестве личности. Любой трудящийся будет обладать собственностью на жизненно необходимую зарплату участвовать в доходах. Он должен иметь статус компаньона. Рабочие будут выбирать власть при экономическом управлении. Персонализм выступает против проникновения внешней государственной власти в организацию производства. Нужно также принять меры для максимального ограничения концентрации богатств.

Грядущий социализм вызревает в недрах капитализма. «Под социализмом мы понимаем следующее: уничтожение условий, воспроизводящих пролетариат; замена экономической анархии, основанной на прибыли, экономикой, служащей всестороннему развитию личности; социализация секторов производства, исключающая посредничество государства, поддерживающего экономическое отчуждение, развитие профсоюзов; реабилитация труда; повышение жизненного и культурного уровня рабочего в противовес политике патернализма; примат труда над капиталом; уничтожение классов, основанных на разделении труда или привилегиях; приоритет личной ответственности над властью анонимны структур» [5, с. 528].

По мнению Э. Мунье персоналист должен сделать выбор в пользу социализма. Способ реализации персоналистского общества зависит, во многом, от конкретно-исторических условий.

Русский мыслитель Г.П. Федотов также ставит на первое место личность человека. В этом смысле его тоже можно считать персоналистом. Г.П. Федотов стремится преодолеть противоречие между индивидуумом и обществом, индивидуализмом и коллективизмом. Он обращается при этом к христианской традиции: «Два недуга, которыми больно человечество – иные думают, смертельно, – ненависть классов и ненависть наций – принципиально разрешимы лишь на почве христианства. Не капитализм, то есть анархия личного произвола, и не коммунизм, то есть деспотия общества, а искомое и трудноопределимое равновесие личных и коллективных хозяйственных воль. Кто же будет арбитром между личностью и государством? Нельзя сомневаться, что одним из существенных факторов решения социального вопроса является психологическая установка – на личность и общество одновременно. Но лишь в христианстве возможно парадоксальное равенство: часть=целому» [6, с. 283].

Он обращает внимание на то, что в христианстве была и есть тенденция к воплощению христианских истин о должной жизни в социальной сфере. В книге «Социальное значение христианства»

Г.П. Федотов намечает критерии оценки общественного строя и его значение для христианства: «Так как общественный строй не безразличен для духовного и морального благополучия людей, т.к. он может или развращать, соблазнять их или воспитывать к добру, то отсюда ясно: социальный строй не может быть безразличен для христианина. К какому же строю он должен стремиться? К такому, где более всего воплощена справедливость и братские начала жизни, где легче всего борьба со злом и где личность поставлена в наиболее благоприятные условия для своего духовного развития… Ценность всяких социальных форм зависит, прежде всего, от наполняющего их нравственного содержания: от того, насколько в них воплощается дух любви, справедливости, свободы» [7, с. 6–8].

Если нет вечных и абсолютно справедливых общественных учреждений, то есть все же для каждой эпохи и страны относительно справедливые и лучшие учреждения, за которые, со спокойной совестью, может и должен бороться христианин. В христианстве есть социальный догмат, и этот догмат совпадает с учением о Церкви. Сострадающая любовь должна быть направлена не только к душе человека, но и к его телу. Лишь по отношению к самому себе человек может и должен проявлять аскетическое отречение или евангельскую беззаботность. Также с идеалом братства несовместимо сосуществование резких социальных противоречий - богатства и бедности, т.к. оно – показатель небратского, черствого отношения к ближнему.

И восстановление социальной справедливости составляет неотъемлемую черту евангельского идеала, воплощенного в образе Царства Божия. Христианское учение не призывает бедных на борьбу с богатыми за свою долю земных благ. Но оно и не объявляет социальных различий не имеющими значения для Царства Божия. Оно обращается к богатым с укором, а к бедным с обетованием утешения и награды в будущем.

Став массовой, всенародной религией, христианство вынуждено было вступить в компромисс существующим социально-экономическим и политическим строем. Поэтому капитализм, победоносно распространившийся по Европе с XVI столетия, не встретил со стороны христианской церкви почти никаких этических преград и ограничений

Первая христианская община была построена на принципе общего имущества. За призывом к жертвам встает коммунистический идеал раннего христианства. Для христианина нет собственности. Богатство дается ему в управление от Бога, и он обязан пользоваться им в интересах всех своих братьев – всей церкви. Иначе он преступник и похититель «собственного» достояния.

Г.П. Федотов отмечает христианские корни социалистических идей: «В современных формах социализма, особенно коммунизма, есть действительно много несовместимого с христианством: материализм, этика классового эгоизма и ненависти, вера в могущество насилия, растворение личности в партийном и классовом коллективе. Однако, если вдуматься в самую основу социальных идей нашего времени, то без труда вскрывается их христианское происхождение. Ни в одной культуре, кроме христианской, никогда не вставал и не мог встать социальный вопрос в нашем смысле слова. Он является практическим выводом из постулата христианского братства. Вне христианства, самое высокое развитие науки и философии приводило к оправданию жестоких природных и социальных форм неравенства (рабства) и безграничной власти государства над личностью. Свободное общение равноправных личностей есть поздняя социальная транскрипция исконного христианского идеала. Вне христианства, конечно, возможна была бы классовая борьба рабочих с предпринимателями, но не возникло бы то научное,

этическое и философское движение, которое носит имя социализма и в которое представители буржуазной интеллигенции вложили, совершенно бескорыстно, самое высокое и ценное его содержание» [7, с. 29–30]. Г.П. Федотов отмечает враждебность современного коммунизма к христианству. Христианство расплачивается за поддержку эксплуататорского социального строя.

В работе «Социальный вопрос и свобода» Г.П. Федотов различает два вида социализма. И различаются они отношением к свободе, демократии. *Авторитарный* социализм впитал в себя традиции абсолютизма и реакционных идей. К *демократическому* же социализму относятся силы социал-демократического толка. Авторитарный коммунизм воплотился в коммунистической России. От революционного фашизма коммунизм отделяет лишь классовая рабочая структура государства.

Он отмечает, что современные социалистические представления о демократии отправляются не от власти народа, но от ценности личности. Но личность и ее свобода составляют метафизическое основание либерализма. Получается, что либерализм, социально окрашенный, составляет главное содержание и современного социализма.

Решение проблемы Федотов видит в сочетании утверждения свободы и утверждения организации. Поскольку они часто противоречат друг другу, Федотов предлагает, как средство разрешения противоречия между ними, различные степени свободы для различных сфер общества. «Градуация свободы в хозяйственной жизни, градуация ее во всей культуре, в соответствии с подлинной иерархией ценностей, – таково задание нового града, не новой утопии, а насущнейшего, практического дела современности» [8, с. 299].

Прежде всего, должна быть ограничена экономическая свобода: «Экономический строй капиталистического общества уничтожает реальную свободу масс, свободу их духовной жизни, даже свободу их труда ради проблематической хозяйственной свободы немногих. Экономическая свобода приводит, в масштабе целого общества, к своему собственному отрицанию. Она и должна быть ограничена, подобно тому как неизбежно ограничивается, в процессе осложнения цивилизации, свобода внешнего быта: постройка жилищ, движения по улицам и дорогам, даже шумов и звуков. Теоретически это давно и всеми признано» [8, с. 296–297].

Г.П. Федотов не закрывает глаза на опасность такого ограничения. Хозяйственная деятельность для многих людей является единственная формой культурной активности. Утрата хозяйственной свободы может повлечь за собой закрепощение и других, более глубоких сфер жизни.особенно опасно государство, которое контролирует всю экономику. Полное отсутствие свободы в экономической сфере пагубно скажется на ней самой: «Без творчества, то есть без некоторой свободы работника и организатора, не может быть ни технического прогресса, ни даже сохранения достигнутого уровня» [8, с. 297]. Не индивидуализм и не этатизм в хозяйстве, а неизвестное, искомое сочетание личных и общественных сил – такова тема «истинного социализма».

Духовная культура должна быть сферой свободы, куда государство не должно вторгаться. В политике, вероятно, возникнет новая форма демократии. Права человека и гражданина должны быть защищены. Политика в будущем обществе должна присутствовать, несмотря на ее негативные черты. Ведь политика – не только схватка за материальные интересы, но и борьба за общественные идеалы.

В статье «Что такое социализм?» Г.П. Федотов снова обращается к социальной теме. Он отмечает, что старый социализм отрицал капиталистическую эксплуатацию во имя социального равенства. Его экономический принцип: национализация или обобществление, отмена частной соб-

ственности на средства производства. Но коммунизм в России произвел национализацию, тем не менее, социальные проблемы оказались нерешенными. В противовес деструктивному коммунизму нужен конструктивный социализм. Его путь лежит не через разрушение буржуазного мира, а через взращение, развитие и оформление тех зародышей новой жизни, которые уже пробиваются в старой.

Историй уже поставила в повестку дня несколько проблем. Решение любой из них еще не дает социализма. В своей совокупности, однако, они создают общество совершенно нового типа, которое можно назвать социалистическим.

Первая из проблем – это рациональная организация хозяйства. Вопрос в том, кто будет планировать, регулировать или организовывать хозяйство? Г.П Федотов приходит к мысли о том, что наиболее приемлем следующий вариант: «Какая-то комбинация национального государственного капитализма и постепенно построяемого мирового хозяйственного плана дает решение современному и будущему кризисам и позволяет безбоязненно развивать производительные силы народов, не обрекая их на голод от изобилия, на безработицу от роста производства» [9, с. 25].

Второй важный вопрос, в каких пределах личное начало в хозяйстве сохраняется новой экономической организацией? Здесь, по выражению Федотова не должно быть ни недолета, ни перелета. «Личное начало в хозяйстве должно быть сохранено, но ограничено. Собственность приобретает функциональный характер — сочетания личных прав и общественных обязанностей. Благодаря созданию новой науки «рационализации», наряду со старой технологией, не только техническая, но и административная сторона предприятия могут отделяться от хозяйствующего субъекта. Вопрос о рынках решается в высших корпоративно-государственных инстанциях. Следовательно, на долю хозяйствующего владельца остается приспособление самостоятельной технической единицы к общественному заданию. Поскольку здесь остается место для творчества, остается и хозяин. Всецело сохраняется его роль в создании новых предприятий и новых хозяйственных форм». Полное или частичное проведение их создает строй, который называется государственным или «связанным» капитализмом.

Вторая проблема: социальное обеспечение. Федотов отмечает, что идеей социального обеспечения жил социализм гуманитарный и христианский. А идея рационализации хозяйства развивалась в марксизме. С точки зрения христианства: «Величайший грех — не накормить голодного, и, если существует социальный грех, — а с точки зрения социального реализма нельзя этого оспаривать, — то и общество в целом обязано накормить своих голодных членов. Для современного нравственного сознания смерть человека от голода ощущается, как преступление» [9, с. 26].

По мнению Г.П. Федотова плановое хозяйство поможет покончить с безработицей, с остальным справится социальная техника. Но социальное обеспечение должно иметь предел, иначе оно может развращать людей и отбивать охоту к труду. Помощь общества должна иметь преимущественно трудовой характер и там, где общество встречается с порочной или злой волей, ограничиваться минимумом. Опасности социального обеспечения должны парироваться социальным воспитанием.

Третья проблема: социальная демократия. Г.П. Федотов отмечает, что «Национально организованное хозяйственное общество, обеспечивающее от нищеты своих членов – это еще не социализм. Можно представить себе его даже в рамках очень сурового классового строя: могущественная капиталистическая каста, полновластно распоряжающаяся судьбой бесправного пролетариата». Где различие между государственным капитализмом и государственным социализмом? Граница между ними проходит не по чисто экономическим

признакам, а по социальным признакам. Это социальная демократия. «В соединении с плановостью хозяйства социальная демократия и образует реальное содержание социализма – за вычетом его утопических мотивов. Другое имя ему – трудовое общество» [9, с. 28].

Трудовым общество становится тогда, когда трудящиеся классы — работники в широком смысле слова — приобретают в нем господствующее положение». Лишь одной из предпосылок его является перераспределение общественного дохода: повышение заработной платы и понижение (абсолютное и относительное) прибыли». Г.П Федотов полагает, что фискальная политика государства должна предотвращать накопление чудовищных состояний и содействовать образованию нового социального единства. Не экономическое равенство, но сближение социальных полюсов до возможности некоего общего бытового стиля – необходимая предпосылка трудовой демократии.

Труд должен стать мерилом социальных ценностей и лечь в фундамент социальной иерархии. В рабочем обществе будет аристократия, основанная на труде (и творчестве). Г.П. Федотов предполагает, что в будущем, возможно, сама прибыль будет оцениваться, как форма трудового вознаграждения за руководство хозяйственной организацией.

Спор между физическим и духовным трудом Г.П. Федотов решает в том смысле, что технический прогресс ведет к постепенному уничтожению физического труда. Не интеллигенция поглощается пролетариатом, а пролетариат поглощается интеллигенцией. Таковы технический тенденции культуры. Пролетариат есть обреченное на исчезновение порождение капиталистического века. При этом важную роль должно сыграть равенство общего образования всех членов общества. Для поднятия авторитета духовного труда необходимо увеличение фондов «бескорыстных ценностей»: науки, искусства, религии. Это поднимет престиж искателей истины, строителей идеальных форм, учителей духовной жизни.

Он отмечает, что уже сегодня рабочий коллектив принимает на себя все возрастающую долю ответственности за управление и организацию фабрики. Администрация становится конституционной, ограниченной, уже теперь, вмешательством рабочих союзов. Рядом с конституционными ячейками частных и государственных или муниципальных предприятий возможно развитие чисто республиканских – т.е. кооперативных. Но права трудящихся, в смысле известного самоуправления заводского мира, его права на самодисциплину – сохраняются везде.

Вместе с тем Г.П. Федотов скептически относится к чисто кооперативному строю: «Если капиталисты или частные компании будут заменены производительными кооперациями, обладающими той же хозяйственной свободой, это не подвинет ни на шаг хозяйственную организацию мира. Борьба кооперативов не менее страшна, чем борьба личных предпринимателей» [9, с. 30]. Какое-то единство всего мирового хозяйства должно быть обеспечено сверху.

Г.П. Федотов предсказывает, что социальная демократия осуществит себя в государстве в формах синдикализма. Но остается вопросом, сохранятся ли, наряду с синдикальным строем, остатки старого политического государства парламента.

В «Письмах о социализме» Г.П. Федотов вновь пытается указать специфику социализма. Социализм как национализация средств производства показал свою негодность. Но, по мнению Г.П. Федотова национализация есть не цель, а лишь средство для цели. Каковы же составляющие социализма?

Это, прежде всего, экономический рационализм. Социализм есть замысел подчинить хозяйственную стихию человеческому разуму и воле. Нужно организовать хозяйство, руководимое раньше борьбой и соглашением частных интересов. Эта идея

завоевывает себе общее признание под именем управляемого или планового хозяйства, без которого невозможно преодолеть кризис перепроизводства. Федотов отмечает проблему исчерпанности внешних рынков. Для решения этой проблемы он предлагает применять даровую раздачу, бесплатные социальные услуги.

Г.П. Федотов верно отмечает, что «решение задачи рационального хозяйства само по себе еще не удовлетворяет замыслу социализма, как освобождения трудящихся. Можно мыслить рационализацию произведенной в интересах господствующих классов, как мы читаем это в некоторых утопиях Уэлса и Гэксли. Возможно новое рабство в неслыханных формах биологического подавления человека человеком – воспитание низшей породы людей: скотов для работы на господ. Тоталитарное общество может и впрямь осуществить этот «аристократический» идеал. Поэтому для характеристики социализма необходим добавочный и самый важный признак. Я не назову его равенством, которое невозможно, хотя известное уравнение, во всяком случае – смягчение существующего неравенства, необходимо» [10, с. 72].

Культурное общество (совпадающее с так называемым «буржуазным») в наши дни, как и во все времена, зиждется на общности культурного минимума у всех его членов. Этот минимум дает воспитание. Вот почему культурная или духовная проблема социализма есть прежде всего, проблема воспитания. Все экономические преобразования являются лишь средством для воплощения этого идеала. Г.П. Федотов называет такое общество, вслед за Н.А. Бердяевым, бесклассовым.

В статье «Основы христианской демократии» Г.П Федотов ставит вопрос: совместимы ли свобода и демократия с христианством.

Начала европейской демократии – это власть народа и свобода личности. Г.П Федотов отметает монархизм с точки зрения персонализма: «Монархия, т.е. наследственная власть, означает первенство крови, родового (языческого) начала над личным призванием, которое говорит всего сильнее – не в ропоте народной толпы, – но в дерзании народного вождя».

Обращаясь к Библии, Г.П. Федотов приходит к выводу, что христианская демократия есть не безцарствие, но царство народа Божия. «Демократическая теория народного суверенитета, разливающая суверенитет между всеми личностями, составляющими народ, является секуляризованным отражением той же идеи. Демократия в Европе долго говорила христианским языком — в коммунах средневековья, в республиках реформации, прежде, чем заговорить на языке Руссо. Но и в речах Руссо можно узнать дух женевской теократии Кальвина. В православии, столь связанном с византинизмом, на русской земле создавались христианские демократии Новгорода, Пскова, Вятки. Их сакральная порфира (по крайней мере, в Новгороде) была не менее пышной, чем у царей московских. Не разрывать эту порфиру должна демократия, но надеть на свои плечи» [11, с. 9].

Демократия – это и форма отбора природных вождей. «Харизма власти, разлитая по всему социальному телу, собирается в сгущениях силовых точек: в каждой группе людей есть природные вожди, которые умеют руководить, которым приятно повиноваться. Это дарования личные они чрезвычайно редко передаются по наследству, и не покупаются вместе с социальными привилегиями. Порок монархических и аристократических обществ состоит именно в обезличении власти, отвлечении ее от личного дара. Смысл и призвание демократии – в освобождении личной харизмы власти, а вовсе не в ее обезглавлении и растворении в коллективе» [11, с. 9].

Г.П Федотов ставит вопрос и сам же не него отвечает «Кто же является в христианской демократии носителем харизмы власти? И весь народ (Израиль), и каждый гражданин – носитель царственного свя-

щенства, – и выдвигаемые народом вожди (судии)» [11, с. 10].

Обращаясь к истории церкви, Г.П. Федотов отмечает, что одно идущее сверху вниз иерархическое начало не образует еще православной соборности: оно нуждается и в иной санкции снизу – народной воли. «Аксиос» народа – слабый остаток древнего избирательного начала. Ни один епископ не может быть навязан пастве против ее воли, но должен быть избран ею. Иерархическая коллегия – соепископы – сохраняют лишь право отвода недостойных. Но принцип, формулированный каноническим правом, весьма недалек от принципа политической демократии: «Тот, кто должен управлять всеми, должен быть и выбран всеми». Соборность священства не знает общего природного равенства; она предполагает скорее природную и благодатную иерархию. Но эта иерархия не может быть насильственной; она должна находить себя и устанавливаться свободно. И никто из принадлежащих к церкви не исключается из осуществления этого права: участия в поставлении священной иерархии.

Идеал соборности есть организм любви – по образу идеального семейного или дружеского общения — где повинующиеся повинуются свободно, где властвующие не властвуют, но служат всем и находят основу своего служения в общем признании» [11, с. 11].

Таким образом, христианская общественность, с точки зрения Г.П. Федотова, тяготеет к демократии. Соборность толкуется им в духе демократии.

Соборность рассматривается Г.П. Федотовым как выражение принципа равноправности личности и общества: «Начало соборности означает органическое равновесие личности и общества. Оно само по себе уже обеспечивает личность от поглощения коллективом, которое угрожает ей в царстве чистой, языческой демократии. Демократия соборная, или христианская двуцентрична. Для нее парадоксальным образом целое равно части. Стремление современной европейской демократии связать себя с защитой личности — наследие либерализма — представляет секулярное отражение христианского идеала общества» [11, 12].

Г.П. Федотов пытается теологически обосновать движение мировой истории к демократии: «В самом деле, идеал христианского общежития – растворение его в Царстве Божием, когда Бог будет всем во всем. Это значит, нет вещи – сколь бы материальной или низменной она ни казалась, – которая не допускала бы одухотворения, включения ее в Царство Божие – кроме того, что подлежит уничтожению. И, поскольку можно говорить о прогрессе в христианском смысле, т.е. о движении к Царству Божию, он состоит в сужении власти Кесаря, т.е., с политической точки зрения, в расширении сферы свободы за счет сферы власти» [11, 13].

Вот почему христианин, отстаивая перед государством свою свободу – не только молиться, но и мыслить, творить, устанавливать нравственные связи с миром людей, – борется не только за свою собственную свободу (как либерал-индивидуалист), но и за власть Бога в мире, за Царство Божие».

Б.П. Вышеславцев в «Кризисе индустриальной культуры» также обращается к проблеме личности и социализма. Христианская идея справедливости, по Б. П. Вышеславцеву, построена на парадоксе равноценности индивидуума и коллектива, личности и общества. Этот принцип отрицает социализм как неумолимое подчинение всех и каждого общему благу и утверждает солидарность автономной личности и автономного народа, солидарность, соборность, братство. Отрицается одинаково и социализм и индивидуализм.

Б.П. Вышеславцев противопоставляет персонализм прежде всего тоталитарному коллективизму, который, по его мнению, воплотился в марксизме. Дух свободы, личной самостоятельности, демократии про-

тивостоит обезличению, массовому человеку, культу вождей. Дефект социализма заключается в перевесе социальных ценностей над индивидуальными. В протесте против индивидуализма. Личное благо приносится в жертву общему.

И либерализм, и социализм возникают как идеологии освобождения. Конечные их цели совпадают. Это – освобождение от любого угнетения, эксплуатации, моральные общечеловеческие цели свободы, справедливости, любви. Свободная личность как самоцель.

И социализм, и либерализм – только средство для достижения цели. Либерализм, по мысли автора, находится в более выигрышном положении, чем социализм. Он знает, чего хочет. Социализм же в середине XX века переживает кризис. Реализация его идей в странах «реального социализма» обернулась тоталитаризмом.

Национализация и социализация привела к образованию тоталитарного государства, которое, по мнению Б.П. Вышеславцева, еще больше эксплуатирует и угнетает работников, чем обычный капитализм. Национализация средств производства вовсе не устраняет зла капитализма. Социалистическое движение совершило ошибку. «Теоретически она означает вот что: «обобществление орудий производства», «экспроприация экспроприаторов», «диктатура пролетариата» и уничтожение капиталистов вовсе не уничтожает зла капитализма, не освобождает пролетариата и человечества» [12, с. 308].

Вышеславцев допускает возможность существования антиавторитарного, демократического социализма, который должен отказаться от тотальной национализации. Демократия имеет первенство перед социализмом. Поэтому демократический социализм признает смешанную государственно-частную форму хозяйства.

Он ставит вопрос: «Но что, если устранение эксплуатации и обещание всеобщего освобождения вообще недостижимо социалистическими средствами, т.е. изменением форм собственности, изменением хозяйственно-политической структуры общества?» [12, с. 312].

По мысли Б.П. Вышеславцева централизованное планирование нарушает свободу личности, рассматривает человека как средство. Управляемое народное хозяйство неизбежно ведет к диктатуре. Для сохранения свободы в экономической сфере нужен свободный рынок. Рынок – это экономическая демократия, где реальна автономия потребителей и производителей. Зло капитализма, по мысли автора, заключается не в самом рынке, а в монополизме, злоупотреблении некоторыми его условиями агентами рынка. Борьба со злом капитализма есть борьба за справедливость на свободном рынке. Полная свобода рынка не означает хозяйственной демократии. Неолиберализм тоже требует ограниченной свободы рынка.

Пробуждение личности неизбежно ведет к утверждению самоуправления на личном и общественном уровне. Автономия личности и автономия народа не должны подавлять друг друга. Свобода личности определять свою судьбу требует хозяйственной демократии. Это необходимый постулат свободы. Само по себе национализированное хозяйство не обеспечивает этой демократии. Антидемократизм индустриально аппарата выражается в его иерархичности, в принципе властвования и подчинения. Это технократия. Необходимы ограничение рабочего дня, меры защиты и безопасности, защита от монополии обмана, несправедливой прибыли. Нужно ограничить «самодержавие» дирекции.

«Но для этого необходимо внутри каждого предприятия создать организации, дающие слово рабочим касательно условий их работы и размера заработной платы» [12, с. 386]. Необходимо, по мысли Б.П. Вышеславцева расширение функций синдикатов (профсоюзов) – контроль за деятельностью администрации и проверка сведений о ее доходах). Надо чтобы рабочим был известнее план производства и

распределения. «Необходимо также – и это самое главное, чтобы он мог в известной степени воздействовать на формы и способы этого производства и распределения, чтобы он мог выразить свою хозяйственную волю и разумение… Для этого необходим полный контроль, открытая отчетность, отсутствие «железного занавеса» между дирекцией и персоналом» [12, с. 403].

Такой порядок позволит рабочему найти творческий элемент в своей деятельности, повысит его заинтересованность в результатах труда. На это же нацелено внедрение в практику хозяйствования доктрины «человеческих отношений». Она поднимает человеческое достоинство у работника, творческое зерно личности, ее признание со стороны других, уважение к ней самой, признание самости.

На наш взгляд, Б.П. Вышеславцев склонен отождествлять персонализм и индивидуализм. Он склонен преуменьшать отрицательные черты рынка. Реальный же социализм рассматривается у него только с отрицательной стороны.

Примечательно, что и некоторые сторонники социализма еще в начале XX века обосновывали его требования персоналистически. Собственно, и девиз коммунизма о свободном развитии каждого как условии свободного развития всех, вполне в персоналистичен. Например, М.И. Туган-Барановский противопоставляет социализм XX века социализму Платона. Для Платона главной ценностью было общество, индивид же рассматривался только как его средство.

«В то время, как для Платона человеческая личность не имеет самостоятельной ценности, для современного социализма личность человека есть верховная ценность мира» [13, с. 264]. Автор тут исходит из идеи Канта о самоценности человеческой личности.

Современный социализм стремится подчинить весь строй общества интересам личности. Отсюда же вытекает требование равенства. Ибо люди, как личности равноценны. М.И. Туган-Барановский ссылается на книгу Лоренца Штейна о социализме. По Штейну идея личности имеет абсолютный характер. Она требует, чтобы каждой личности были доступны высшие блага цивилизации. Индивидуальное обладание этими благами, частная собственность приводит к тому, что часть людей будет лишена этих благ. Право частной собственности несовместимо с идеей абсолютной личности. Социализм в этом смысле есть завершение индивидуализма.

Тем не менее, социализм есть антипод экономического либерализма. Либеральная экономическая свобода есть порабощение труда капталом, порабощение большинства народа. «Но если есть какое-либо положение, твердо установленное социалистической критикой, то это то, что право частной собственности на средства производства, по неумолимым законам хозяйства, неизбежно превращается в право эксплуатации одними людьми других, неизбежно ограничивает свободу личности трудящегося человека, обращает в пустую юридическую фикцию прирожденное равенство всех» [13, с. 273–274]. Вместо мнимой либеральной свободы социализм предлагает общественную организацию труда.

На закате советской эпохи вопрос о связи персонализма и социализма поднял известный диссидент, борец с советской властью П. Абовин-Егидес. Свою философию он именует панперсонализмом.

Прежде всего, он различает понятия человека, индивида и личности. Человек понимается как исторически сложившийся целеполагающий универсальный предметный деятель, субъект, обладающий самосознанием, которое венчается моральностью. Моральность, с точки зрения данного автора, это жизнь по совести. Понятие «индивидуум» слишком широко и не может быть отождествлено с «личностью».

П. Абовин-Егидес склонен трактовать личность как лицо социальное. В перво-

бытном обществе, как он полагает, люди имели биопсихологическое лицо, но не лицо социальное. Он обосновывает это тем, что все действия человека в этом обществе были строго регламентированы. Отсюда получается, что личность выступает как мера свободы данного члена общества по отношению к самому обществу. Если общественные условия не позволяют человеку быть свободным, то такой человек безличностен. «Личностность и есть мера автономии, самоопределения, самоуправления человека в обществе, мера простора – экономического, политического, бытового – между человеком и обществом, между человеком и другими людьми, простора, необходимого и достаточного для развертывания внутренних потенций человека» [14, с. 258]. Реальным выражением личностности является право и реальная возможность принимать решения на различных уровнях. Без этого права свобода остается чисто теоретическим понятием.

По мысли автора, еще не было общества, которое дало бы возможность всем людям быть личностями во всех отношениях. Пока в истории мы можем наблюдать только фрагментированно личностные общества. Ход истории ведет общество от безличного социума к панперсоналистическому обществу. Это история развертывания свободы. В данном случае мы видим нечто напоминающее гегелевскую схему. Восхождение от «человейника» к человечеству связывается у автора с преодолением шорового мышления, мешающего постичь истину, с логико-этической революцией, т.е. с радикальным изменением в области осознания человеком, как самого себя, так и окружающего мира.

Панперсонализм трактует свободу личности как свободу в обществе. Этим персонализм, по мысли автора отличается от индивидуализма, который проповедует свободу от общества, и, тем самым, ведет его к развалу.

Выделяются два основных типа общества личностный и безличностный. В безличностном обществе человек обладает качествами субъекта опосредовано – через сообщество. Поведение индивида регламентировано обществом, право решать принадлежит обществу в целом в лице его руководителей. Рядовой человек выступает тут только как исполнитель воли вышестоящего, безличный объект. В личностных обществах субъект-распорядитель и субъект–исполнитель выступают в одном лице.

В первобытном обществе, по мысли автора, субъектом–регулятором был весь коллектив, а конкретный член коллектива был всего лишь исполнителем. В азиатских и феодальных обществах личностями были только феодалы, олигархи и деспоты. Частично (фрагментированно) личностные социумы – это античная демократия, средневековые города и современные западные страны. На Западе есть демократия, но в экономике большинство людей отчуждено от собственности и выполняет роль всего лишь исполнителей.

Буржуазия, по мысли автора, провозгласила свободу индивидуума. Но буржуазия опирается на частную собственность, что приводит к вещизму, господству вещественных ценностей. Скопление огромных сумм денег в руках нескольких лиц деформирует и саму демократию. Частная собственность и наемный труд порождают господство вещей и отношений над человеком.

Поскольку важной сущностной чертой человека является его способность к самореализации, творчеству, раскрытию своих потенций, то нормальным обществом следует признать именно личностное общество, хотя в реальной истории он никогда еще не было реализовано до конца и являлось скорее исключением, чем правилом. Полное личностное общество еще предстоит создать. Автор проводит здесь аналогию с пустыми клетками периодической системы Менделеева.

Панперсонализм требует устранения ограничений личностности в обществе, выступает против любого господства одного

человека над другим. Смысл персонализма – вывести всех людей из самотчужденного сознания, создать возможность всем людям осуществлять свои потенции, право выбирать и решать. Не должно быть узурпации власти и эксплуатации одного человека другим.

Эксплуатации не будет, когда каждый производитель будет соединен со средствами производства, то есть одновременно он будет и собственником. Здесь автор мыслит два варианта. Это возможно либо при индивидуальной собственности без наемного труда, либо при коллективной, общественной собственности – кооперативной или общенародной, т.е. при социализме.

Социализм, по мысли П. Абовина-Егидеса, – личностный коллективизм или коллективистическая личностность. В СССР же была коллективистическая безличностность. Все заправляла безличная матрица.

Условием подлинного социализма является полная, неурезанная демократия. Автор резонно замечает, что «при социализме политическая демократия не просто политическая надстройка…, а основа, без которой общественная собственность как существенная для социализма перестает быть сама собой», «демократия и личностность входят в самое сущность социализма, который тождествен универсальному, всестороннему самоуправлению» [12, с. 279].

В связи с этим автор согласен употреблять выражение «демократический социализм» для обозначения подлинного социализма и отличения его от «реального», недемократического советского социализм как неподлинного.

Опасность для социализма, по мысли Егидеса заключается в опосредованном характере общенародной собственности. В силу этого управляющие такой собственностью могут выскользнуть из-под общественного контроля и даже узурпировать власть в обществе. Тогда общественная собственность превращается в коллективную собственность госаппарата. Поэтому автор выступает за минимальное участие государства в экономике.

В перспективе социум должен быть заменен свободной ассоциацией духовно зрелых, критически мыслящих, саморефлектирующих, руководствующихся высшей нравственностью людей. Материальное благосостояние народа – лишь средство для достижения высокой духовности.

Социализм не тождественен социал-демократии. В социал-демократических обществах социальная защита находится на высоком уровне, но большинство людей – фрагментарные личности.

Автор принадлежит к гуманистической, «человекобожеской» традиции мысли, но отмечает связь христианства и социализма: «в своей нравственной основе идеи христианства и идеи социализма совпадают, а идеи капитализма являются нравственными антиподами христианства» [14, с. 290].

Мы видим, что представители персоналистического направления философской мысли, как христианской, так и гуманистической ориентации приходят к сходным выводам и ходам мысли.

Они пытаются выйти из противоречия между индивидуализмом и коллективизмом. Они отвергают классический капитализм и советский коммунизм. Они проводят различие между авторитарным, тоталитарным социализмом и демократическим, считая именно демократический социализм проекцией персонализма на общество. Они выступают за демократию, не отрицая неравенства людей в способностях и заслугах, стремясь сделать аристократом каждого. Для них важнее не тип собственности на средства производства, но возможность общества регулировать производство для общего блага, для борьбы с эксплуатацией и угнетением. Они приходят к выводу о необходимости экономической демократии – соучастии работников в управлении производством. Действительно, без последнего условия работник не может в полной мере реализовать свою

личность в экономической сфере. Все они отмечают связь христианства и социалистической мысли.

Если посмотреть на советскую модель социализма, то, конечно, его недемократический характер трудно отрицать. Другое дело, что различные формальные демократические институты в этом обществе присутствовали, что давало низам возможность как-то воздействовать на решения начальства, хотя бы на низовом уровне. В советской культуре был гуманистический пафос, вера в человека, вера в добро, пусть и они и не носили религиозного характера. В социальном плане советский строй представляет собой несомненное общечеловеческое достижение. Бесплатное образование, здравоохранение, жилье, социальная помощь позволяли советскому человеку ощущать себя защищенным и быть уверенным в завтрашнем дне. Было ослаблено экономическое принуждение к труду, что имело и некоторые негативные последствия. В целом в отношениях между людьми господствовала доброжелательность, ценились дружба, любовь, верность, взаимовыручка и пр.

В сущности, советскому обществу требовались преобразования в духе демократического социализма. Однако в ходе перестройки часть советского общества решила вообще отказаться от идеи социализма и вернуться к капитализму. Сбылось предсказание Троцкого относительно советской бюрократии. Она первая предала тот строй, в котором господствовала.

Отказ от социалистической идеи привел к крушению гуманистической духовной надстройки, с которой она была связана. То, что считалось грехом – стремление к наживе, алчность, эксплуатация, угнетение и пр. стали считаться чем-то нормальным. Стремление к обогащению любой ценой, в том числе, и аморальными средствами, захватило значительную часть общества. Применение насилия в экономике и макиавеллизм в политике стали широко распространенным явлением. Развились всеобщая продажность и аморализм. Возникает впечатление, что в постсоветской России проводится эксперимент по созданию общества без морали.

Если посмотреть на эти преобразования с точки зрения персонализма, то следует констатировать, что произошла целая аксиологическая катастрофа. Люди как будто забыли, что есть высшие: личностные человеческие, духовные ценности и идеалы. Вещи стали ценится больше, чем люди. Господство крайнего индивидуализма парадоксальным образом понизило ценность личности. Ценностная катастрофа сопровождалась неудачами, провалами и поражениями страны в различных областях. И это не мудрено. Невозможно построить здоровое общество на голом беззастенчивом эгоизме.

Процессы глобализации в мировом масштабе, отход от социальных завоеваний XX века снова обнажают язвы капитализма, провоцируют новые кризисы, ведут к радикализации настроений в обществе. В этих условиях персоналистический демократический социализм может быть снова востребован как альтернатива антисоциальному капитализму.

Васильев Сергей Фёдорович *– кандидат философских наук, доцент*

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995.
2. Бердяев, Н.А.О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев.– М., 1995.
3. Бердяев.Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М., 1991.
5. Мунье, Э. Манифест персонализма. – М., 1999.

6. Федотов, Г.П. Проблемы будущей России. Третья статья// Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2-х т. /Г.П. Федотов.– Т.1. – СПб., 1991 – С. 270–285.

7. Федотов, Г.П. Социальное значение христианства. – Париж, 1933. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/soc_zn_hr.

8. Федотов, Г.П. Социальный вопрос и свобода// Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2-х т. / Г.П.Федотов. – Т.1. – СПб., 1991 – С. .286–301.

9. Федотов, Г.П. Что такое социализм? // Новый град. – №3.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/3/3.

10. Федотов, Г.П. Письма о социализме// Новая Россия. – № 4. – Париж, 1940. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/pisma_o_socializme.

11. Федотов, Г.П. Основы христианской демократии// Новый град. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/8/1/.

12. Вышеславцев, Б.П. Кризис индустриальной культуры. – М., 1995. – С. 181–435.

13. Туган-Барановский, М.И. Социализм как положительное учение // К лучшему будущему: Сборник социально-философских произведений. – М., 1996. – С. 257–437.

14. Абовин-Егидес, П.М. Сквозь ад: В поисках третьего пути. – М., 1991.

DEMOCATIC SOCIALISM AS A SOCIAL PROJECION OF PERSONALISM

S.F. Vasilyev
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article considers the projection of personalism on society. The views of the personalists on the proper organization of society and the rationale for the necessity of democratic socialism from the point of view of personalistic ideas are analyzed.

Keywords:

personalism, socialism, democratic socialism, Christian socialism, Russian philosophy.

References:

1. Berdyaev,N.A. Carstvo Duha i carstvo Kesarya. – M., 1995.
2. Berdyaev, N.A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoj filosofii // Carstvo Duha i carstvo Kesarya / N.A. Berdyaev. – M., 1995.
3. Berdyaev. N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M., 1990.
4. Berdyaev, N.A. Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii). – M., 1991.
5. Mun'e, EH. Manifest personalizma. – M., 1999.
6. Fedotov, G.P. Problemy budushchej Rossii. Tret'ya stat'ya// Sud'ba i grekhi Rossii (izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury): v 2-h t. / G.P. Fedotov. – T. 1. – SPb., 1991 – S. 270–285.
7. Fedotov, G.P. Social'noe znachenie hristianstva. – Parizh, 1933. [Electronic resourse]. – Access mode: http://www.odinblago.ru/soc_zn_hr.
8. Fedotov, G.P. Social'nyj vopros i svoboda // Sud'ba i grekhi Rossii (izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury): v 2-h t. / G.P.Fedotov. – T. 1. – SPb., 1991 – S. .286–301.
9. Fedotov, G.P. CHto takoe socializm? // Novyj grad. – №3.[Electronic resourse]. – Access mode: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/3/3.
10. Fedotov, G.P. Pis'ma o socializme // Novaya Rossiya. – № 4. – Parizh, 1940. [Electronic resourse]. – Access mode: http://www.odinblago.ru/pisma_o_socializme.
11. Fedotov, G.P. Osnovy hristianskoj demokratii // Novyj grad. – № 8 [Electronic resourse]. – Access mode:http://www.odinblago.ru/noviy_grad/8/1/.
12. Vysheslavcev, B.P. Krizis industrial'noj kul'tury. – M., 1995. – S. 181–435.
13. Tugan-Baranovskij, M.I. Socializm kak polozhitel'noe uchenie // K luchshemu budushchemu: Sbornik social'no-filosofskih proizvedenij. – M., 1996. – S. 257–437.
14. Abovin-Egides, P.M. Skvoz' ad: V poiskah tret'ego puti. – M., 1991.

УДК 304.42

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

А.Г. Инговатова
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье поднимается проблема сохранения ценностных доминант, как в отдельном социокультурном образовании, так и в общем глобальном контексте; утверждается прямая зависимость сохранения культуры от воспроизводства базовых ценностных смыслов. Сознательная установка на ценностное восприятие в условиях современных глобализационных тенденций выступает единственным механизмом самосохранения и дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова:

ценность, ценностные доминанты, общечеловеческие ценности, трансформация ценностей, глобализация, безаксиологическое мышление, ценностная дезориентация субъекта.

Цикличность, смена одной парадигмы социального существования другой, приятие, или отказ от сложившейся системы ценностей – закономерность, имеющая глубокие антропологические корни: человек, человеческий разум всегда «недоволен», нацелен на поиск более совершенных состояний. Зачастую вкупе с присущей ему критичностью и обольщением собственным убеждением он впадает в опасность поверхностной установки в восприятии действительности, переводя сущностные характеристики в статус периферийных, или вовсе не существующих. В последнем случае – за забвение жизненно значимых сущностных вопросов, за отсутствие своевременных ответов на них, придется заплатить более высокую цену в неизбежном будущем. Краеугольным вопросом сущностного порядка, с нашей точки зрения является вопрос о ценностных доминантах, базовых ценностных ориентирах, способствующих осознанному самополаганию человека в изменившихся условиях социальной среды. Но именно сам человек – активный субъект в полагании ценностей, или, как говорил Мартин Хайдеггер «речь идет о вкладывании ценностей и об изъятии ценностей из совокупности сущего… Ценности рушатся не сами только по себе, мы извлекаем ценности – прежде нами вложенные – обратно из мира. При полагании ценностей и низложении ценностей мы действуем и в качестве деятелей задействованы» [1, с. 87]. Динамика и изменения ценностного набора в сознании «мы», таким образом – индикатор сущностных определяющих характеристик человеческого существа, показатель смысловых тенденций цивилизационного движения.

Содержательно ценностный строй человека, личности, безусловно, формируется под воздействием целого ряда факторов: привычно апеллируют к системе устоявшихся в обществе ценностей, носительницей и выразительницей, которых является уже первичный мини-социум –

семья, процесс воспитания и образования в обществе дополняют и шлифуют первичные представления о значимом в жизни человека, считаем, что не менее важное значение имеет конкретное историческое состояние общества и, наполненная специфическим содержанием, атмосфера социальной жизни. Переходное состояние нашего общества можно считать растянувшимся уже более чем на треть столетия, однако вопрос об устоявшемся конгломерате базовых ценностей до сих пор остается открытым. Большое внимание в социо-гуманитарном дискурсе сконцентрировано на такой не менее актуальной проблеме как трансформация ценностей, и ее последствиях для общества, культуры. Но какими доводами можно объяснить ситуацию, когда идеологи перестройки выступали против идеологического диктата и партократии, а за очень короткий период оказались в деградировавшем состоянии такие важнейшие жизнеобеспечивающие функциональные системы как система производства, правоохранительная система, здравоохранение, образование, вооруженные силы? Неужели значение и роль идеологических требований оказалось недооцененным, и все держалось на них? Отнюдь. Недооцененной в своем подлинном содержании оказалась обеспечивающая статус-кво социальному порядку система ценностных установок советского человека, которая оказалась нещадно разрушена реформами. Именно она долгое время инерционно, но обеспечивала жизнеспособность социального организма. Самосознание человека теперь уже – прежней эпохи гармонично включало в себя три ипостаси ценностей: ценности общечеловеческого, общегуманистического порядка, ценности традиционной духовной и национальной культуры (получавшие ранее выражение в народных верованиях и религиозном опыте, а в советский период закрепившиеся в условиях коллективного труда и ответственности за общественное благо – подробнее об этом у Н.А. Бердяева в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», созвучные общечеловеческим ценностям, также ценности, фундирующие конкретный социальный порядок, и, наконец, ценности постулируемые человеком в контексте индивидуально-субъективного опыта. При здоровых социальных отношениях и порядке, целостность иерархии ценностей, непротиворечивость одного уровня ценностного сознания другому, унисон, созвучие – некая норма. Ценностный строй, базовые ценности составляют определенное смысловое ядро культуры, наполняют и идейно направляют самые разнообразные формы социокультурной активности человека. Наиболее значимым является тот факт, что без обосновывающего общественную жизнь ценностного ядра, невозможно достичь социального единства, без которого никакие социальные проекты, сколь бы они ни были привлекательны и актуальны невозможно осуществить. Никакие прогрессивные настроения вне духовной интеграции и солидарности социальных сил не представляются сколь-нибудь возможными к исполнению. Именно единство и определенность, однозначность в трактовке ценностного содержания человеческой жизни лежит в основе согласованного функционирования всех элементов социальной системы, при отсутствии единого ценностного настроя система, соответственно приходит в состояние рассогласованности и хаоса. Считаем, что в современных условиях, не только во внутрисоциальном контексте, но и в общем контексте глобальных отношений, наиболее актуальным и жизненно необходимым является всестороннее отстаивание незыблемости фундаментальных общечеловеческих ценностей и апологетика универсальных для человечества в целом ценностных начал. Сегодня необходимо говорить не только о том, что ценности трансформируются, меняются, но и об угрозе наступления принципиально бесценностного мышления, о том, что

жизни культуры как таковой, культурного целого более всего угрожает безаксиологический стиль мышления. Ценностная дезориентация является сегодня следствием осуществляемой в мире программы глобализации в том виде, в каком она представляется оптимальной лишь для одного субъекта мировой политики. С разрушением биполярного мирового порядка, обеспечиваемого наличием двух систем социального порядка, а значит двух ценностных систем, гегемония устоявшей в холодной войне стороны естественно была прогнозируема. Однако, современные формы неолиберального капитализма вошли в противоречие, в первую очередь, именно с общечеловеческими ценностями. Ценность человека, самоценность его жизни как уникального феномена (его жизненной самореализации и позитивной свободы самовыражения), ценность семьи (рода), ценность труда и творчества, родной культуры и Отечества (Родины), ценность окружающего мира (планеты как единого живого органического целого), наконец, ценность мирного состояния, как основы созидательной активности человека – все подвергается сегодня разрушительному воздействию глобального неолиберального порядка, той самой бесценностной установки на прибыль и обогащение любой ценой. От данной бесценностной установки страдает в первую очередь сам человек, происходит его декультурализация. В «глобальном человейнике» (А. Зиновьев) сегодня произошло резкое снижение планки ценностного запроса человека. Горизонт его «духовных» притязаний сузился до неведомых еще XX-му веку (по крайней мере, в нашем обществе) зацикленности на телесном совершенстве, до переживаний сугубо приватно-интимного толка, до решения такой псевдо жизненно-важной задачи, как создание виртуального имиджа, подтверждающего, на основе весьма сомнительных критериев девиз – «жизнь удалась!» Огромные потери в неолиберальном социальном порядке несет культурная жизнь: потребительская установка не может не входить в противоречие со смыслами ей противоречащими, призыв «не обманешь, не проживешь» (не важно, о ком идет речь, об отдельном торговце или о целых финансовых корпорациях) вошла в содержательное противоречие с традиционными духовными наставлениями в адрес молодого поколения, где ценен честный труд, жизнь в созидательном труде и аскезе. Психологии торговца, пришедшей на смену достойного внутреннего статуса мастера, творца, производителя чуждо понятие культурных скреп, почвы, родного. Чуждо ему и ощущение единства с миром, что присуще мастеру, труженику-земледельцу, с переживаемыми ими качествами и свойствами природного материала или вещества, состояний природы. О необходимости нового антропологического проекта в современных условиях, альтернативного тому ходу истории, которая чревата впадением технологически вооруженного, но не имеющего представлений о ценностях человечества, в неоварварство уже не говорит, кричит гуманитарная братия. «Надо говорить не о росте организации и управления, а о «новом типе личности», – отмечает А. Кацура. [2, с. 152]. Только принципиально по-новому ориентированный субъект, соразмерный в своем ценностном понимании масштабности и сложности глобальных проблем, сможет удержать ход современной истории в ареале тех цивилизационных достижений, которые стали результатом развития, в том числе и века XIX, и века XX-го, не допустит девальвации незыблемых для человеческой культуры ценностей, не допустит новой «дикости», ведь в XXI-м веке она будет неизбежно сопряжена с угрозой ядерной катастрофы.

Самой главной бедой является тот факт, что от неолиберальной бесценностной установки уже не первое десятилетие страдает мир как состояние, поскольку дестабилизация и военные конфликты

стали реальностью в целом ряде регионов мира. Энергия человеческих усилий нацелена не на созидание цивилизационного развития, а на войну, устранение ее тягчайших для отдельных культур и для человеческой цивилизации в целом последствий. И, во-вторых, в условиях, когда окружающий мир, природа давно сигнализируют – «SOS!» – в адрес все потребляющего и потребляющего человечества, дальнейшее утверждение безответственного деятельного самополагания человечества выливается в прямую угрозу не только для него самого, но и для окружающего мира в целом. Либо человечество консолидированными усилиями преодолеет ценностную «вилку» и несоответствие между сущим и должным, либо потребительски ориентированная модель заведет цивилизацию в тупик, из которого не будет пути назад. Религия вездесущего доллара, с неизбежностью должна быть сменена религией нового этоса цивилизации – экологической этикой. Что касается России, и тех социальных перемен, которые ей суждено было пережить (и переживать), как системе, просуществовавшей довольно длительный период в самобытном режиме существования: рано или поздно она не смогла бы далее противостоять необходимости «открыться миру» и начать «входить» в русло общемировых тенденций (оценки данных тенденций затронуты в данном изложении в определенной степени). С нашей точки зрения, необходимость встраивания в глобализационный процесс не снимает, а напротив – заостряет вопрос о ценностном самоопределении: постулируя какие ценности, согласно каким собственным ценностным установкам, определяющим стиль и строй нашей внутренней жизни, мы сегодня готовы принимать участие в общемировом политическом, экономическом, общекультурном и цивилизационном процессе. Очевидно, что без своего ценностного стержня и однозначных социальных ориентиров можно оказаться «растворенным» в глобальном катаклизме столкновения чужих интересов. Вряд ли такая судьба соответствует сущности исторического предназначения России и ее общей культурной диалоговой и коммуникативной миссии в мировом цивилизационном процессе [3, с. 76].

Инговатова Аурика Германовна *– кандидат философских наук, доцент*

Список литературы:

1. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше // Время и бытие: статьи и выступления: пер с нем. /М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993.
2. Кацура, А. «Всемирная отзывчивость», или русский путь к глобализму // Век глобализации: Исследования современных глобальных процессов. – 2008. – № 1.
3. Инговатова, А.Г. Метафизика диалога культур: между Западом и Востоком, или Россия сегодня.// Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Евразийская интеграция: проблемы и перспективы реализации». – Барнаул, 2014. – С. 76–81.

CIVILIZATIONAL MEANING OF DOMINANT VALUES DURING SOCIAL TRANSFORMATION PERIOD

A.G. Ingovatova
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article deals with the problem of preservation of values in a separate society and in world culture in general. The direct effect of the preservation of culture on the reproduction of basic valuable meanings is approved. Conscious installation on preservation of valuable perception in the conditions of the present acts as the only mechanism of self-preservation and further development of a human civilization.

Keywords:

value, dominantvalues, universal values, transformation, value crisis, globalization.

References:

1. Hajdegger, M. Evropejskij nigilizm. Pyat' glavnyh rubrik v mysli Nicshe // Vremya i by-tie: stat'i i vystupleniya: per s nem. / M. Hajdegger. – M.: Respublika, 1993.
2. Kacura, A. «Vsemirnaya otzyvchivost'», ili russkij put' k globalizmu // Vek globalizacii: Issledovaniya sovremennyh global'nyh processov. – 2008. – № 1.
3. Ingovatova, A.G. Metafizika dialoga kul'tur: mezhdu Zapadom i Vostokom, ili Rossiya se-godnya.// Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Evrazijskaya integraciya: problemy i perspektivy realizacii». – Barnaul, 2014. – S. 76–81.

УДК 364.122.8

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

Н.Д. Золотова
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу антропологических аспектов революционных преобразований в России. Основная идея статьи – Октябрьская революция 1917 г. предотвратила распад государства в России. Ценностное сознание людей в современной России характеризуется определённой противоречивостью. Революция в сознании, изменение системы ценностей – условие предотвращения глобальной экологической катастрофы.

Ключевые слова:

антропологические аспекты, революционные преобразования, Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г., распад государства, революция в сознании, материальные потребности, духовные потребности, изменение системы ценностей человека, духовные ценности, материальные ценности, ценностные ориентации, ценностное сознание людей, предотвращение, глобальная экологическая катастрофа, противоречивость, повседневность, самореализация.

В последние два года появилось сравнительно немного научных публикаций, посвящённых революционным событиям 1917 г., учитывая масштабы их влияния на ход событий не только в нашей стране, но и в мире в целом.

Достаточно простой и однозначный взгляд на революционные процессы столетней давности представлен в статье Б. Н. Миронова, который считает, «что российские рабочие к 1917 г. не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением. Они принимали самое активное участие в революционном движении и в свержении монархии по причине фрустрированности, относительной депривации, неблагоприятной демографической структуры, податливости пропаганде и манипуляции, а не в силу своей революционности, организованности и сознательности…

Вследствие предрасположенности рабочих к радикализму и агрессивности именно социал-демократическая программа – самая радикальная и активистская из всех политических программ, нашла у них отклик. Простые и понятные лозунги («Долой самодержавие», «Долой буржуев», «Долой Временной правительство», «Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир народам» и т.п.), умелая пропаганда, большая налаженная организационная работа позволила им мобилизовать пролетариат и использовать как пушечное мясо революции, а потом и Гражданской войны. …Как видим, от «приступа революционной лихорадки» пролетариат пострадал особенно серьезно, служа тараном, с помощью которого другие решали свои политические задачи» [12, с. 31, 32].

Как явствует из сказанного, пролетариат ценой больших жертв обеспечивал не свои интересы. В этой связи представляется своевременным более обстоятельный анализ революционных событий прошлого века.

Историческая ситуация складывается в результате взаимодействия объективных и субъективных факторов. Речь идёт об экономической, социальной, политической, идеологической и культурной ситуациях. Все эти ситуации складываются не автоматически, а в результате действия людей. Историческая ситуация во многом зависит от того, какой исторический опыт находится за плечами действующих субъектов, какие идеи доминируют в их сознании, какие социальные чувства они испытывают, а также как люди относятся к тем или иным событиям и какой выход из той или иной ситуации они считают приемлемым. Поэтому большинство отечественных исследователей, анализируя сложную ситуацию, сложившую во второе десятилетие прошлого века, учитывают самые разные факторы.

Так, В.С. Барулин, детально рассматривая положение крестьян, справедливо отмечает, что основная масса земли находилась в руках помещиков и дворян. Эти слои были тесно связаны с царской властью и всеми институтами управления обществом. Им принадлежал решающий голос в решении всех общенациональных проблем. Несмотря на то, что крестьяне освободились от крепостной зависимости, получили землю и избавились от выкупных платежей, земли у них было мало, так как на одно крестьянское хозяйство приходилось примерно 7 десятин при прожиточном минимуме 14 десятин. Аграрная реформа Столыпина не изменила состояние дел коренным образом. В результате основное социальное противоречие между «дворянско-помещичьим слоем и крестьянством не только не ушло из жизни России, но в определённой мере обострилось» [2, с. 216, 217].

Аграрная реформа Столыпина имела далеко идущие политические цели: предотвратить приход к власти эсеров, за которыми стоял самый многочисленный класс русского общества – крестьянство, поскольку он считал более вероятным победу их партии, а не большевиков. По мнению Столыпина, эсеры были самой опасной партией для России как страны и государства в целом. Реальную угрозу представляла выбранная эсерами тактика, с полуанархической программой, которая была направлена против российской государственности и вела к элементарному распаду страны [17, с. 48, 49]. Таким образом, влияние большевиков в октябре 1917 года объясняется не тем, что они были самыми радикальными.

М.В. Оськин специальное внимание обращает на то, что в годы Первой мировой войны продовольственный вопрос в Российской империи «стал одним из камней преткновения, надломивших монархию, не вынесшую тяжести тотальной войны, а затем и тем грузом, что утянул на дно буржуазное Временное правительство». Автор подчёркивает, что не отсутствие в достаточном количестве продуктов питания, а организация снабжения вооружённых сил оказалась одним из самых слабых звеньев в общей цепи неготовности нашей страны к большой европейской войне [14, с. 52].

Политика, проводимая царём, была крайне непопулярна среди всех слоёв населения ещё и из-за негативного влияния Распутина на царя и царицу и на принимаемые ими решения. Этот факт констатирует очевидец событий Н.А. Бердяев [3, с. 110]. Во время Февральской революции никто из 15 великих князей – ближайших родственников Николая II не поддержал его, в том числе и наиболее влиятельный из них, великий князь Николай Николаевич. М.В. Алексеев, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, который имел тесные контакты с А.И. Гучковым, склонил командующих фронтами и флотами к измене царю. Об этом свидетельствуют документы, опубликованные в соответствующе номере журнала «История в подробностях», посвящённом 95-летию Февральской революции 1917 г. 2 марта 1917 г. были получены телеграммы от командующих фронтов с требованием

отречения. Депутаты Государственной думы А.И. Гучков и В. В. Шульгин, специально приехавшие из Петрограда в этот день, приняли отречение царя от престола. Так закончилось его царствование, которого, как явствует из дневников Николая II, он изначально не желал и к которому психологически был не готов [15, с. 17]. Итак, отречение царя от престола произошло благодаря деятельности его ближайшего окружения.

В стране возникла революционная ситуация, когда «верхи не могли управлять по-старому», а «низы не хотели жить по-старому», которая в полной мере не разрешилась с приходом к власти Временного правительства.

В России произошла Февральская революция 1917 г., в ходе которой достаточно бурно и стихийно шёл процесс организации новых органов власти. Создание Советов, Комитетов общественной безопасности и Комитетов общественных организаций происходило не по приказу правительственных органов, а по инициативе общественности [16, с. 67].

Новое либерально-демократическое правительство провозгласило отвлечённые гуманные принципы, в которых не было никакой организующей силы и энергии, заражающей массы. Оно не смогло решить насущные вопросы, стоящие перед обществом о земле и о мире. Временное правительство «хотело из благородного чувства продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную» [3, с. 114].

Либеральные партии не смогли учесть особенности революционной ситуации в такой в целом аграрной стране, как Россия, особенности менталитета народа, а также мобилизовать его для решения насущных проблем, стоящих перед страной. По образному выражению П.П. Марчени, «кадеты пытались искусственно трансплантировать западнические ценности в исторически чуждую им почву. Выступая за «правовое государство», либералы показали себя не умеющими *править* (применить право). Считавшие себя творцами Великой русской революции... кадеты в считанные недели оказались в глазах народа… самозвано узурпировавшими место Царя-батюшки «временщиками» [11, с. 97].

В.С. Барулин справедливо замечает, что партия большевиков очень хорошо почувствовала настроения масс, силу их протеста и готовность к сопротивлению. Она в определённой мере выразила эти настроения в своей программе построения социализма и своих лозунгах, используя созвучность потребностей и интересов людей и идеологической программы построения социализма. Это обстоятельство объясняет тот факт, что за 8 месяцев 1917 года партия большевиков выросла с 24 до 350 тысяч, уступая по численности лишь партии эсеров [2, с. 231]. Сами большевики были искренне убеждены в правильности своих идей и в том, что они отражают интересы трудящихся. [2, с. 234].

Г.П. Кибасова не без основания рассматривает в качестве причин изменения исторической ситуации неспособность Временного правительства и особые лидерские качества В.И. Ленина: «Бездействие Временного правительства привело к такому стремительному «полевению» настроения рабочих и солдат, что социалисты всех толков были к этому совершенно не готовы. Только В. И. Ленин своим «звериным» политическим чутьём ухватил существо момента и ошеломил всех социалистов» десятью тезисами, содержащими план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию [8, с. 90].

Н.А. Бердяев также отдал должное исключительной чуткости Ленина к исторической ситуации, который «почувствовал, что его час настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя» и «провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику». Однако Ленин не мог бы осущест-

вить своего плана революции без переворота в душе народа, связанного с тем, что у него иссякло терпение переносить неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся [3, с. 102].

Н.А. Бердяев подчёркивал, что принципы демократии годны, но не всегда, для мирной жизни, а в революционную эпоху побеждают люди, способные к диктатуре, которая могла бы остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса. Взбунтовавшимся массам необходимы были лозунги, во имя которых они согласились бы организоваться и дисциплинироваться. В этот момент большевизм, подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая могла докончить разложение старого и организовать новое [3, с. 114].

Аналогичной точки зрения придерживается П.П. Марченя. Он считает, что «большевики вернули народу ощущение «почвы», установили твердую власть, осуществили социальную модель всего государства на общинных принципах… изначально крайне непопулярные и немногочисленные большевики кристаллизовались в силу, способную остановить государственный распад, прекратить смуту и восстановить Империю в её новом историческом качестве» [11, с. 98].

Хорошо известно, что в конечном итоге большевики оказались единственной партией, которая взяла на себя ответственность за судьбу страны в этот тяжёлый период времени и смогла решить те проблемы, которые оказались не под силу другим партиям. В определённой степени большевики рассчитывали на победу социалистических революций и в других странах, но этого не произошло. В сложившейся исторической ситуации приходилось в одиночку приступить к строительству нового общества. Несмотря на сильную критику политики большевиков со стороны антибольшевистских сил, некоторые из них признавали важное историческое значение их деятельности.

В еженедельнике Высшего монархического Совета от 16 августа 1925 г. рассматривался вопрос об отношении к монархии прежних революционеров, где была дана нелицеприятная оценка деятельности Гучкова и Милюкова, в той или иной мере причастных к гибели многих правых. Гучков вызывал закономерное неприятие со стороны многих монархистов и больше не рассматривался в качестве лидера антибольшевистских сил. В среде белой эмиграции росло понимание того, что в условиях, создавшихся в России, альтернативы большевикам нет [17, с. 61, 62].

В 1937 г. была опубликована книга Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Её содержание говорит о том, что автор идеологически отрицательно относился к советской власти, которая запятнала себя жестокостью. Однако внезапное падение советской власти, которая, по его мнению, в тот момент выполняла хоть какую-то защиту России от грозящих ей опасностей, могло обернуться анархией [3, с. 120].

Анализ точек зрения многих авторов, в том числе стоявших на антикоммунистических позициях, по поводу исторической ситуации, возникшей в России в 1917 году, позволяет сделать вывод о том, что Октябрьская революция 1917 г. предотвратила распад государства. Закономерно возникает вопрос о том, чьи интересы обеспечивал пролетариат, останавливая государственный распад. Можно вспомнить ликвидацию неграмотности, индустриализацию, говорить о влиянии революции на национально-освободительное движение во всём мире, на улучшение положения пролетариата в капиталистических странах и т. д. Что касается рабочего класса нашей страны, то его заработная плата в годы советской власти была во многих случаях выше, чем у среднего интеллигента. Однако актуальным представляется рассмотрение во-

проса о том, почему не все ожидания народа оправдались.

Социалистическая революция в России не была исключительно делом большевиков, как это стараются представить некоторые авторы. В этой связи Н.А. Бердяев отмечал, что вся история русской интеллигенции с её жаждой социальной справедливости и равенства, признанием классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращением к капитализму и буржуазии подготовляла коммунизм [3, с. 100].

Старая революционная интеллигенция привыкла воспринимать себя безвластной и угнетённой и не думала о том, какой она будет, когда получит власть. Парадокс трансформирования русской интеллигенции после победоносной революции заключался в том, что остатки старой интеллигенции, не примкнувшей к большевизму, не узнали своих собственных черт в тех, против кого они восставали. В конечном итоге часть интеллигенции превратилась в коммунистов и приспособила свою психику к новым условиям, а другая её часть не приняла социалистической революции.

В России появился новый антропологический тип, в котором мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В нём выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип стал материалом организации коммунистической партии и стал властвовать над огромной страной [3, с. 101].

Таким образом, судьба определённой части интеллигенции оказалась трагичной, поскольку цели и результаты деятельности не совпали. Цели и результаты деятельности далеко не всегда совпадают, поскольку результат причиняют средства, а не цели. Жестокие средства, не всегда оправданные, приводят к неудовлетворённости людей социальной реальностью.

Антропологические аспекты революционных преобразований большевиками учитывались не в полной мере. Человек живёт в материальном мире. Неслучайно поэтому большинство людей ориентируются на удовлетворение, прежде всего, материальных интересов. Люди находятся на разных уровнях духовного развития, а также имеют разные физические возможности. Более талантливые люди не хотят считать себя равными с теми, кто находится на более низкой ступени духовного и интеллектуального развития, и ожидают достойного вознаграждения за свой труд.

Как показал опыт истории, надежды большевиков на то, что после победы советской власти народ будет трудиться с энтузиазмом в условиях военного коммунизма, не оправдались. Необходимость перехода к новой экономической политике, ориентированной на материальные стимулы, стала очевидной. Однако в дальнейшем проблема материальных стимулов в полной мере не была решена.

Проблема бюрократизма и злоупотребления властью, кроме всего прочего, имеет и антропологические аспекты, из-за которых достичь желаемого светлого будущего не так-то просто. И. Кант это прекрасно понимал, когда писал, что «человек есть *животное, которое*, живя среди других членов своего рода, *нуждается в господине*» [7, с. 14]. Этот феномен он объясняет тем, что человек обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении близких, поскольку его корыстолюбивая животная склонность побуждает его делать исключение для самого себя. Поэтому он нуждается в господине, который заставил бы его подчиниться общепризнанной воле, способной обеспечить свободу каждому. Проблема видится Кантом в том, что каждый облечённый властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, так как «верховный глава *сам* должен быть справедливым и в то же время *человеком*». Эта задача самая трудная и полностью решить её невозможно потому, что «из столь кривой теснины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого» [7, с. 14]. Для приближения к решению этой пробле-

мы требуются правильное понятие о природе возможного государственного устройства, большой опыт, приобретённый в течение многих веков, а также «добрая воля, готовая принять такое устройство» [7, с. 21]. И. Кант мечтал о всемирногражданском состоянии, «в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода», но предполагал, что оно может возникнуть только в очень отдалённом будущем [7, с. 15].

Идеи о наилучшем государственном устройстве встречались в работах многих мыслителей, начиная с Платона, Аристотеля, ранних социалистов-утопистов. Ближе всех к реальности оказался Аристотель, который считал, что государственный строй должен быть рассчитан на среднего человека («обыденного человека»), то есть соответствовать уровню развития большинства населения, а также быть приемлемым для большей части государств [1; 6, с. 63–64].

С точки зрения К. Маркса, победоносная социалистическая революция возможна только при условии, что она произойдёт в большинстве развитых капиталистических стран, а сам коммунизм он рассматривал как длительный процесс еще в своих ранних произведениях. По его мнению, грубый коммунизм представляет собой первое положительное упразднение частной собственности, «есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*». На этой стадии происходит возврат «к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже не дорос ещё до неё» [10, с. 587].

Вторая форма, когда коммунизм носит ещё политический характер, демократический или деспотический. Даже после упразднения государства он ещё находится «под влиянием частной собственности, т. е. отчуждения человека». Здесь коммунизм «постиг понятие частной собственности, но не уяснил себе её сущность».

Только последняя форма предполагает положительное упразднение частной собственности и самоотчуждения человека, а также «подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека». Таким образом, происходит сохранение «всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т.е. человечному», а также разрешается противоречие между человеком и природой, человеком и человеком. [10, с. 588].

К. Маркс, принеся в жертву своим научным исследованиям не только своё здоровье, но и здоровье членов своей семьи, никогда не называл конкретных сроков возникновения высшей стадии развития общества, а также не собирался на практике осуществлять революцию, понимая, что для этого необходимы объективные предпосылки. А руководители советского государства такие сроки называли, хотя непонятно, чем они руководствовались, поскольку с высоты современных знаний ясно, что планы создания материально-технической базы коммунизма к 80-м годам прошлого века были нереальными. Зато в это время возник «кризис верхов», так как руководство страны не знало, как реформировать экономику и другие сферы жизни. Была поставлена задача обновления социализма, в 1985 г. началась перестройка, которая не опиралась на серьёзные эмпирические исследования общественного мнения.

Политика гласности, проводимая в стране, выявила такой пласт тёмных пятен в истории советского периода, что массовое сознание было взбудоражено. С другой стороны, появилось много самой разной новой информации, в том числе об уровне жизни в развитых капиталистических странах. Образ жизни развитых стран стал более привлекательным для многих россиян по сравнению с той социальной реальностью, в которой осуществлялась их

жизнь. Многих жителей нашей страны не устраивала неясная перспектива жизни ради будущих поколений. Они хотели большей свободы, более хорошего материального обеспечения, возможности реализовать себя уже в период своей жизни, занявшись бизнесом, открыв своё дело. Определённая часть населения, которая не покинула нашу страну после революции и гражданской войны, с самого начала носила маску лояльности по отношению к существующему режиму, которая помогала ей скрывать непролетарское происхождение и выживать в новой исторической ситуации в процессе повседневной жизни [9]. Подобные настроения воспроизводились в рамках семьи и передавались из поколения в поколение.

Итоги выборов 1991 года показали, что большая часть избирателей ориентировалась уже не на ценности реального социализма, который существовал в деформированном виде, а на ценности капитализма. Таким образом, перестройка закончилась не только возвратом к капитализму, но и развалом СССР, в результате чего 25 миллионов русских оказались за рубежом России.

Многие россияне в этот период надеялись на помощь нам со стороны развитых капиталистических стран. Коренным образом изменилась духовная ситуация. Если в начале двадцатого века рабочие, крестьяне, передовая интеллигенция, студенческая молодёжь были возмущены социальной несправедливостью, социальным неравенством, эксплуатацией, то в последнее десятилетие века эти вопросы утратили свою актуальность для определённой части населения. По словам многих студентов в тот период, их не волнуют вопросы, связанные с социальной несправедливостью и эксплуатацией. Для них главное заключается в том, чтобы платили какие-то деньги. Достаточно быстро возник новый антропологический тип «новые русские», численность которых составляла 7 % населения России. Речь идёт о самых богатых людях в стране, воспитанных в годы советской власти, которые стремились обеспечить исключительно свои экономические интересы: вывозили капиталы за рубеж и т.д.

В этом плане они коренным образом отличались от западной буржуазии, особенно шведской, которая платит очень большие налоги для поддержания достойного уровня жизни населения своей страны. Правда в истории нашей страны были состоятельные люди, которые заботились и о других. Достаточно вспомнить русского художника армянского происхождения И.К. Айвазовского, который разбогател благодаря своему исключительному таланту, и очень многое сделал для улучшения материального положения населения родной Феодосии, не говоря уже об огромном положительном влиянии его искусства на духовное развитие людей во всём мире. Хотелось бы, чтобы в современной России таких людей было больше.

К моменту выборов 1996 году, когда экономический спад в России составил 50 %, а в Алтайском крае – 70 %, многие иллюзии исчезли, прекратились разговоры о жизни на Западе. А причины голосования всё за тех же студенты объясняли боязнью того, что может быть ещё хуже. Вероятно, так думали многие другие россияне и старались найти своё место в новой ситуации. В своё время ещё Аристотель подчёркивал, что масса «мудра» и осмотрительна как целое.

За тридцать лет реформ исчез товарный дефицит, но по экономическому потенциалу, по уровню жизни и многим другим вопросам Россия превратилась в страну третьего мира из среднеразвитой страны в экономическом отношении, а по ряду аспектов (наука, культура, образование, освоение космоса, вооружённые силы) занимала передовые позиции в мире. Мы живём в стране с рыночной экономикой, где теория социальной стратификации П.А. Сорокина не в полной мере работает, так как сплошь и рядом люди, имеющие

высшее образование и занимающиеся интеллектуальным трудом (учителя, врачи, преподаватели) получают более низкую зарплату, чем неквалифицированные работники.

В условиях экономических санкций против нашей страны многие россияне осознали, что правящие круги развитых капиталистических стран не заинтересованы в эффективном экономическом развитии России. Что касается духовной ситуации, то ценностное сознание людей в современной России характеризуется определённой противоречивостью. В последнее десятилетие морально-нравственная проблематика переместилась в центр общественного внимания, став предметом острых дискуссий [5]. Результаты последних исследований ценностных ориентаций россиян в повседневной жизни «свидетельствуют о сохранении и некотором усилении в период кризиса тренда на индивидуализм, поддержание собственного благополучия и на саморазвитие» [4, с. 10].

На каналах центрального телевидения чаще стали слышны голоса выдающихся деятелей культуры, обеспокоенных ростом индивидуализма в нашем обществе, отношениями «всё на продажу», ростом коррупции, наркомании, проституции, преступности, наличием беспризорников. Вероятно, было в этом неблагополучном социализме нечто такое, что заставляет людей вспоминать наше прошлое не только в негативном плане.

Социологов беспокоит тот факт, что к весне 2016 г. кризисная ситуация привела к небольшому доминированию у населения негативного социально-психологического состояния, хотя состояние умонастроений выглядит несколько лучше, чем в конце прошлого века. Так, если в 1998 г. негативное личное социально-психологическое состояние отмечало около 90 % населения, то теперь – 53 % [4, с. 6].

В целом результаты социологических исследований показали, что жители нашей страны, несмотря на неудовлетворительную характеристику состояния многих социально значимых сфер жизни общества и отсутствием возможности эффективно влиять на деятельность органов власти, продолжают оказывать им доверие и не поддерживают какие-либо формы насильственной смены власти. Большинство россиян привлекает державная модель общества, которая предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не достиг успеха или попал в беду [4, с. 6].

Сложные времена настали для системы высшего образования, связанные с объединением высших учебных заведений, закрытием ряда специальностей, сокращением контингента студентов и преподавателей. Тем не менее, многие студенты достаточно спокойно внешне воспринимают перемены в системе образования. На протяжении последних десятилетий в процессе учебных занятий у студентов старших курсов, в том числе изучавших экономику, неизменно возникают трудности определения таких понятий, как «частная собственность», «общественная собственность», «капитал», «основной экономический закон капитализма». Однако независимо от того, интересуется ли кто-либо законами развития общества, закон прибавочной стоимости, открытый К. Марксом, вскрыл тайну капиталистической эксплуатации и действует в капиталистическом обществе с железной необходимостью. Этот закон может утратить свою актуальность при условии всеобщей автоматизации и механизации, а от этого состояния современный мир находится очень далеко. В современном капиталистическом обществе актуальной остается проблема отчуждения человека от человека.

Общество массового потребления очень привлекательно для большинства людей, ориентирующихся преимущественно на материальные интересы, но оно экологически нецелесообразно. Уровень жизни среднего американца недоступен каждому жителю планеты. По прогнозам учё-

ных с мировым именем, экологическая катастрофа может разразиться в 30–50 годы этого века. Если прогнозы и не оправдаются, экологическая ситуация продолжает постоянно ухудшаться. 32 развитые капиталистические страны (13 % населения нашей планеты), на долю которых проходится потребление примерно 70 % мировых ресурсов и такое же количество вредных выбросов атмосферу, очищая территорию своих стран, загрязняют мир в целом.

В своё время академик Н.Н. Моисеев предупреждал о том, что уже к началу XXII века человечество, если экстраполировать современные тенденции условий его существования, может подойти к этому опасному порогу, когда обратного хода эволюционному процессу уже не будет. Речь идёт о генетической деградации вида Homo sapiens [13, с. 284]. Всё это говорит о необходимости принятия экстренных мер для кардинального изменения условий жизни человека и решения экологической проблемы.

В работах Н.Н. Моисеева убедительно показано, что ответственность за отсутствие кардинальных шагов по улучшению экологической ситуации в мире лежит, прежде всего, на правящих кругах развитых капиталистических стран, обеспокоенных процветанием лишь «золотого миллиарда». Позиция этих стран, проявляющаяся в нежелании менять систему ценностей и переходить к экологически более целесообразным способам взаимоотношения между обществом и природой, отчётливо проявилась уже на Международном конгрессе в Рио-де-Жанейро в 1992 году [13, с. 453, 459, 469]. Ведущая капиталистическая держава США до сих пор отказывается принимать участие в мероприятиях по улучшению экологической ситуации в мире.

Таким образом, человечество стоит перед выбором продолжать удовлетворять свои безграничные материальные потребности и рубить сук, на котором оно сидит, или находиться в гармонии с природой, меняя систему ценностей и достигая консенсуса материальных и духовных потребностей. Важно заметить, что ориентация на удовлетворение преимущественно материальных потребностей приводит к духовной деградации человека.

Известно, что человечество уже находилось на грани экологической катастрофы в эпоху неолита (8 – 4 тыс. лет до н. э.), когда потребности быстро растущего населения планеты уже перестали соответствовать ресурсным возможностям планеты, и начался голод. По оценкам антропологов, население земного шара сократилось в начале неолита примерно в восемь раз.

В те давние времена люди сумели преодолеть экологический кризис и выйти из него победителями, поскольку они изобрели сначала земледелие, а потом скотоводство. Экологическая ниша качественно расширилась [13, с. 221, 223]. Все эти факты вселяют надежду на то, что человечество сумеет найти достойный выход из неблагоприятной экологической ситуации и в этом столетии. Возможно, произойдёт переход к качественно новому, экологически оправданному образу жизни, когда духовные потребности людей будут находиться в гармонии с материальными потребностями. Тогда этот переход будет носить революционный характер, хотя может осуществиться мирным путём. Необходима революция в сознании людей и, прежде всего правящих кругов всех стран, изменение системы ценностей с тем, чтобы духовные, а не материальные ценности играли определяющую роль в жизни людей. При этом духовные потребности должны находиться в гармонии с материальными потребностями, чтобы человек мог нормально развиваться. Представляется, что дальнейшее прогрессивное развитие российского общества, которое является частью мирового сообщества, возможно только в этом направлении.

Золотова Наталья Дмитриевна *– кандидат философских наук, доцент*

Список литературы

1. Аристотель Политика / Аристотель // Аристотель: соч. в 4-х т. – Т. 4. – М., 1984. –. С. 375–644.

2. Барулин, В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя: Монография. – СПб.: Алетейя, 2000. – 431с.

3. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев; репринтное воспроизводство издания Ymca-press, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

4. Горшков, М.К. Российский социум в условиях кризисного развития / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 5–13.

5. Золотова, Н.Д. Изменение системы ценностей человека в современной России / Н.Д. Золотова // Барулинские чтения: Россия в эпоху социальных трансформаций: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, Барнаул, 25 июня 2016 г. / под науч. ред. В.Ю. Инговатова, Н.В. Цыганенко. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016. – 182 с.

6. История теоретической социологии: в 5 томах. – Т. 1: От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе). – М.: Наука, 1995. – 270 с.

7. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 1784 / И. Кант // И. Кант Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 5–23.

8. Кибасова, Г.П. Февральская революция и создание объединённых социал-демократических организаций / Г.П. Кибасова // История в подробностях. – 2012. – № 2(20). – С. 86–90.

9. Козлова, Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи / Н.Н. Козлова. – М., 1996. – 216 с.

10. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956. – С. 517–642.

11. Марченя, П.П. А что за Февралём? Особенности национального политического календаря / П.П. Марченя // История в подробностях. – 2012. – № 2(20). – С. 92–98.

12. Миронов, Б.Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект в истории или пушечное мясо? / Б.Н. Миронов // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 24–35.

13. Моисеев, Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. – М.: Аграф, 1998. – 480 с.

14. Оськин, М.В. Продовольственное снабжение русской армии накануне и после Февральской революции 1917 г. // М.В. Оськин // Вопросы истории. – 2016. – № 12. – С. 40–53.

15. Рыбаков, С.В. «Для меня худшее случилось…». Психологический портрет Николая II на фоне политических реалий начала XX в. / С.В. Рыбаков // История в подробностях. – 2012. – № 2(20). – С. 3–17.

16. Тресвятский, Л.А. Влияние Февральской революции 1917 г. на власть и управление окраинных территорий / Л.А. Тресвятский // История в подробностях. – 2012. – № 2(20). – С. 62–67.

17. Холяев, С.В. Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции / С.В. Холяев // Вопросы истории. – 2016. – № 10. – С. 44–64.

ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS IN RUSSIA

N.D. Zolotova
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article is dedicated to analysis of anthropological aspects of revolutionary changes in Russia. The main idea of article – The October Revolution of 1917 prevented dissolution of the state in Russia. The value consciousness of people in modern Russia is characterized by discrepancies. Revolution in consciousness and changes in value system are the conditions of preventing of a global ecological catastrophe.

Keywords:

anthropological aspects, revolutionary changes, The February Revolution of 1917,The October Revolution of 1917,dissolution of the state, revolutionin consciousness, material requirements, spiritual requirements, change the system of valuesfor man, spiritual values,materialvalues, meaning orientations, value consciousness of people,preventing, a global ecological catastrophe, discrepancy, everyday reality, self-realization.

References:

1. Aristotel' Politika / Aristotel' // Aristotel': soch. v 4-h t. – T. 4. – M., 1984. –. S. 375–644.
2. Barulin, V.S. Rossijskij chelovek v XX veke. Poteri i obretenie sebya: Monografiya. – SPb.: Aletejya, 2000. – 431 s.
3. Berdyaev, N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma / N.A. Berdyaev; reprintnoe vosproiz-vodstvo izdaniya Ymca-press, 1955 g. – M.: Nauka, 1990. – 224 s.
4. Gorshkov, M.K. Rossijskij socium v usloviyah krizisnogo razvitiya / M.K. Gorshkov // So-ciologicheskie issledovaniya. – 2017. – № 1. – S. 5–13.
5. Zolotova, N.D. Izmenenie sistemy cennostej cheloveka v sovremennoj Rossii / N.D. Zolo-tova // Barulinskie chteniya: Rossiya v ehpohu social'nyh transformacij: materialy Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Barnaul, 25 iyunya 2016 g. / pod nauch. red. V.YU. Ingovatova, N.V. Cyganenko. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2016. – 182 s.
6. Istoriya teoreticheskoj sociologii: v 5 tomah. – T. 1: Ot Platona do Kanta (Predystoriya sociologii i pervye programmy nauki ob obshchestve). – M.: Nauka, 1995. – 270 s.
7. Kant, I. Ideya vseobshchej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane. 1784 / I. Kant // I. Kant Sochineniya v shesti tomah / Pod obshch. red. V.F. Asmusa i dr. – T. 6. – M.: Mysl', 1966. – S. 5–23.
8. Kibasova, G.P. Fevral'skaya revolyuciya i sozdanie ob"edinyonnyh social-demokraticheskih organizacij / G.P. Kibasova // Istoriya v podrobnostyah. – 2012. – № 2(20). – S. 86–90.
9. Kozlova, N.N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoj ehpohi / N.N. Kozlova. – M., 1996. – 216 s.
10. Marks, K. EHkonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda / K. Marks // Marks K., EHngel's F. Iz rannih proizvedenij. – M., 1956. – S. 517–642.
11. Marchenya, P.P. A chto za Fevralyom? Osobennosti nacional'nogo politicheskogo ka-lendarya / P.P. Marchenya // Istoriya v podrobnostyah. – 2012. – № 2(20). – S. 92–98.
12. Mironov, B.N. Rabochie v revolyucii 1917 g.: sub"ekt v istorii ili pushechnoe myaso? / B.N. Mironov // Sociologicheskie issledovaniya. – 2017. – № 2. – S. 24–35.
13. Moiseev, N.N. Rasstavanie s prostotoj / N.N. Moiseev. – M.: Agraf, 1998. – 480 s.
14. Os'kin, M.V. Prodovol'stvennoe snabzhenie russkoj armii nakanune i posle Fev-ral'skoj revolyucii 1917 g. // M.V. Os'kin // Voprosy istorii. – 2016. – № 12. – S. 40–53.
15. Rybakov, S.V. «Dlya menya hudshee sluchilos'...». Psihologicheskij portret Nikolaya II na fone politicheskih realij nachala XX v. / S.V. Rybakov // Istoriya v podrobnostyah. – 2012. – № 2(20). – S. 3–17.
16. Tresvyatskij, L.A. Vliyanie Fevral'skoj revolyucii 1917 g. na vlast' i upravlenie okrainnyh territorij / L.A. Tresvyatskij // Istoriya v podrobnostyah. – 2012. – № 2(20). – S. 62–67.
17. Holyaev, S.V. Transformaciya «Soyuza 17 oktyabrya» v storonu revolyucii / S.V. Holyaev // Voprosy istorii. – 2016. – № 10. – S. 44–64.

УДК 378.4:371. 64 /. 65

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ, АРХИВОВ, БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

И.Н. Никулина
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Рассматривается имеющийся многолетний опыт при изучении гуманитарных дисциплин: «История и культура Алтая», «Культурология», «Мировая и отечественная культура», «История Сибиря и Алтая» в Алтайском государственном техническом университете им. И.И. Ползунова. Называются проблемы, препятствующие взаимодействию университетов, архивов, библиотек, музеев в учебном процессе.

Ключевые слова:

университет, архив, библиотека, музей, учебный процесс.

Активное участие человека в общественной жизни, его становление как самостоятельной творческой личности вызывает необходимость обращения к историко-культурному наследию России. Освоение этих духовных сокровищ позволяет постичь смысл забытых уроков истории, дает возможность выявления и познания культурных ценностей, без которых невозможно самосовершенствование личности. Именно культура выступает мощным фактором социального развития и стабильности общества.

Одним из факторов, способствующих активизации познавательной деятельности студентов является, на наш взгляд, связь изучаемого материала в рамках учебных курсов с проведением семинарских занятий на базе экспозиций музеев, архива, библиотек города.

В данной статье рассматривается имеющийся многолетний опыт в этом направлении при изучении гуманитарных дисциплин: «Истории и культуры Алтая», «Культурологии», «Мировой и отечественной культуры», «Истории Сибири и Алтая» в Алтайском государственном техническом университете им. И.И. Ползунова. Следует отметить, что некоторые аспекты данного вопроса уже рассматривались автором ранее [1].

Несомненно, проблему подготовки будущих инженеров нельзя связывать только с дальнейшим совершенствованием профессиональных знаний, необходима также хорошая гуманитарная подготовка студентов, способствующая формированию устойчивого интереса к общественно-политическим событиям, формированию гражданской позиции, воспитанию патриотизма.

И в этом отношении большое значение имеет проведение занятий выше указанных курсов на базе Алтайского государственного краеведческого музея, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая, Государственного художественного музея и др., в ходе которых студенты имеют возможность подкрепить теоретические знания знакомством с предметами материальной и духовной культуры, основными этапами и важней-

шими событиями истории региона, представленными в экспозициях музеев.

Особенно большое значение имеет использование историко-культурного наследия выдающегося изобретателя первой в мире паровой машины И.И. Ползунова при изучении курсов «История и культура Алтая», «История Сибири и Алтая», «История инженерного дела в России» и проведение занятий в зале истории горнозаводского производства на Алтае (XVIII – XIX вв.). В ходе изучения истории Алтая студенты готовят сообщения, посвященные жизни и деятельности И.И. Ползунова, наиболее удачные из которых выносятся в качестве выступлений на секцию «Выдающиеся изобретатели Алтая XVIII – XIX вв.» студенческой научной конференции (май 2017 г. и др.), проводившейся совместно с Алтайским краеведческим музеем (в лице научного сотрудника музея Аврамовой Ю.А.) с демонстрацией редких материалов коллекций музея. В мае 2016 г. кафедрой «История Отечества» и Центром культуры была проведена межвузовская студенческая научно-практическая конференция «И.И. Ползунов: к 250-летию пуска первого в мире универсального парового двигателя», материалы выступлений были опубликованы в сборнике конференции.

Посещение тематических выставок редких документов одного из старейших в Сибири Государственного архива Алтайского края «Экономика на изломах истории», «Алтай туристический», «Документальные сокровища Алтая» и др. позволяют существенно расширить и углубить представления студентов об историческом прошлом нашего края.

Важное место в сохранении историко-культурного наследия края и его популяризации среди молодёжи занимает Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова (далее АКУНБ). Как известно книга играла и продолжает играть важную роль в жизни общества. Книга сопутствует человеку на протяжении всей его жизни. Можно сказать, что книга – это начало всех начал. Нельзя не вспомнить слова А.И. Герцена «Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезли, а книга осталась». Огромную ценность представляют коллекции фонда редких книг библиотеки, знакомство с которыми осуществляется студентами нашего университета при проведении семинарских занятий по курсу «История Сибири и Алтая», «История и культура Алтая». Выставки книжных изданий «Из века в век», «Набат войны нам вновь стучит в сердца» позволяет студентам приобщиться к книжному богатству библиотеки, знакомит с редкими фотографиями и работами российских и зарубежных авторов.

В АКУНБ находится Алтайский региональный центр доступа к ресурсам Президентской библиотеки, создающий возможности проведения семинарских занятий с использованием редких документальных материалов и фотографий. Так студенты энергетического факультета по курсу истории изучали тему «Образование Древнерусского государства» с использованием программы «У истоков российского государства», основанной на древнейшей летописи «Повесть временных лет» различных редакций. Студенты гр. С-72 (направление подготовки – строительство) – «Алтай в годы Великой Отечественной войны» – по курсу «История Сибири и Алтая».

Таким образом, имеющийся опыт свидетельствует о возможности тесного взаимодействия университетов, музеев, архивов, библиотек в процессе обучения студентов.

Тем не менее, существуют проблемы, препятствующие этому процессу, главной из которых является резкое сокращение преподаваемых исторических дисциплин до практически единственного курса «История» (количество часов, на изучение которого постоянно сокращается), а также ликвидация курсов, связанных с изучением культуры.

Хотелось бы подчеркнуть, что успешное освоение историко-культурного наследия региона возможно лишь при наличии достаточного количества учебных занятий по историческим и культурологическим дисциплинам, что, несомненно, и будет способствовать упрочнению духовных скреп современной российской культуры.

Никулина Ирина Николаевна *– доктор исторических наук, профессор*

Список литературы

1. Никулина, И.Н. Университеты и музеи: перспективы взаимодействия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул,17 мая 2007 г.). – Барнаул, 2007. – С. 214-215.
2. Никулина, И.Н. К вопросу об использовании в учебном процессе историко-культурного наследия выдающегося изобретателя первой паровой машины И.И.Ползунова // Реклама и современность. Социум. Вып. 5. – Барнаул, 2010. С. 9–10.

PROBLEMS OF INTERACTION AMONG UNIVERSITIES, ARCHIVES, LIBRARIES AND MUSEUMS FOR EDUCATIONAL PURPOSES

I.N. Nikulina
Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The available long-term experience when studying humanitarian disciplines is considered: "The history and the culture of Altai", "The cultural science", "The world and domestic culture", "The history of Siberia and Altai" at the Altai State Technical University of I. I. Polzunov. The problems interfering the interaction of universities, archives, libraries, museums in the educational process are called.

Keywords:

the University, the archives, the library, museum, the educational process.

References:

1. Nikulina, I.N. Universitety` i muzei: perspektivy` vzaimodejstviya // Materialy` Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Barnaul,17 maya 2007 g.). – Barnaul, 2007. – S. 214 -215.
2. Nikulina, I.N. K voprosu ob ispol`zovanii v uchebnom processe istoriko-kul`turnogo na-slediya vy`dayushhegosya izobretatelya pervoj parovoj mashiny` I.I. Polzunova // Reklama i sovremennost`. Socium. Vy`p. 5. – Barnaul, 2010. S. 9–10.

УДК 354

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА И ФОРМИРОВАНИЕ УВАЖЕНИЯ К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ МНОГООБРАЗИЮ

И.В. Рогозина, В.Г. Беседина, Н.Ю. Бухнер
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье акцентируется роль образовательных учреждений в формировании уважения к этнокультурному многообразию, появляющемуся в условиях интенсификации современных миграционных процессов. В ней представлен аналитический обзор научных исследований, подвергающих критическому осмыслению накопленный в этой области европейский опыт, представляющий интерес и для профессионалов в области российского образования.

Ключевые слова:

этническое и культурное многообразие, уважение к этнокультурному многообразию, этнические предрассудки, этническая толерантность, межэтнические контакты, эмпатия, диверсификация содержания обучения.

Современный этап развития человечества характеризуется во многом вынужденным соприкосновением этносов и культур, ранее не находившихся во сколько-нибудь значимом этнокультурном взаимодействии, что является следствием активно протекающих миграционных процессов [1–3]. Представляется неизбежным, что этнокультурное взаимодействие, происходящее в условиях, которые вряд ли возможно считать эволюционными, порождает целый ряд проблем. Эти проблемы в большей степени затрагивают европейские страны, но в силу известных причин свойственны они и для Российской Федерации. Решение некоторых из них, на наш взгляд, в значительной степени зависит от системы образования. В силу сказанного целью данной статьи является критическое осмысление того опыта, который страны Евросоюза приобрели в условиях постоянного увеличения потоков мигрантов и необходимости включения представителей различных этнических групп в число обучающихся в образовательных учреждениях различного уровня. Кроме того, представляется целесообразным осмыслить и оценить ту роль, которую играет и/или может играть система образования в противодействии этнокультурным предрассудкам и формировании уважительного отношения к этнокультурному многообразию.

На наш взгляд, система образования в целом имеет значительный потенциал для формирования межкультурных компетенций, необходимых для принятия этнокультурного разнообразия как неотъемлемой черты современного мира. Изучению этого аспекта деятельности образовательных учреждений, посвящено значительное количество научных исследований, проводимых в европейских странах, непосредственно испытывающих на себе всю остроту порождаемых мигра-

ционными процессами проблем (Van Driel 2016, Meinhoff, 2013, Hello 2002, Evans 2014, James 2008, Bennet, 2004, Forst 2003) [4–10]. Как считают исследователи – авторы доклада «Политика в области образования с целью формирования толерантности у детей и молодежи в ЕС» (Education policies to foster tolerance in children and young people in the EU), система образования предоставляет обществу уникальную возможность решать такие проблемы как отсутствие толерантности и уважения к этническому многообразию (diversity) в рамках процесса обучения, когда профессиональные педагоги (professional educators) способны оказывать влияние на характер приобретаемых обучающимися знаний, на композицию формируемых компетенций и, в конечном счете, на их поведение [4, с. 23].

Вместе с тем, авторы доклада, подвергая критическому осмыслению накопленный в этой области европейский опыт, констатируют тот факт, что в силу ряда причин большая часть попыток противодействовать этническим предрассудкам и воспитывать уважение к этнокультурному многообразию характеризуется лишь временным успехом, а сами эти попытки чаще всего являются ответом на стихийно возникающие проблемы. По их мнению, подобная практика решения межэтнических проблем говорит об отсутствии стратегии устойчивых интервенций (sustainable interventions) в область межэтнических проблем, что имеет следующие причины:

* неспособность идентифицировать структурные причины этнических предрассудков и межэтнических проблем;

* отсутствие ресурсов для противодействия проявлениям межэтнической напряженности;

* недостаточность знаний для выработки необходимых стратегий;

* отсутствие навыков решения подобных проблем;

* представление о сущности образования как о деятельности, осуществляемой исключительно в академической плоскости [4, с. 23–24].

Анализируя достижения и недостатки в области продвижения идеи этнокультурного многообразия, Л.Г. Харгривз констатирует, что отдельно предпринимаемые меры оказываются эффективными лишь в краткосрочном плане, в то время как они редко приводят как к структурным изменениям, так и к изменениям культуры учебного заведения [11]. В работе подчеркивается, что только системные изменения могли бы «создать такое пространство, в котором все студенты чувствовали бы себя принятыми другими и где их этнокультурные особенности могли бы служить источником информации для всех, и где конфликтные ситуации эффективно разрешались бы и в среднесрочном, и в долгосрочном плане» [11]. Говоря о возможностях системы образования в плане продвижения культурного многообразия, многие исследователи сходятся во мнении, что она обладает значительным потенциалом, способным проявить себя в таких важных моментах как:

* диверсификация содержания обучения [12];

* способность быть тем местом, где учатся принимать и ценить этнокультурное многообразие [13];

* помощь студентам в позитивном восприятии многообразия посредством обеспечения формального и неформального опыта взаимодействия [14].

Особенно важным направлением деятельности учебного заведения является обеспечение неформального опыта взаимодействия в соответствии с теорией контактов (contact theory) Г. Олпорта, согласно которой не существует прямой зависимости характера межэтнических отношений от этнического состава образовательного заведения, поскольку межэтнические контакты ведут к снижению межэтнических предрассудков лишь при

обязательном соблюдении ряда условий [15]. Согласно Г. Олпорту эти условия включают:

* равнозначность статуса контактирующих этнических групп, что означает равную возможность участия в принятии решений;

* наличие единой цели у контактирующих этнических групп, прежде всего, возникает при выполнении таких заданий, успешное завершение которых требует сотрудничества;

* сотрудничество, а не конкуренция как форма взаимодействия между контактирующими этническими группами;

* институциональная поддержка межэтнического контакта [15].

Исследователи подтверждают, что недостаточно собрать вместе студентов–представителей разных этнических групп: простая этническая десегрегация (ethnic desegregation) не ведет к росту этнической толерантности [16–18]. Напротив, в некоторых случаях этническое многообразие может восприниматься как угроза, исходящая от этнических групп, отличных от той, к которой принадлежат те или иные студенты [19]. Поэтому последние исследования, проводившиеся в странах Евросоюза, подтверждают, что контакты между этническими группами оказываются успешными исключительно в тех случаях, когда соблюдаются приведенные выше условия.

В этих случаях минимизация этнических предрассудков происходит вследствие возникновения эмпатии в процессе межгруппового межэтнического взаимодействия, что, во-первых, существенно снижает беспокойство по поводу соприкосновения с «другими», а во-вторых, увеличивает знания об этих «других», хотя эмпатия и снижение уровня обеспокоенности значительно важнее, чем расширение этнического знания [20]. Кроме того, согласно Д. Бэтсону и А. Пауэллу, возникновение эмпатии можно рассматривать в качестве прогностического фактора позитивного социального поведения, включающего принятие людей из других социальных групп и дружеские отношения с ними [21].

Интересно, что европейские исследователи указывают на наличие, как минимум, двух противоположных подходов к противодействию межэтническим предрассудкам, хотя оба эти подхода направлены на развитие у студентов эмпатии по отношению к представителям других этнических групп, обучающихся в одном и том же образовательном учреждении. Цель первого подхода заключается в том, чтобы, прежде всего, изменить отношение обучаемых к другим этническим группам, и, если отношение изменится, как считают некоторые ученые, то изменится и поведение. Второй подход базируется на данных социальной психологии и гласит о том, что необходимо сначала изменить поведение, за которым последует изменение отношения [22]. Как бы то ни было, исследователи сходятся во мнении в том, что, чтобы изменить отношение обучаемых к той или иной этнической группе, необходимо создать такие условия, которые обеспечили бы позитивные контакты с ее представителями.

Проведенный критический анализ научного дискурса, направленного на осмысление опыта этнокультурного взаимодействия внутри образовательных систем зарубежных стран, позволяет сделать вывод о том, что именно образовательные учреждения обладают наилучшими возможностями для создания оптимальных условий с целью инициации и поддержания позитивных межэтнических контактов. В частности, учебные заведения способны продвигать различные виды деятельности, которые вовлекали бы обучаемых в такое просоциальное поведение как совместная проектная деятельность, работа в команде, помощь сверстникам из других этнических групп в учебе, а также осуществление иных ин-

тервенций, направленных на оказание другим какой-либо помощи и др.

Рогозина Ирина Владимировна *– доктор филологических наук, доцент*

Беседина Вера Геннадьевна *– кандидат филологических наук, доцент*

Бухнер Наталья Юрьевна *– кандидат социологических наук, доцент*

Список литературы

1. Рогозина, И.В. Вербальная агрессия по отношению к мигрантам: опыт психолингвистического моделирования [Текст] / И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер // Ползуновский альманах. – № 3. – 2015. – С. 49–54.

2. Рогозина, И.В. Фрагмент локальной картины мира: армяне как мигранты [Текст] / И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2016 : материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. В. Рогозиной. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016. – С. 6–14.

3. Рогозина, И.В. Использование методики «вопроса о соседях» для ранжирования этнической толерантности [Текст] / И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2017 : материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. В. Рогозиной. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2017. – С. 5–13.

4. Van Driel, B., Darmody, M., Kerzil, J. Education policies and practices to foster tolerance, respect for diversity and civic responsibility in children and young people in the EU, NESET II report, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016.

5. Meinhof, U.H. 'Cultural Diversity in Europe: a story of mutual benefit, EUI Working Paper RSCAS 2013/71.

6. Hello, E., Scheepres, P., & Gijsberts, M. Education and Ethnic Prejudice in Europe: explanations for crossnational variences in the educational effect on ethnic prejudice. Scandinavian journal of Educational Research. – Vol. 46. – No 1. – 2002.

7. Evans, M. 'Diversity Act III', Semionaut. Feb 5, 2014.

8. James, M. Interculturalism, Theory and Policy, 2008.

9. Bennett, M. 'Becoming Interculturally competent'. In: Wurzel, J. (Ed.), Toward multiculturalism: A reader in multicultural education (2nd ed.). Newton, MA: Intercultural Resource Corporation, 2004, pp. 62–77.

10. Forst, R. 'Toleration, justice and reason'. In McKinnon, C.; Castiglione, D. (Eds.) The culture of toleration in diverse societies, Manchester: Manchester University Press, 2003, pp. 71–85.

11. Hargreaves, L.G. 'The whole-school approach to education for sustainable development: From pilot projects to systemic change' Policy and Practice, 6, 2008.

12. Ward, C. The impact of international students on domestic students and host institutions – A literature review. Prepared for the Export Education Policy Project, Strategic Information and Resourcing Division, New Zealand Ministry of Education Export Education, Wellington: Ministry of Education, 2001.

13. Smyth. E., Lyons, M., Darmody, M. (eds.), Religious Education in a Multicultural Europe. – London: Pal-grave Macmillan, 2013.

14. Isac. M., Maslowski, R., van der Werf, G. 'Native student attitudes towards equal rights for immi-grants. A study in 18 European Countries'. Journal of Social Science Education, 11, 1, 2012, pp. 7–26.

15. Allport G. The Nature of Prejudice, Cambridge, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1954.

16. Pettigrew, T.F., Tropp, L.'A Meta-analytic Test of Intergroup Contact Theory', Journal of Personality and Social Psychology, 90, 2006, pp.751–783.

17. Hodson, G. 'Do Ideologically Intolerant People Benefit from Intergroup Contact?', Current Direc-tions in Psychological Science, 20:154, 2011.

18. Thijs, J., Verkuyten, M. 'School ethnic diversity and students' interethnic relations', British Journal of Educational Psychology, 2014, 84, pp. 1–21.

19. Godwin, K., Ausbrooks, C., Martinez, V. 'Teaching tolerance in public and private schools', Phi Delta Kappan, 82, 7, 2001, pp. 542–546.

20. Pettigrew, T., Tropp, L. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. – New York: Psychology Press, 2011.

21. Batson, D., Powell, A. 'Altruism and Pro-Social Behavior', Handbook of Psychology, Part 3, 2003, p. 463-484.

22. Darnton, A. Reference report: an overview of behaviour change models and their uses. – London: GSR, 2008.

EDUCATION POLICIES IN EU COUNTRIES TO FOSTER RESPECT FOR DIVERSITY

I.V. Rogozina, V.G. Besedina, N.Yu. Buhner
I.I. Polzunov Altai State Technical University

Abstract

The article emphasizes the role of education in fostering respect for ethnic and cultural diversity resulting from the intensification of modern migration processes. It presents an analytical overview of research carried out in European countries to critically asses the experience gained in this sphere which is of interest for education professionals in Russia.

Keywords:

ethnic and cultural diversity, respect for diversity, ethnic prejudice, ethnic tolerance, interethnic contacts, empathy, diversification of teaching content.

References:

1. Rogozina, I.V. Verbal'naya agressiya po otnosheniyu k migrantam: opyt psikholing-visticheskogo modelirovaniya / I.V. Rogozina, N.YU. Bukhner // Polzunovskij al'-manakh. – № 3. – 2015. – S. 49–54.
2. Rogozina, I.V. Fragment lokal'noj kartiny mira: armyane kak migranty / I.V. Rogozina, N.YU. Bukhner // Sovremennoe gumanitarnoe nauchnoe znanie: mul'tidistsi-plinarnyj podkhod–2016 : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferen-tsii / pod obshh. red. I. V. Rogozinoj. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2016. – S. 6–14.
3. Rogozina, I.V. Ispol'zovanie metodiki «voprosa o sosedyakh» dlya ranzhirovaniya ehtnicheskoj tolerantnosti / I.V. Rogozina, N.YU. Bukhner // Sovremennoe gumanitarnoe nauchnoe znanie: mul'tidistsiplinarnyj podkhod-2017 : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii / pod obshh. red. I. V. Rogozinoj. – Barnaul : Izd-vo AltGTU, 2017. – S. 5–13.
4. Van Driel, B., Darmody, M., Kerzil, J. Education policies and practices to foster tolerance, respect for diversity and civic responsibility in children and young people in the EU, NESET II report, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016.
5. Meinhof, U.H. 'Cultural Diversity in Europe: a story of mutual benefit, EUI Working Paper RSCAS 2013/71.
6. Hello, E., Scheepres, P., & Gijsberts, M. Education and Ethnic Prejudice in Europe: explanations for crossnational variences in the educational effect on ethnic prejudice. Scandinavian journal of Educational Research. – Vol. 46. – No 1. – 2002.
7. Evans, M. 'Diversity Act III', Semionaut. Feb 5, 2014.
8. James, M. Interculturalism, Theory and Policy, 2008.
9. Bennett, M. 'Becoming Interculturally competent'. In: Wurzel, J. (Ed.), Toward multiculturalism: A reader in multicultural education (2nd ed.). Newton, MA: Intercultural Resource Corporation, 2004, pp. 62–77.
10. Forst, R. 'Toleration, justice and reason'. In McKinnon, C.; Castiglione, D. (Eds.) The culture of toleration in diverse societies, Manchester: Manchester University Press, 2003, pp. 71–85.
11. Hargreaves, L.G. 'The whole-school approach to education for sustainable development: From pilot projects to systemic change' Policy and Practice, 6, 2008.
12. Ward, C. The impact of international students on domestic students and host institutions – A literature review. Prepared for the Export Education Policy Project, Strategic Information and Resourcing Division, New Zealand Ministry of Education Export Education, Wellington: Ministry of Education, 2001.
13. Smyth. E., Lyons, M., Darmody, M. (eds.), Religious Education in a Multicultural Europe. – London: Pal-grave Macmillan, 2013.
14. Isac. M., Maslowski, R., van der Werf, G. 'Native student attitudes towards equal rights for immigrants. A study in 18 European Countries'. Journal of Social Science Education, 11, 1, 2012, pp. 7–26.
15. Allport G. The Nature of Prejudice, Cambridge, MA: Addison-Wesley Publishing Compa-ny, 1954.

16. Pettigrew, T.F., Tropp, L.'A Meta-analytic Test of Intergroup Contact Theory', Journal of Personality and Social Psychology, 90, 2006, pp.751–783.
17. Hodson, G. 'Do Ideologically Intolerant People Benefit from Intergroup Contact?', Current Directions in Psychological Science, 20:154, 2011.
18. Thijs, J., Verkuyten, M. 'School ethnic diversity and students' interethnic relations', British Journal of Educational Psychology, 2014, 84, pp. 1–21.
19. Godwin, K., Ausbrooks, C., Martinez, V. 'Teaching tolerance in public and private schools', Phi Delta Kappan, 82, 7, 2001, pp. 542–546.
20. Pettigrew, T., Tropp, L. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. – New York: Psychology Press, 2011.
21. Batson, D., Powell, A. 'Altruism and Pro-Social Behavior', Handbook of Psychology, Part 3, 2003, p. 463-484.
22. Darnton, A. Reference report: an overview of behaviour change models and their uses. – London: GSR, 2008.

Раздел II.
СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 316.642.4

ВОЗРАСТНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА В НАПОЛНЕНИИ КОНЦЕПТА РЕВОЛЮЦИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер
Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье предпринимается попытка моделирования познавательной структуры, стоящей за лексемой революция сквозь призму возрастной детерминанты. Предпринятый сопоставительный анализ реакций участников экспериментального исследования позволяет выявить тренд: по мере временн**о**го отдаления индивида от значимого события, знание о нем начинает переходить в понятийную плоскость, освобождаясь от эмоционально-оценочных наслоений.

Ключевые слова:

концепт, познавательная структура, картина мира, психолингвистический ассоциативный эксперимент, возрастная детерминанта, революция.

Будучи эпохальным событием, оказавшим беспрецедентное влияние на весь мир, русская революция 1917 года, как и другие подобные исторические события, характеризуется неоднозначностью, а зачастую и полярностью мнений относительно ее причин, течения и результатов. Общеизвестно, что революционные события инициируются разделением общества на два противоположных лагеря. Подобная поляризованность, приведшая к революционным событиям в России, стала особенно выраженной в начале XX века, а поляризованность мнений в их оценке оказалась свойственной как их современникам, имевшим возможность непосредственно наблюдать за происходящими событиями и участвовать в них, так и их потомкам, которые опосредованно испытывали на себе результаты революционных изменений. Одним из драматических следствий революции 1917 года стала гражданская война, усилившая разделение российского общества на своих и чужих – «красных» и «белых».

Среди современников, негативно отнесшихся к революции, можно назвать таких видных политических деятелей и философов, как Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др. Революция, по мнению С.Л. Франка, это болезнь общества, «сама по себе не приводящая к удовлетворению органических потребностей, к чему-то «лучшему» [6, с. 208]. Более трагично в своем очерке «Размышления о русской революции» оценил события Н.А. Бердяев, полагавший, что русская революция «есть великое несчастье» [1, с. 438].Неприятие революции и новой власти заставило часть русского общества покинуть Родину.

ВОЗРАСТНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА В НАПОЛНЕНИИ КОНЦЕПТА РЕВОЛЮЦИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

К общественным и политическим деятелям, положительно отнесшимся к революции и считавшим ее неизбежной и закономерной для России, следует, прежде всего, отнести идеологов большевистской партии (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий). По их мнению, в «русском государстве в 1917 г. отсутствовали объективные и субъективные условия для иного, чем реально осуществленного пути развития революционной ситуации в стране», таким образом, русская революция «праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во времена революции. В такие времена народ способен на чудеса»[4, с. 103].

Не вдаваясь в детали произошедших событий, мы согласны с мнением, высказанным Е. Васильевой, о том, что данное историческое событие – «незавершенный социальный конструкт, «обрастающий» новыми смыслами в текущем времени» [2, с. 24]. Анализируя результаты исследования ассоциаций со словосочетанием *Октябрьская революция*, исследователь обращает внимание на «неодинаковую степень эмоциональности ответов. Одни участники опроса старались вспомнить факты и описать возникающие у них визуальные ассоциации, а другие – те, кто принял предмет обсуждения ближе к сердцу, – описывали свои чувства, давали эмоциональную оценку событиям революции и Гражданской войны» [2, с. 26]. В результате автор приходит к выводу о том, что у большей части респондентов «ассоциации с событиями революции, полученные из СМИ, учебников и фильмов, ярче и прочнее, чем та информация, которую они могли получать и наверняка получали от родственников, бывших очевидцами этих драматических событий» [2, с. 32].

Проводя наше экспериментальное исследование, мы осознанно исключили аттрибутив *Октябрьская* из словосочетания, оставив только лексему *революция*, с целью снижения степени «заданности» условий эксперимента и обеспечения большей свободы реакций. Тем не менее, наша презумпция состояла в том, что слово-стимул *революция* неизбежно коснется тех ментальных слоев, формирование которых было связано именно с революционными событиями в России. Кроме того, наш исследовательский интерес состоял в том, чтобы сопоставить реакции на слово-стимул *революция*, возникающие у представителей двух поколений. Одно поколение – это люди старше 40 лет, жившие при «развитом социализме», а другое – молодые люди в возрасте 19–20 лет, родившиеся после распада СССР, в результате которого Россия вновь встала на капиталистический путь развития, что повлекло за собой и определенный пересмотр советских ценностей.

Формирование человеком познавательных структур, стоящих за словом, определяется множеством факторов, среди которых возраст можно отнести к числу ведущих. «Показатель возраста, – пишет В.А. Гайдис, — агрегирует в своем содержании множество разнокачественных характеристик человека» [3, с. 117]. При этом речь идет о значимости не столько биологического возраста, сколько возраста как некоей совокупности социальных характеристик человека, связанных с его положением в обществе, с устройством самого общества, его ценностями, моделями поведения, то есть всего того, что оказывает влияние на формирование картины мира.

Влияние именно такой – не биологической – возрастной детерминанты мы хотели отследить, проводя в октябре 2017 г. экспериментальное психолингвистическое исследование. В свободном ассоциативном эксперименте [5, с. 6] приняло участие 100 респондентов: 50 студентов 1-2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова в возрасте 18–19 лет

и 50 преподавателей этого же вуза в возрасте от 40 до 70 лет. Респондентам было предложено зафиксировать первое, пришедшее в голову слово на слово-стимул *революция*. В результате было получено 100 реакций – по 50 в каждой возрастной группе.

Анализ полученных реакций, прежде всего, выявил количественные различия в наполнении компонентов концепта РЕВОЛЮЦИЯ в двух группах респондентов (см. рис. 1).

Компонент концепта	Студенты	Преподаватели
ПОНЯТИЕ	*Изменение / изменения* (8) *Переворот* (4) *Перемены* (3) *Восстание* (2) *Бунт* (1) *Перестройка* (1)	*Изменение* (1) *Переворот* (3) *Преобразование* (1) *Смена власти* (1) *Бунт* (1)

Рисунок 1

Если студенты зафиксировали 19 реакций-понятий на этот вербальный стимул (38 % от общего количества реакций в этой группе), то «взрослые» респонденты всего 7, или 14 %. Наиболее частотной у студентов стала реакция *изменение/изменения* (8). Другими реакциями оказались: *переворот* (4), *перемены* (3), *восстание* (2), *перестройка* (1), *бунт* (1). При сравнении частотности реакций-понятий в абсолютных цифрах бросается в глаза отсутствие выражено частотных ассоциатов в группе респондентов-преподавателей: *переворот* (3), *изменение* (1), *преобразование* (1), *смена власти* (1), *бунт* (1).

При качественном – сопоставительном семантическом анализе реакций двух групп в целом отмечается сходство большинства реакций, уточняющих характер такого явления как революция. И только одна реакция *изменение/изменения*, точнее, ее количественный аспект, показывает различия в содержании мышления молодых и взрослых респондентов. Частотность этой реакции в группе студентов, на наш взгляд, показывает их временную отстраненность от самого события, когда оно, совершенно закономерно, начинает восприниматься абстрактно.

Наибольшее количество реакций в обеих группах относится, к такому компоненту концепта как представление. Примечательно, что в этом случае количественных различий в наполнении концепта реакциями-представлениями не оказалось: студенты зафиксировали 22 реакции-представления (или 44 % от общего количества реакций этой возрастной группы), а преподаватели – 23 (или 46 % в своей группе) (см. рис. 2).

Компонент концепта	Студенты	Преподаватели
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	*Ленин* (6) *1917* (4) *СССР* (3) *Октябрьская* (1) *Война* (2) *Большевики* (1) *Красный* (1) *Народ* (1) *Русская* (1) *Украина* (1) *Франция* (1)	*Ленин* (7) *1917* (3) *Октябрьская* (5) *Великая октябрьская* (1) *Великая октябрьская социалистическая* (1) *Красный* (2) *Красный флаг* (2) *Гражданская* (1) *Москва* (1)

Рисунок 2

Не удивительно, что самой частотной реакцией в обеих группах стала реакция *Ленин*. Ее зафиксировали, соответственно, шесть студентов и 7 преподавателей, что демонстрирует ментальную слитность этого события с человеком, ставшим лидером революционного движения в России того времени. Другой реакцией, демонстрирующей аналогичную по сути, но по своей природе хронологическую слитность, стала реакция *1917* в обеих группах, которую зафик-

сировало соответственно четыре и три респондента.

Если реакции *Ленин* и *1917* показывают элементы сходства этого фрагмента концепта РЕВОЛЮЦИЯ, то остальные ассоциаты свидетельствуют об отличиях в тех когнитивных структурах, которыми оперируют респонденты двух возрастных групп. Так, в реакциях-представлениях студентов только единожды обнаруживается ассоциат *Октябрьская* (1), в то время как преподаватели семь раз зафиксировали различные вариации этого ассоциата: *Октябрьская* (5), *Великая октябрьская* (1), *Великая октябрьская социалистическая* (1). Как и в случае с реакциями-понятиями, количественные отличия говорят об отличиях качественных: у людей старшего возраста этот ассоциат «зашит» в соответствующую ментальную структуру в силу опосредованно пережитого культурно-исторического опыта, инициированного этим эпохальным событием. Аналогичная картина возникает и при количественном сопоставлении ассоциатов, репрезентирующих цвет, ставший символом революции как события, разделившего нацию на два непримиримых лагеря и повлекшего огромные человеческие потери. Таким ассоциатом стала единичная реакция *красный* (1) у студентов и четыре реакции *красный* (2), *красный флаг* (2) у преподавателей.

Обращают на себя внимание ассоциаты, которые мы находим исключительно у респондентов-студентов и которые подтверждают выдвинутый ранее тезис об временн**о**й отдаленности события для этой возрастной группы. Ассоциат *СССР* (3), показывает, что студенты воспринимают революцию как событие, которое произошло не только очень давно, но и в другом государстве. А такие ассоциаты как *Украина* (1) и *Франция* (1) демонстрируют отсутствие в когнитивной структуре, стоящей за словом-стимулом *революция*, какой бы то ни было связи с событием, произошедшим в России 100 лет назад. На наш взгляд, закономерным следствием выявленной тенденции является наполнение респондентами эмоционально-оценочного компонента концепта РЕВОЛЮЦИЯ (см. рис. 3).

Компонент концепта	Студенты	Преподаватели
ЭМОЦИЯ/ОЦЕНКА	*Кровавая* (1) *Возмездие* (1) *Плохо* (1) *Сила* (1) *Смута* (1) *Террор* (1)	*Кровь* (3) *Плохо* (2) *Анархия* (1) *Гавно* (1) *Гибель* (1) *Катаклизм* (1) *Не люблю* (1) *Необходима* (1) *Террор* (1) *Терроризм* (1) *Взрыв* (1) *Свобода* (1)

Рисунок 3

Студенты зафиксировали всего 6 эмоционально-оценочных реакций (или 12 % от общего числа реакций) – *кровавая* (1), *возмездие* (1), *плохо* (1), *сила* (1), *смута* (1), *террор* (1). Большинство ассоциатов репрезентируют отрицательную эмоцию или оценку, основанную на знании, что революции, как правило, сопряжены с различными тяготами, выпадающими на долю как непосредственных участников события, так и простых жителей страны. Ассоциат *сила* (1) соотносится с теми, мощными социальными процессами, которые стоят за революционными событиями.

Что касается группы преподавателей, то первое, что обращает на себя внимание, это количественные отличия – общее число репрезентантов эмоции и оценки более, чем в два раза превышает количество эмоционально-оценочных реакций, полученных в группе студентов: *кровь* (3), *плохо* (2), *анархия* (1), *гавно* (1), *гибель* (1), *катаклизм* (1), *не люблю* (1), *необходима* (1), *террор* (1), *терроризм* (1), *взрыв* (1), *свобода* (1). На наш взгляд, увеличение количества эмоционально-оценочных реакций в группе преподава-

телей свидетельствует об их б**о**льшей эмоциональной сопричастности к событию Октябрьской революции 1917 года. Респонденты-преподаватели продолжают осмысливать и эмоционально переживать соответствующий период в истории страны.

Таким образом, сопоставительный анализ реакций респондентов разных возрастных групп и предпринятое сопоставительное моделирование структуры концепта РЕВОЛЮЦИЯ позволили выявить тренд, заключающийся в том, что по мере временн**о**го отдаления людей от события, знание о нем начинает переходить в понятийную плоскость, освобождаясь от эмоционально-оценочных наслоений. Именно такой процесс происходит с представителями молодого поколения.

Рогозина Ирина Владимировна *– доктор филологических наук, доцент*

Бухнер Наталья Юрьевна *– кандидат социологических наук, доцент*

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Размышления о русской революции // Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М., 1991. – С. 438–465.
2. Васильева, Е. Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. – № 3. – 2008. – С. 24–36.
3. Гайдис, В.П. Получение информации о возрасте респондента // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. I. Социологический опрос. – М.: Наука,1990. – С. 117.
4. Ленин, В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полное собрание сочинений. – Т. 11. – М., 1960. – С. 103.
5. Рогозина, И.В. Фрагмент локальной этнической картины мира: армяне как мигранты / И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2016. Материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2016. – С. 6–14.
6. Франк, С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. – № 4. – 1990. – С. 208.

CONCEPT REVOLUTION THROUGH THE PRISM OF AGE: AN EXPERIMENTAL STUDY

I.V. Rogozina, N.Y. Buhner
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The paper is an attempt to model the cognitive structure which is behind the lexeme revolution in two groups of respondents. The undertaken comparative analysis of the participants' reactions allows to reveal the following trend: as individuals distance temporarily from significant events their knowledge of those events becomes conceptual, i.e. free from emotional and evaluative components.

Keywords:

concept, cognitive structure, world view, psycholinguistic associative experiment, age determinant, revolution.

References:

1. Berdyaev, N.A. Razmyshleniya o russkoj revolyutsii // Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy. – M., 1991. – S. 438–465.
2. Vasil'eva, E. Oktyabr'skaya revolyutsiya: aktual'nyj obraz istoricheskogo sobytiya / E. Va-sil'eva // Sotsial'naya real'nost'. – № 3. – 2008. – S. 24–36.
3. Gajdis, V.P. Poluchenie informatsii o vozraste respondenta // Metody sbora informatsii v sotsiologicheskikh issledovaniyakh. Kn. I. Sotsiologicheskij opros. – M.: Nauka,1990. – S. 117.
4. Lenin, V.I. Dve taktiki sotsial-demokratii v demokraticheskoj revolyutsii // Polnoe sobranie sochinenij. – T. 11. – M., 1960. – S. 103.
5. Rogozina, I.V. Fragment lokal'noj ehtnicheskoj kartiny mira: armyane kak migranty / I.V. Rogozina, N.YU. Bukhner // Sovremennoe gumanitarnoe nauchnoe znanie: mul'tidistsiplinarnyj podkhod-2016. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. – Barnaul, 2016. – S. 6–14.
6. Frank, S.L. Iz razmyshlenij o russkoj revolyutsii // Novyj mir. – № 4. – 1990. – S. 208.

УДК 316.4

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.А. Мелехин., Н.В. Цыганенко
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Авторы предлагают краткий исторический экскурс развития государственно-религиозных отношений в дореволюционной и постреволюционной России. Октябрьская революция 1917 года рассматривается как событие, кардинальным образом изменившее значение религии как социального института и повлиявшее на характер религиозности населения.

Ключевые слова:

социология, Октябрьская революция, религия, православие.

Большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие христианства, которое пришло на Русь в десятом веке из Византии в православной форме. Православие, включив в свою сферу все слои русского народа, все общество, однако, не захватило человека целиком. Проникновение православия в толщу всенародной жизни не было всеобъемлющим. Оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом русского народа, регулировало семейные отношения, праздники, слабо отражаясь в ежедневном обиходе, не оставляя заметных следов в будничных привычках и понятиях, предоставляя во всем этом простор самобытному народному творчеству, основанному на языческой экзальтации почвы и духа.

С православием на русскую почву была принесена и идея соборности, под которой обычно подразумевается коллективное жизнетворчество и согласие, единодушное участие верующих в жизни мира и церкви. В этом смысле соборность противопоставлялась индивидуальному мудрствованию с его рассудочной, по православным представлениям, абстрактной спекуляцией. Русский соборный человек не живет настоящим, а только прошлым или будущим. Именно в прошлом он ищет нравственное утешение и вдохновение своей жизнедеятельности. Устремленность в будущее, постоянный поиск лучшей жизни сочетается у русского человека с неутомимой верой в возможность ее достижения.

Вечный поиск идеала, рая на земле, стал благодатной основой для возникновения различного рода социальных утопий и мифов, проявившихся в итоге Октябрьской революцией 1917 года. Революция стала выразительницей культа прошлого и будущего в русском культурном архетипе, показывая настоящее объектом критики и порождая две неосознаваемые установки: постоянное учительство как проповедь нравственного обновления с готовыми на все случаи социальными рецептами и перманентными сомнениями, исканиями, постановками вопро-

сов без ответов. Сомневаться и учить, учить и сомневаться – вот две устойчивые склонности русского человека, выразившиеся в духовных исканиях справедливости. Эти факторы многие авторы не рассматривают, в контексте победы Октябрьской революцией 1917 года, когда церковь одна стала отвечать по социально-политическим «векселям» после крушения монархии и исчезнувшей идеи «Православие. Самодержавие. Народность», еще крепкой в народе после февральской революции, установившей либеральную модель государственно-религиозных отношений, основывавшихся на провозглашенных принципах свободы совести и вероисповедания, отделения церкви от государства.

18 ноября 1917 г. патриархом русской православной церкви был избран митрополит Тихон (1865–1925). В своих первых обращениях к духовенству и верующим он призывал к укреплению веры, усилению нравственного воздействия на общество, невмешательству в политические вопросы.

Гонения на церковь, выразившиеся в конфискации церковных ценностей, репрессиях против духовенства обусловили формирование атеистической модели государственно-религиозных отношений, что связано с советским этапом российской истории.

Объявляя на словах приверженность принципам свободы совести и вероисповедания, светского характера государства, на практике власть в этот период осуществляла насильственную атеизацию и политику гонений на религию и церковь. Особенно наглядно это проявилось во взаимоотношениях советского государства и русской православной церкви. Началом в противостоянии можно считать обращение патриарха Тихона к верующим по поводу декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих. В своем обращении к пастве и духовенству он призвал: «Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство – миряне отлучением от Нее, священнослужители – извержением из сана» [1].

В мае 1922 г. патриарх Тихон был арестован. Началась политика государственных гонений на религию и церковь. Статистика показывает, что накануне революции 1917 г. на территории Российской империи действовали 78 000 православных храмов, 25 000 мечетей, более 6 000 синагог, 4 000 католических костелов, свыше 200 старообрядческих церквей… К 1938 году было закрыто более 40 000 храмов – не только православных, но и мечетей, синагог и др. [2]. Были репрессированы священнослужители по многим статьям обвинений вплоть до расстрела, что коснулось и простых священнослужителей, и представителей высшей церковной иерархии [3]. Число храмов в России сократилось к 1941 году в 20 раз. Несмотря на то, что полностью искоренить религию из духовной жизни общества не удалось, конфессии было огосударствлены и подчинены партийно-административному контролю.

Гонения на церковь после прихода в стране к власти большевиков не следует рассматривать лишь как козни неких врагов общества и государства. Одной из социально-политических причин этого явления стало то, что произошло поглощение религии государством, положенное еще Петром Первым. Политический крах самодержавия явился и крахом его политического оплота в лице РПЦ. Падение авторитета самодержавия, дискредитированного в общественном сознании «распу-

тинщиной» привело к падению авторитета самой церкви, которая не смогла заявить о себе как о независимой, авторитетной силе.

Н.А. Бердяев, в преддверии событий, связанных с Октябрьской революцией, писал: «Православие не только освятило самодержавие, не только молилось в церквах за абсолютную государственность, но и подчинилось империализму, признало царя главой церкви, сделало из государственного самодержавия чуть не религиозный догмат. Это падение православной церкви лишило ее творческой роли в исторической жизни» [4] .

К началу XX-го века в Российской империи положение государственной религии и политики государства в отношении религии церкви породили «духовный вакуум, заполненный светскими идеологами, стремящимися создать в этом мире рай, который христианство обещало в мире ином» [5], что и стало, по мнению Бердяева, «истоком и смыслом русского коммунизма», подготовившим идеологическую платформу для революции 1917 г.

Несмотря на проводимую советским государством антирелигиозную и антицерковную политику, значительная часть населения в первые десятилетия советской власти продолжала оставаться религиозной. Перепись населения 1937 года, ранее засекреченная, показала, что в переписном листе в графе «религия» верующих оказалось более 50 %: 44 % среди грамотных и 74 % среди неграмотных. По возрастным группам результаты были следующими: в группе 16–19-летних около 35 % верующих, среди 20–29-летних – около 40 % , в группе старше 40 лет верующим принадлежало большинство. Среди верующих около 80 % назвали себя православными, более 8 % – мусульманами. К верующим причислили себя треть городского населения и две трети сельского [6].

Именно поэтому духовно-нравственный и патриотический потенциал многих конфессий, и, прежде всего, русской православной церкви, оказался востребованным в годы Великой Отечественной войны. Именно в этот период по личному указанию И.В. Сталина были проведены выборы патриарха, что стало основой шаткого и кратковременного равновесия между государством и церковью. Современные исследователи выдвигают несколько версий этого неожиданного реверанса советской власти в сторону толерантного отношения к религиозным нуждам населения. В частности, по мнению К. Обозного, нельзя не согласиться с тезисом, что Сталин был вынужден пойти на серьезные уступки в отношениях с церковью, чтобы не потерпеть поражения на агитационно-пропагандистском фронте [7] .

В конце 1950-х начале 1990-х годов партийно-государственные гонения на религию и церковь возобновились с новой силой и продолжались до середины1980-х. Если в 1948 году РПЦ имела 14 383 храма, то к 1986 г. их осталось 6 337.Однако религиозное сознание народа оставалось попрежнему высоким, о чем говорят результаты социологических исследований: в первой половине 1960-х верующими себя назвали 10–15 % городского населения и 15–255 сельского. В 1970-годы аналогичные исследования показали 205 верующих плюс 10 % колеблющихся горожан [8].

В этот же период проводилось сравнительное изучение представлений о Боге у верующих различных вероисповеданий (главным образом православных и баптистов) [9]. Изучались особенности религиозных и нравственных представлений, а так же религиозных чувств у верующих нескольких областей РСФСР и УССР. Исследования показали, что религиозные представления в условиях складывающегося социалистического образа жизни основательно трансформируются. Традиционное религиозное сознание в форме библейских представлений о мире почти утрачено, другие же сохраняются более основательно.

Исследователями отмечались явная секуляризация сознания, характерная не только для общества советского периода, но и для стран Западной Европы и США, где, несмотря на соблюдение религиозных ритуалов, большинство населения не руководствуется религиозными принципами, нормами и ценностями [10].

Общественные изменения конца 1980–1990 гг. положили начало нового этапа государственно-религиозных отношений в России. Ознаменованием этого стало признание руководством СССР значимости юбилея празднования 100-летия крещения Руси в 1988 году.

Принцип деидеологизации подтолкнул властные структуры к осуществлению протекционистской позиции по отношению к религиозным организациям. Одной из существенных характеристик современного этапа государственно-религиозных отношений является принцип независимости, автономности политики и религии. Это нашло отражение в определении Архиерейского Собора РПЦ «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время» (1994) и в определении 1997 г. «О взаимоотношениях с государством и светским обществом» и др.

Отмечаемое 100-летие Октябрьской революции показывает сложности взаимоотношений между установленным советским режимом и церковью, которые менялись либо в сторону ужесточения, либо в сторону послаблений. Начиная с 1990 гг., установилось определенное равновесие в их отношениях, когда клерикализм стал неприемлем, и церковь заняла позицию отстранения от участия в политике. При всем этом отделять государство от религии, несмотря на провозглашение данного принципа, не следует в силу их исторического и духовного «соработничества» даже в период атеистической пропаганды.

«Православный атеизм» как идеологема с элементами русской фольклористики, во многом стал следствием, казалось бы, невозможного синтеза, выразившегося в идее «несостоявшегося рая» на земле в форме коммунизма с одной стороны, а с другой – сиюминутности социальной реальности в форме «здесь и сейчас» как прагматики осуществления личностного начала. Построение коммунизма, «рая на земле», ориентированных на соблюдение принципов справедливости, будет всегда оставаться мечтой человечества даже в условиях современного, объективно признаваемого несправедливым общества, того, которое было ниспровергнуто в 1917 году.

Мелехин Виктор Андреевич *– кандидат социологических наук, доцент*

Цыганенко Наталия Викторовна *– кандидат социологических наук, доцент*

Список литературы

1. Послание от 15 (28) февраля 1922 года. О помощи голодающим и об изъятии церковных ценностей// Вестник РСХД, 1970. — № 98
2. Религия.Историяисовременность: Учебник для вузов / Под ред. Ш.М. Мунчаева. — М.: Культура и спорт, ЮНИТИ,1998. – 264 с.
3. Итумен Дамаскин (Орловский). Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/06/24/.
4. Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. – С. 97.
5. Пайпс, Р. Россия при старом режиме[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rubooks.org/book.php?book=3192&page=112.

6. Поспеловский, Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М.: Ин-т св. Андрея, 1996. – С. 276.

7. Обозный, К. «Новый курс» религиозной политики Сталина ицерковная ситуация на оккупированных территориях Ленинградской области (1943–1944 гг.)//«Государство, религия, церковь в России за рубежом». – 2017. – № 6. – С. 360–368.

8. Дулуман, Е.К., Танчер, В.К. Опыт конкретного исследования характера религиозных представлений // Вопросы философии. – 1964. – № 10. – С. 118.

9. Угринович, Д.М.Религия как предмет социологического исследования. – М.: Мысль., 1970. С. 157.

IMPACT OF THE RUSSIAN REVOLUTION ON THE DEVELOPMENT OF RELIGION-STATE RELATIONS

V.A. Melekhin, N. V. Tsyganenko
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The authors offer a brief historic review of the development of religion-state relations in pre-revolutionary and post-revolutionary Russia. The October revolution of 1917 is seen as an event that radically changed the importance of religion as a social institution and influenced the nature of religiosity.

Keywords:

sociology, October Revolution, religion, Christianity.

References:

1. Poslanie ot 15 (28) fevralya 1922 goda. O pomoshhi golodayushhim i ob iz"yatii tserkovnykh tsennostej // Vestnik RSKHD, 1970. – S. 98.
2. Religiya. Istoriya i sovremennost': Uchebnik dlya vuzov / Pod red. SH.M. Munchaeva. – M.: Kul'tura i sport, YUNITI, 1998. – 264 s.
3. Itumen Damaskin (Orlovskij). Goneniya na Russkuyu Pravoslavnuyu TSerkov' v sovetskij period [Electronic resource]. –Access mode: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/06/24/.
4. Berdyaev, N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost' / Sostavlenie i kommentarii V.V. Sapova. – M.: Kanon+, 1999. – S. 97.
5. Pajps, R. Rossiya pri starom rezhime [Electronic resource]. – Access mode: http://rubooks.org/book.php?book=3192&page=112.
6. Pospelovskij, D.V. Pravoslavnaya TSerkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR. – M.: In-t sv. An-dreya, 1996. – S. 276.
7. Oboznyj, K. «Novyj kurs» religioznoj politiki Stalina i tserkovnaya situatsiya na okkupirovannykh territoriyakh Leningradskoj oblasti (1943–1944 gg.) //«Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii za rubezhom». – 2017. – № 6. – S. 360–368.
8. Duluman, E.K., Tancher, V.K. Opyt konkretnogo issledovaniya kharaktera religioznykh predstavlenij // Voprosy filosofii. –1964. – № 10. – S. 118.
9. Ugrinovich, D.M. Religiya kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya. – M.: Mysl', 1970. – S. 157.

УДК 316.77

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ

Е.Б. Вознюк
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье рассматривается механизмы создания художественного произведения. Автор подчеркивает, что исследование взаимосвязи рационального и иррационального компонентов в творческой деятельности было и остается актуальным вопросом философской мысли. Кратко излагаются подходы к пониманию данной взаимосвязи в концепциях мыслителей разного времени.

Ключевые слова:

творчество, рациональное, иррациональное, бессознательное.

Творчество – это характеристика познавательного процесса со стороны его нестандартных условий, средств и продуктивности возникающих задач. Главным признаком творчества является порождение нового знания, которое не имеет видимых предпосылок, устоявшихся известных правил, аналогов в прошлом.

Творчество невозможно как процесс, осуществляющийся на одном из уровней познания. Так рациональное познание дискретно, нормативно, с необходимостью использует выработанные человечеством стандарты правильного мышления, формальную логику, исключающую противоречия. Но стандартность творчеству противопоказана. Творческий процесс динамичен, включает эмоции, переживания, фантазию. Большинство исследователей с незапамятных времен к основным чертам творческого акта относят спонтанность, бессознательность, неподконтрольность разуму и воле. Еще Платон высказывал мысль, что художник в момент творчества не отдает себе отчета в том, как рождается художественное произведение. И. Кант обращал внимание на то, что если ученый может четко объяснить весь путь движения своей логики от первых шагов до открытия, то художник не может объяснить, как соединяются в его голове причудливые фантазии и одновременно богатые мыслями идеи. Своеобразный культ бессознательного как глубинного источника творчества характерен для представителей романтизма. С точки зрения Ф. Шеллинга, художник вовлекается в процесс творчества непроизвольно и даже вопреки своей воле, и никто, даже сам автор, не может объяснить механизмы художественного произведения. Вместе с тем явилось бы грубой ошибкой, упрощающим толкованием стремление исчерпать создание художественных образов лишь теми элементами психики, лишь теми мотивами и ценностями, которые, определяя душевную жизнь творца, остаются им неосознанными.

В настоящее время, никто, пожалуй, не станет сомневаться в том, что творческая деятельность осуществима только при синтетическом взаимодействии сознательного и бессознательного. Однако впервые эта идея появилась у Платона, представлявшего творчество как процесс пересечения рациональных и иррациональных компонентов [1, с. 36]. Философ разрабатывал традиционную для древнегреческой

культуры линию «божественной одержимости» творца. «Все хорошие эпические поэты не благодаря умению слагают свои прекрасные поэмы, а только когда становятся вдохновенными и одержимыми… Поэт – это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее чем сделается вдохновенным и исступленным, и не будет в нем более рассудка; а пока у человека есть этот дар, он не способен творить и пророчествовать. И вот поэты творят и говорят много прекрасного о различных предметах… не с помощью искусства, а по божественному определению… Ведь не от уменья они это говорят, а благодаря божественной силе; если бы они благодаря искусству могли хорошо говорить об одном, то могли бы говорить и обо всем прочем; но ради того бог и отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они, лишенные рассудка, говорят столь драгоценные слова, а говорит сам бог и через них подает нам голос» [2, с. 376].

Из вышеприведенного фрагмента видно, что творчество, по Платону, невозможно без восторга, неистовства, божественного вдохновения. Однако только к ним оно не сводится. «Божественная одержимость» служит здесь своеобразным фундаментом для возникновения в сознании творца идеи творческого произведения, оформленного по своим строгим законам. «Дело неповрежденного в уме человека – припомнить и восстановить то, что изрекла во сне либо наяву эта пророческая и вдохновленная природа, расчленить все видения с помощью мысли и уразуметь, что же они знаменуют – зло или добро – и относятся они к будущим, к минувшим или к настоящим временам. Не тому же, кто обезумел и еще пребывает в безумии, судить о собственных видениях и речениях! Правду говорит старая пословица, что лишь рассудительный в силах понять сам себя и то, что он делает» [3, с. 478].

Платон не рассматривает творчество как деятельность, реализовывающуюся только за пределами сознания. По утверждению И.Н. Дубины, платоновская концепция творчества нераздельно связана с теорией воспоминания [1, с. 36]. Возникновение нового – это результат не только божественного вдохновения и наития, но также и припоминания или интеллектуального созерцания. Творческое порождение у Платона идентично воспоминанию – деятельности «чистого мышления», которая сопровождается эротическим влечением, любовью к воспоминаемому. Фиксируя «предмет вожделения», человек всегда переживает себя как подлинного создателя и творца данного предмета.

Таким образом, Платон отмечает нераздельность сознательных и бессознательных душевных состояний в творчестве и пытается объединить их в концепции созидающей любви, представляющей собой синтез чистого ума с вожделением, чувственностью и бессознательным стремлением. Платон впервые в истории философской мысли ставит вопрос о соотношении и взаимодействии в творчестве рационального и иррационального. Однако, как полагает И.Н. Дубина, не следует все-таки преувеличивать философскую разработанность данной проблемы Платоном [1, с. 36]. У него, как и у многих последующих философов, отсутствует ясная постановка проблемы, а мысли о творчестве имеют ярко выраженный мифологический оттенок.

По утверждению И.Н. Дубины, в античной философии проблема соотношения рационального и иррационального косвенно оказалась вовлеченной в философские размышления о природе творческой деятельности еще до разработки более или менее строгих психологических и философских теорий сознания, бессознательного и творчества [1, с. 37]. Пути решения проблемы, по которым шли мыслители античности, во многом повторялись в более поздние периоды развития

философии. Проблема более четко выделялась, уточнялась, конкретизировалась. В ее решении мифологические образы, метафоры и туманные понятия постепенно вытеснялись более разработанными объяснениями, терминами и категориями. Однако в основе большинства поздних концепций творчества по-прежнему лежит положение о возможности развития творческой идеи только во взаимодействии сознательных и бессознательных психических процессов. Например, Фридрих Шеллинг прямо указывает на то, что фундаментом творческих способностей человека является единство его сознательной и бессознательной деятельности.

В философско-психологических концепциях XX века место внесубъектной «божественной» активности занимает бессознательная активность самой личности в различных вариантах: инстинктивное стремление (З. Фрейд), развертывание архетипа (К.Г. Юнг) и т.д.

По З. Фрейду, в основе творчества лежит механизм сублимации. Неудовлетворенные потребности, прежде всего, либидиозные, которые не могут быть реализованы из-за моральных запретов, находят социально приемлемый выход в творческой деятельности. Человек, закованный в строгие социальные рамки, обращается к творчеству, которое помогает ему погружаться в мир фантазий и грез, где он может свободно реализовывать собственные желания. Облекая свои влечения в иносказательную форму, автор создает произведения, которые вызывают у людей эстетическое наслаждение. Но если сублимация простому человеку приносит успокоение, то у художника, напротив, реализованный результат влечет за собой потребность нового подъема сил, нового нарастания, напряжения. Для Фрейда произведение искусства выступает как подлежащий расшифровке символ некого состояния индивидуальной психики, как выражение аффективных переживаний, связанных с детской сексуальностью.

Для К.Г. Юнга неприемлем фрейдовский подход к анализу художественного текста, поскольку лишь индивидуальное развитие ребенка, его детские травмы и отношение к родителям не могут раскрыть сути поэтического творчества. Психоаналитическое сведение последнего к невротическому заболеванию приводит к тому, что уничтожается все своеобразие искусства как такового. «Если какое-нибудь произведение искусства объясняется точно так же, как и невроз, то тогда либо произведение искусства является неврозом, либо невроз – произведением искусства. В этом утверждении можно видеть парадоксальную игру слов и допустить его как способ выражения, но ставить на одну доску невроз и произведение искусства противно здравому человеческому смыслу. В крайнем случае врач, занимающийся психоанализом, может взглянуть на невроз через призму профессионального предрассудка, как на своего рода произведение искусства, но здравомыслящему неспециалисту никогда не придет на ум смешивать болезненные явления с искусством, хотя и он также не будет отрицать того факта, что при создании художественного произведения имеют место те же предварительные психологические условия, как и при возникновении невроза. И это естественно, поскольку повсюду существуют определенные сходные психологические предусловия, то есть относительное равенство условий человеческой жизни – всегда одних и тех же, идет ли речь о неврозе ученого, поэта или обычного человека. У всех были родители, у всех есть так называемый отцовский или материнский комплекс, у всех имеется сексуальность, а потому все испытывают и известные, типичные для всех людей, трудности. Если на этого поэта оказывает большое влияние отношение к отцу, на другого – его привязанность к матери и, наконец, третий обнаруживает в своих произведениях несомненные следы сексуального вытеснения, то это можно также

сказать и о невротиках, более того, обо всех нормальных людях. Следовательно, для оценки произведения искусства это не дает ничего специфического. В лучшем случае этим расширяется и углубляется знание исторических предпосылок» [4, с. 40].

Творческий процесс, по мнению Юнга, заключается в бессознательном оживлении архетипа, в его развитии и оформлении до завершенного произведения [4, с. 59]. Оформление представляет собой адаптацию архетипа (элементарного образа) к языку современности для того, чтобы каждый мог найти подход к «глубочайшим источникам жизни, которые иначе были бы потеряны» [4, с. 59]. Последнее, по мнению Юнга, определяет и социальную значимость искусства, которая заключается в воспитании духа времени, то есть актуализации тех образов, которых недостает данной эпохе, и в которых она нуждается. Процесс актуализации происходит при этом следующим образом: первообраз (архетип), извлекаемый из глубин бессознательного, по мере приближения к сознанию изменяет свой вид, пока не становится доступным пониманию современного человека [4, с. 59]. Однако, поскольку архетип не меняет своего значения и функций, он всегда узнаваем и в любой новой форме прочитывается его древнее содержание.

Художественное творчество по Юнгу подразделяется на два основных типа: психологический и визионерский. Материалом для психологического типа творчества служат элементы обычной человеческой жизни: жизненный опыт, определенное потрясение, страстное переживание и. т. д. В отличие от психологического типа творчества, в основе визионерского лежит переживание, в котором находит свое отражение один из образов коллективного бессознательного, т.е. своеобразный и прирожденный компонент структуры той «души», которая является матрицей и предпосылкой сознаний. Автор, которому свойственен визионерский тип творчества, представляет собой некоторый синтез двух моментов: с одной стороны, он живой, страдающий, любящий отдельный человек, а с другой стороны, он является коллективным человеком, носителем и ваятелем бессознательно действующей души человечества.

Иначе говоря, надличностный творческий процесс делает автора «коллективным» человеком, дающим человечеству его собственные архетипы. Если творческое начало является господствующим в натуре художника, то это означает, что бессознательное получает над его жизнью большую власть, чем сознательная воля и сознание, которое оказывается в данном случае лишь зрителем происходящего. Юнг соединяет идеи мифа-символа как источника искусства с интуитивной способностью, превалирующей в реализации замысла. Интуиция, понимаемая как иррациональное, бессознательное явление, превращается Юнгом в мистическую силу, делающую художника существом загадочным, а художественное творчество непознаваемым процессом.

В заключение следует добавить, что в XX веке была осознана вся сложность понимания творчества. В результате дискуссий о возможных способах его познания сложились две основные теории видения творческого процесса: рационалистическая и иррационалистическая. Основным положением иррационалистической теории является тезис о принципиальной неуловимости творчества в категориях, невозможности его объяснения, об интуитивном или мистическом способе его понимания как единственно возможном. Рационалистическая теория основывается на установке о постепенном рациональном приближении к пониманию творчества, однако оптимизм большинства исследователей при этом отнюдь не безграничен. Предполагается постоянное существование некого иррационалистического остатка, не отражаемого в понятиях.

Широкое распространение в XX веке получило также экспериментально-

психологическое направление, изучающее структуру, процесс, механизмы и этапы создания нового произведения. Впервые четкое разделение творческого процесса на четыре «фазы» (одни из них полностью сознательны, другие – полностью бессознательны) было сделано еще Г. Гельмгольцем. Впоследствии эти фазы были названы Г. Уоллесом «подготовкой», «инкубацией», «вдохновением» и «проверкой». Последующие схемы, структурирующие творческий процесс, отличаются отдельными деталями и степенью разработанности, но так или иначе в них выделяются дополняющие друг друга этапы становления новой идеи. И.Н. Дубина отмечает, психологические эксперименты 40–60-х гг. показали, что в течение стадии «созревания» вынашиваемая идея не всегда отсутствует в сознании, она время от времени возвращается, так что осуществляется некоторая сознательная работа над ней [1, с. 42]. Постепенно общепризнанным стал факт непрерывного взаимодействия сознательного и бессознательного в процессе порождения новой идеи. Выяснилось, что во все фазы творческого процесса вовлечены как рациональные, так и иррациональные компоненты, на каждой стадии происходит теснейшее переплетение сознательного и бессознательного, а сам процесс развития идеи имеет циклическую структуру.

Вознюк Елена Борисовна *– кандидат культурологи, доцент*

Список литературы

1. Дубина, И.Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций [Текст] / И.Н. Дубина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 192 с.

2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. [пер. с древнегреч.] [Текст] / Платон; [общ. ред. А.Ф. Лосева и др.]; Институт философии. – М.: Мысль, 1994. – Т. 1. – 1994. – 862 с.

3. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. [пер. с древнегреч.] [Текст] / Платон; [общ. ред. А.Ф. Лосева и др.]; Институт философии. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 1994. – 655 с.

4. Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. [Текст] / К.Г. Юнг. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

THE RATIONAL AND THE IRRATIONAL IN CREATIVITY

E.B. Vosnyuk
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article shows the instruments of artistic creation. The author stresses that the study of relationship between the rational and the irrational in creativity has always been and still remains a topical question of philosophical thought. The article provides an overview of various approaches to the study of this relationship in concepts of thinkers of different times.

Keywords:

creativity, rational, irrational, unconscious.

References:

1. Dubina, I.N. Tvorchestvo kak fenomen social`ny`x kommunikacij / I.N. Dubina. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2000. – 192 s.
2. Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. [per. s drevnegrech.] / Platon; [obshh. red. A.F. Loseva i dr.]; Institut filosofii. – M.: My`sl`, 1994. – T. 1. – 1994. – 862 s.
3. Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. [per. s drevnegrech.] / Platon; [obshh. red. A.F. Loseva i dr.]; Institut filosofii. – M.: My`sl`, 1994. – T. 3. – 1994. – 655 s.
4. Yung, K.G. Problemy` dushi nashego vremeni: Per. s nem. / K.G. Yung. – M.: Izdatel`skaya gruppa «Progress», «Univers», 1994.

УДК 316.72

РОЛЬ ДОМОСТРОЯ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЕМЬИ

К.В. Коновалов
АНО ОВО «Российский университет кооперации»
г. Мытищи, Россия

Резюме

В статье идет речь о роли и значении произведения древнерусской письменности Домострой в системе воспитания семьи в Средние века.

Ключевые слова:

Домострой, Древняя Русь, воспитание.

В XVI веке протопопом Благовещенского собора в Кремле Сильвестром, учителем Иоанна IV была составлена наиболее известная редакция коллективного Домостроя – свода правил духовной, мирской и семейной жизни. Слово «домострой» появилось в русском языке как калька с греческого «экономика» и означает «домоводство», «домоуправление». «Домострой» является ценным источником сведений об обычаях, порядках и укладе жизни в XVI веке. Впервые памятник древнерусской письменности был опубликован только в 1841 году Д.П. Голохвастовым.

В либерально-демократической традиции, как в науке, так и в публицистике, с понятием «домострой» связывают нечто архаичное, патриархальное, а под «домостроевскими порядками» понимаются тирания мужчины и бесправие женщины. На самом деле это далеко не так.

Три части Домостроя последовательно излагают правила общежития в отношении «духовного строения» (главы 1–15), «мирского строения» (главы 16–29) и «домовного строения» (главы 30–63). Педагогические идеи Домостроя выражаются традиционно, в форме поучений: «Благословляю азъ грешный, имярек, и поучяю, и наказую, и вразумляю единачяднаго сына своего, имярек, и его жену. имярек. и ихъ домочядцовъ быти во всякомъ християнском законе, и во всякои чистои совести и правде, с верою творяще волю Божию, и хранящи заповеди Его, себе утвержающе во всяком страсе божии и въ законномъ жительстве, и жену поучяюще, тако ж и домочядцовъ своихъ наказующе, не нуженю, ни ранами, ни работою тяшкою, имеюще яко дети во всякомъ покое. Сыты и одены, и в теплом храме, и во всякомъ устрое...» [1, с. 9].

Взгляды средневекового патриархального Домостроя на семью кардинально отличаются от секулярного понимания, так называемой партнерской семьи. Здесь нет ясного указания на равноправие полов. Рационально-идеалистическому миропониманию человека Домостроя абсолютно чужды современные тенденции в брачно-семейных отношениях: например, в Германии девушка, которая вышла замуж сама за себя или история о семилетнем мальчике-трансгендере в США, объявившем родителям, что он девочка, а «родители решили не перечить ребёнку и разрешили ему носить платья и банты, а также красить волосы и заплетать косички». По Домострою, в системе гендерных отношений не предполагается деспотия мужчины. Отец, будучи главой семьи, был обязан в бытовых, домаш-

них вопросах советоваться с женой. Отец – служение Богу через семью.

Семья с позиции Домостроя есть малая церковь — копия Церкви небесной, которая призвана собрать спасаемых в Царство Божие. В этой малой церкви, наподобие небесной, тоже есть патриархальная иерархия. Семья – единый организм, в котором в любви и взаимопомощи живут и стар, и млад, а все домочадцы все делают сообща, нужно ли «есть и пить, или яства варить, или печь что, и всякие приспехи делать, и всякое рукоделие, и всякое мастерство». Отправление религиозного культа, ежедневная совместная молитва членов семьи выступает цементирующим началом: «По вся дни вечере муж зъ женою и з детьми, и з домочядци, и кто умеетъ грамоте, отпети вечерня, павечерница и полунощница с молчяниемъ, и с кроткостояниемъ, и смолитвою, и с поклоны [...]» [1, с. 19].

Все отношения в семье были упорядочены, определены в соответствии с сакральной иерархической лестницей. Устроенный дом средневековый памятник письменности называет раем: это место, где человек отдыхает не только телом, но и духом. Причем рай духовный неотделим от здравия телесного — в главе 8: «Како врачеватися отъ болезней и отъ всякихъ скорбей...», – приводится этиология заболеваний с акцентом на идеальный элемент.

Подобная конституция семьи снижала возможность генезиса семейных конфликтов: каждый знал свои права и обязанности, и если субординация нарушалась, остальные члены семейства корректировали поведение нарушителя. Выпасть из общего ансамбля было почти невозможно. Это обеспечивало целостность семьи, соблюдение социальных норм и воспитание детей. Гарантом такого воспитания был отец семейства, который, помимо всего прочего, выполнял функцию духовника, наставника не только детей, но и всех домочадцев (родственников и даже слуг). В домах состоятельные людей, кроме домашних слуг и дворни, всегда жило много чужих людей, призреваемых хозяевами. Такое расширительное толкование «семьи» имело огромное воспитательное значение для детей. Кроме того, в «Домострое» неоднократно подчеркивается, что различия в социальная дифференциация не отменяют равенства людей перед Богом.

Большое значение в «Домострое» отведено семейной дисциплине, ее смыслу и обеспечению. «[...]У кого дети, сынове и дщери, имети попечение отцу и матери о чядех своих, снабдети и воспитати въ добре *наказании*, и учити ихъ страху Божию, и вежеству, и всякому благочинию, и по времени, по детем смотря и по возрасту, учити ихъ рукоделию, отцу сыновъ, а метри дщери, кто чему достоинъ […], а матере дщери […] а любити ихъ и беречи и страхомъ спасати, учя и наказуя, и разсужая и раны возлагати» [1, с. 28]. Такая дисциплина построена на свободном сознании каждым своего места. При нарушении диспозиции члены семьи, в рамках существующей иерархии, должны уметь применять средства к ее восстановлению. Так в главе 22 особо подчеркивается важность послушания родителям и указываются неминуемые санкции со стороны Церкви и общества по отношению к нарушителям: «Аще ли кто злословитъ, или оскорбляетъ родителя своя, или кленетъ, или лаетъ, сии предъ Богомъ грешенъ, а отъ народа проклятъ и отъ родителю. Аще кто бьет отца и матерь, от церкви и отъ всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градскою казнью да умретъ» [1, с. 30]. Домострой учит также заботе о недееспособных родителях.

Педагогично решается в «Домострое» вопрос о похвале и наказании как способах воспитательного воздействия. Похвала должна произноситься прилюдно, а наказание осуществляться наедине. Наказание есть наставление. Телесное наказание предлагается лишь как крайняя мера, «если жена, или сын, или дочь слову или наставлению не внимает, и не слушается, и не боится, и не делает того, чему муж, или отец,

или мать учат», которое, к тому же, в средневековые отношениях не было исключительным явлением. Не удивительно, но в Англии, например, телесные наказания применялись даже в школах вплоть до XX в.

Итак, в наше весьма спорное и противоречивое время эпохи постмодерна обращение к ценностям средневекового Домостроя позволяет помочь в решении семейных проблем и обеспечить стабильность социального развития.

Коновалов Константин Владимирович – *кандидат философских наук, доцент*

Список литературы

1. Домострой. Изд. 3-е. / Издание подготовили В.В. Колесов, В.В. Рождественская. – СПб.: Наука, 2007. – 400 с.
2. Курукин, И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного / И.В. Курукин. – М.: Квадрига, 2015. – 192 с.
3. Чумакова, Т.В. «В человеческом жительстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси». – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 242 с.

THE ROLE OF THE OLD RUSSIAN LITERARY TEXT THE DOMOSTROY IN THE FAMILY EDUCATION SYSTEM IN THE MIDDLE AGES

K.V. Konovalov
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article discusses the role and significance the old Russian literary text *The Domostroy* in the system of family education in the middle ages.

Keywords:

Domostroy, Old Russia, education.

References:

1. Domostroj. Izd. 3-e. / Izdanie podgotovili V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya. - SPb.: Nauka, 2007. - 400 s.
2. Kurukin, I.V. Zhizn` i trudy` Sil`vestra, nastavnika czarya Ivana Groznogo / I.V. Kurukin. – M.: Kvadriga, 2015. – 192 s.
3. Chumakova, T.V. «V chelovecheskom zhitel`stve mnozi obrazy` zryatsya». Obraz cheloveka v kul`ture Drevnej Rusi». – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. – 242 s.

УДК 128

ЧЕЛОВЕК В ДЕСАКРАЛИЗОВАННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМА ПОИСКА ОСНОВАНИЙ БЫТИЯ

В.Ю. Инговатов
Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье дается обзор антропологических воззрений на бытие человека. Предпринимается попытка определения методологических подходов в исследовании существования человека в современном мире. Дается обоснование поиску смысловых приоритетов бытия.

Ключевые слова:

человек, экзистенция, ценности, бытие, мир, культура.

Около столетия назад немецкий мыслитель М. Шелер констатировал, что если попытаться спросить, так называемого «образованного европейца», о том, какой смысл он вкладывает в понятие «человек», то в его сознании почти неизбежно начнут сталкиваться несовместимых друг с другом идеи [1, с. 31–95]. Например, обнаружится понимание человека, восходящее к иудео-христианской традиции и выражающееся в библейских сказаниях о сотворении Адама и Евы, об их райской жизни и последующем грехопадении и возможности искупления. После недавно завершившейся первой мировой войны такой взгляд, по М. Шелеру, приобретал новый и важный исторический контекст. Вместе с тем, в самосознания европейца столетней давности обязательно должен был проявиться и другой концепт, разработанный в греко-античной антропологии и утверждающий о господстве в универсуме рационально-упорядоченного начала. Правда, после разрушительной континентальной войны рационализм – особенно в его классическом варианте эпохи Просвещения – не мог не оказаться в состоянии кризиса.

Однако в истории человечества трагедии и войны неизбежно случались и раньше. Но это не меняло и не меняет того факта, что к *ratio* онтологически, причастен только человек – единственный из всех живых существ на земле, обладающий разумом. И, надо признать, что появление такого смыслового содержания в понимании человека уже в Новое время у Р. Декарта и его последователей является вполне закономерным, поскольку рационализм греческого мировоззрения прочно укоренился в европейском самосознании. Впрочем, оборотной стороной рационального оптимизма окажется возникновение философско-антропологических воззрений на человека, которые найдут свое обоснование в идее нецелесообразности и неразумности всего исторического развития общества. Данные воззрения отвергают общую веру в прогрессивность «человека разумного», основания которой в европейской культуре закладываются в ещё эпоху Ренессанса. Среди известных представителей этой позиции можно назвать Г. Лессинга, Н. Гартмана, Л. Клагеса. И подобный взгляд на человека также присущ среднестатистическому европейцу.

Наконец, ещё один пул идей обнаружится в антропологической позиции, опирающейся на ницшеанское учение о «сверхчеловеке», и отрицающий право на существование каких либо объективных и абсолютных ценностей в бытии мира и общества. В любом случае, нельзя не согласиться с М. Шелером, что смешение и взаимоотрицание теологических, метафизических, естественнонаучных и мифологических представлений о человеке, ещё более усложняет истолкование его сущности и делает проблематичным построение целостной антропологической системы знания.

В предлагаемом ниже тексте не ставится задача детального и критического разбора каждой из отмеченных выше концепций в понимании сущности и назначения человека. Прежде всего, потому, что в представленных тезисах, раскрывающих содержание христианской антропологии, уже имеется как положительное, так и негативное отношение к этим идеям. Но одно принципиальное положение необходимо проговорить на самом предварительном этапе рассуждений. Речь идет о приведенном выше утверждении М. Шелера об *идейной несовместимости* представлений о человеке, сложившихся в европейской культуре. Очевидно, что подобное положение выглядит неоправданно категоричным. На самом деле здесь мы имеем дело с примером диалектического развития единого антропологического знания, которое правильно может быть понято с позиции провиденциальной направленности исторического процесса. Как представляется, вне темы профетического движения мира невозможно понять и объяснить человека, его истинное призвание и назначение в мире.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что все центральные проблемы философии можно свести к известному метафизическому вопросу: что есть человек? Вопрос о человеке, его природе и назначении, действительно, выступает стержневой темой не только философской антропологии, но всей философии в целом. Эта традиция, как известно, берет своё начало от сократичексих школ греков, от Аристотеля, неоплатоников и через Новозаветное учение, и Отцов Церкви обнаруживает себя в современных философских направлениях. Говоря иначе, в европейской мысли решение вопроса о человеке является главной задачей в деле построения всякой метафизической системы. Добавим также, что в последние полтора столетия внимание к человеку усилилось вследствие бурного развития психологии и естествознания и совершенных в этих областях науки открытий (отметим, например, достижения в области психоанализа, биологии и генетики).

Представляется ли возможным разрешение проблемы человека для философской интуиции, когда удалось бы примирить столь разные исходные теоретические позиции? Для ответа на это вопрос следует учесть несколько важных аспектов. Во-первых, исследователю неизбежно приходиться принимать в расчет широко известную антропологическую концепцию о генетической связанности Homosapiens с общей эволюцией природы. Согласно такому воззрению, все формы бытия человека (в том числе и социальная) объясняется действием единых биологических законов. Но, как подметил известный антрополог и палеонтолог Тейяр де Шарден, появление человека произошло *неожиданно,* как-то одномоментно для окружающей природной среды, что чрезвычайно трудно объяснить с позиции классической теории эволюции [2, с. 312–313]. Причем главный парадокс возникновения человека даже не в том, что морфологические свойства его ископаемых останков, находимые антропологами, претерпели серьезные изменения за достаточно короткий период в несколько тысяч лет. (Для эволюционного процесса такой промежуток времени не более чем мгновение). Куда больше вопросов вызывает феномен *каче-*

ственной переориентации развития человека с внешних, природных свойств его организма, на внутреннее, человеческое (а не природное) становление. Становление, в котором человек проявляет не только себя как разумное существо, но и как носителя ценностей. Последнее качество, кстати, В.С. Соловьев блестяще определил как способность человека к стыду, называя его *стыдящимся животным.*

Во-вторых, следует усомниться также в утверждении о кардинальном противопоставлении человека всей окружающей природе. Здесь сущность человека как родового существа объясняется только через механизм его социализации. В рамках этого подхода утверждается, что единственнойспособностью, с которой человек рождается на свет, является способность «приобретать человеческие способности». Формирование личности, в ходе ее жизни полностью зависят от тех общественных условий, в которых пребывает человек по воле случая или по собственному выбору. Поэтому никаких протосоциальных схем поведения, закладываемых в человеке природой, социологический подход не признает. Однако утверждение примата социального над биологическим делает, в свою очередь, невозможным объяснение уникальности каждого человека. Трудно оспорить, например, такой факт, что люди, являющиеся представителями одного поколения, вырастают достаточно разными в личностном отношении, хотя они жили в одних и тех же социальных условиях, воспитываются на одних и тех же ценностных императивах. Тем не менее, найти полностью похожих, с точки зрения социальных качеств, людей совершенно невозможно.

Очевидно, что во всей глубине проблема человека может быть поставлена мыслью, пытающейся понять человека не как часть мира, равно и как его неотмирность, но как центр и высшее призвание для всего мира. Философское познание человека, действительно, принципиально отличается от биологического, психологического или социального. Философия пытается понять человека как *субъекта* мира, как его экзистенциальное бытие, принадлежащее не только к феноменальному, но и к ноуменальному миру, к «царству духа». Наука же видит в человеке только объект и исследует его, наравне с другими объектами, как часть природного бытия. Н.А. Бердяев очень правильно замечает, что «в основании философии лежит предположение, что мир есть часть человека», тогда как наука убеждена, что «человек есть часть мира» [3, с. 25]. Философская мысль стремится к разрешению основного онтологического противоречия, возникающего внутри экзистенциальной явленности человека: с одной стороны, его телесной ограниченностью и связанной с этим конечностью в мирском существовании, и, с другой стороны, призванием его к вечной жизни, к бессмертию и к грядущему преображению. Это призвание должно реализовываться в свободном волеизъявлении личности, жаждущей достигнуть высшего своего предназначения — духовного спасения. И если сам человек возжелает приблизиться к познанию тайны собственного назначения, то сделать это возможно только на одном пути — познании Бога, по Своему образу и подобию сотворившего человека. В контексте вышесказанного следует признать, что идеи «науки о человеке», «независимой философии человека», «научной антропологии» и т.д. являются органическим следствием расцвета секулярного мировоззрения.

Однако критика сциентистского оптимизма в вопросе понимания цели и назначения бытия человека все же не должна приводить к отрицанию научного познания как такового. Ошибочным представляется стремление противопоставить научное знание о человеке – знанию антропологическому. Например, известный современный исследователь Х.П. Рикман утверждает: «Философская антропология должна функционировать как противоядие науке... Научный подход дегуманизирует чело-

века, потому что он видит в нем объект для исследования и манипулирования». Поэтому философская антропология призвана исправить это положение, восстановить значимость человека, потому что сам человек есть существо не только познаваемое, но и познающее. При этом для философской антропологии является «фатальным... превращение её в некий чемодан, в котором находится смесь эмпирических обобщений, представляющих будничный опыт, неподтвержденные предположения и результаты различных научных дисциплин» [4, с. 56]. Стремление такой «новой антропологии» дистанцироваться как от науки, так и от философии и занять некое особое место в человековедении представляется в корне своем неверным.

Множество противоречивых аспектов понимания человека связано с тем, что антропологическое знание подвергается критике, в первую очередь, со стороны формальной логики. Ибо логика учит о наличии в мире истин инвариантных для всех эпох и культур, а антропология пытается изучать в человеке преходящее. Но и к смертному человеку, с точки зрения логики, должны применяться те же требования научной истины, которые являются общеобязательными для других сфер познания. Если же научная мысль обуславливается имманентными особенностями человеческого мышления, то возникает явление, которое Э. Гуссерль называл «психологизмом». Согласно его учению, истина науки «надвременна», а знание о человеке страдает двумя пороками: во-первых, психологическим субъективизмом, когда оно ставится в зависимость от законов мысли вообще, и, во-вторых, «антропологизмом», когда такое знание понимается через соотношение с законами мысли о человеке.

Кризис антропологического знания, как нам кажется, может быть разрешен, если проблема человека не будет подменяться какой-то иной, более частной проблемой: его природной эволюцией, информационно-каузальными шифрами, содержащимися в генотипе, способностью к орудийной деятельности, наличием разума, социальностью и т.д. Все эти проблемы, бесспорно, имеют немалый эвристический потенциал в объяснении человека. Но сведение вопроса о *целостном бытии личности* к вопросу о биологических или социальных детерминантах становления Homosapiens ведет научную мысль в настоящий метафизический тупик. Ибо тайна человека есть тайна его уникальной экзистенции, в которой обнаруживается единство мира феноменального, где личность есть его подлинный, духовно-бытийный центр, и мира ноуменального, где личность предстает как потенциально бесконечный замысел всего творения. Следовательно, проблема человека должна быть переосмыслена не с точки зрения тотальной элиминации научного мышления, а в контексте осознания его объективных пределов в построении антропологического знания.

Вместе с тем, есть одна, но центральная идея, определяющая метафизическое развитие христианской антропологии. Такой идеей является учение об образе Божием в человеке. Она содержит в себе главное откровение о самом человеке, об его ценности и об его предназначении. Через образ Божий осуществляется благословение всему бытию, открывающемуся в человеке. Но безусловной абсолютности Бога противостоит ничтожество человека. Уничижение человека отнюдь не свидетельствует о его тварной бессмысленности и экзистенциальной обреченности. Очень верно замечал С.Л. Франк, что человек по сравнению со всем остальным тварным миром *аристократичен,* ибо Бог снизошел до его тварности, Сам став человеком [5, с. 39]. Если продумать этот вопрос до конца, то существование человека надо признать *предвечным,* ибоХристос, как вторая ипостась Троицы, существовал до творения человека. Но это означает, что христианство должно признавать веру не

только в Бога, но и в человека. Вочеловечивание Бога и есть вторая главная идея христианской антропологии.

Христианская антропология решает коренной вопрос бытия личности – элиминации дуального противопоставления Божественного и человеческого. Христианство признает, что онтологический дуализм бытия есть *отражениекардинального различия между нетварным Абсолютом и тварным миром.* Выступая как факт расщепления бытия, онтологический дуализм не есть окончательный и неизменный результат отпадения человека от Бога. Христос как «совершенный Бог и совершенный человек» воплощается в мире как Личность и преодолевает разрыв между бытием нетварным и сотворенным. Поэтому одним из самых трудных моментов в метафизическом истолковании соотношения Абсолюта и мира в христианской антропологии является вопрос о личностном начале и у человека. Именно то или иное его решение во многом определило (и определяет) разнообразные попытки обновления догматического и канонического учения, предпринимавшиеся в истории христианской мысли. Чтобы разобраться в этой проблеме, мы будем исходить из факта, что *личность не исчерпывается понятием индивидуальности.* Человек выступает как микрокосм, потенциально сам в себе содержащий целостный мир. Поэтому философское учение о человеке может быть учением о личности. Под понятием «личности» мы, в свою очередь, имеем в виду соотношение Божественного и человеческого в индивиде. Нам представляется плодотворной попытка различения «природы» и «ипостаси» (личности) в человеке. Напомним, что в русском слове «личность» не выражается различие между «природным» и «личностным» началом в человеке (так, в немецком мы встречаем понятия: PersonundPersonlichkeit; или в английском: PersonandPersonality). По этому поводу, правильно указывается, что только в человеке наличествует отмеченное различие [6, с. 260]. В дочеловеческом бытии мира мы можем найти «субъект» существования, например в животном существе, но не сможем обнаружить личности. Только в человеке, обладающем способностью к самодетерминации бытия, есть различение между природным и личностным. Именно в этом пересечении рождается новое и неизвестное миру измерение бытия – историческое. История и есть *особое бытие* личности, в котором она реализует свою свободу и творит свой жизненный путь в мире социальной реальности.

Здесь также необходимо отметить, что в употреблении термина «личность» мы исходим из известной метафизической системы, начало разработки которой было положено Августином Блаженным, Амвросием Медиоланским, Иоанном Дамаскином, Немезием Эмесским, Василием Великим, Григорием Паламой и другими представителями патристики. Согласно этой христианской традиции, понятие Личности (как надприродной данности) может быть применимо прежде всего к Богочеловеку. Человек, как тварное существо, личностью изначально являться не может – он лишь имеет потенцию ею *становиться* в процессе своего существования. В этом смысле, онтологическая связь Бога и человека есть связь Личности и твари. Отсюда следует и толкование истинного назначения человека в мире: только деятельное устремление к Богу, соблюдение его заповедей и норм является подлинным смыслом бытия личности. Предельным же результатом личностного преображения в христианстве понимается преодоление смерти. Поэтому и идея спасения человека глубоко экзистенциальна, поскольку спасается всегда конкретный человек, но живущий не в отрыве от окружающего общественного организма, а в определенных социальных условиях и в определенное историческое время. Следовательно, преображение человека не может состояться

без его всемерного участия в совершенствовании как собственного индивидуального бытия, так и бытия того исторического общества, в котором он существует.

Христианское решение проблемы преодоления индивидуальной смерти неразрывно связано с переживанием подлинного трагизма мира. Вообще наша личная смерть вносит непримиримое противоречие в понятие всего человечества. Единство исторического бытия человечества существует объективно, но в сознании отдельного человека оно не может быть полностью актуализировано в силу темпоральности самой жизни. Мистически человечество есть реальность, явленная в бытии как тело Христово. В этом отношении человечество выступает совсем не отвлеченным понятием. Но, взятое эмпирически, человечество есть только бытие конкретного поколения, пришедшего на смену уже умерших людей, где судьба отдельного индивида всецело определяется судьбой рода. В принципе, при таком понимании личной смерти, все человечество состоит из череды непрерывно вымирающих поколений. Следовательно, учение о *блаженстве будущего человечества* никогда не сможет примирить индивидуальную конечность жизни, ибо *страданиемоей отдельнойличности* есть единственная реальность, с которой сталкивается любой индивид. Выход из указанного противоречия между индивидуальной смертью и бессмертием абстрактного человечества дает христианское учение о совокупном участии в историческом процессе всех живших и живущих людей. Всеобщее воскресение всего человечества, поэтому, наделяет единым смысловым содержанием деятельность в истории всех поколений людей.

Тема индивидуальной конечности была знакома и дохристианской философии. В античном космоцентризме, например, тема смерти человека всегда оставалась на переднем плане в конструировании общей картины мироздания. Но греки пытались искать противодействие страху перед смертью в *рациональном истолковании конечности земного бытия.* Здесь нет подлинного переживания трагедийности в ограниченности времени индивидуального бытия, ибо философия способна дать человеку *верное знание* о неизбежности своей кончины и, следовательно, помочь мужественно преодолевать страх перед смертью. Платон, развивая идеи своего учителя Сократа, как известно, полагал, что момент смерти является освобождением «божественной, бессмертной, умопостигаемой» души из материальной, земной темницы – тела. В подобном подходе, конечно, снимается вопрос о трагическом характере ухода человека из земного бытия. Смерть не может быть страшна – ведь она дает людям возможность познать в вечном и бестелесном мире идей истину и получить, наконец-то, ответ на все свои земные вопросы. Христианская мысль значительно продвинулась в понимании темпорального характера человеческой экзистенции. Здесь были свои открытия, свои духовные прорывы. Для данной философской традиции личность есть духовный универсум, наделенный свободой выбора и выступающий в силу этого в качестве экзистенциальной целостности природного и сверхприродного начал. Свобода является определяющим моментом в бытии личности, поскольку природа и общество могут лишь покушаться на это духовное качество, но не могут им обладать без согласия на то самой личности.

Здесь в очень острой форме встает вопрос о том, оправдано ли, с христианской точки зрения, учение о посмертном воздаянии падшему человеку, обреченному на «вечные муки»? Известно, что Ориген был первым, кто выступил с учением об апокатастасисе – восстановлении всех людей в конце времен в изначальной святости. Позже эта мысль станет предметом вдохновения для Григория Нисского и ряда других учителей Церкви. Много верных идей высказывает на этот счет С.Н. Булгаков [7, с. 294–301]. Но тема посмертного

воздаяния пронизана антиномиями свободы и необходимости. Если допустить возможность детерминированности всеобщего спасения, хотя бы и из чувства христианского человеколюбия, то этим ущемляется свобода твари. Но если предположить существование вечного ада, то встает вопрос о возможной неудаче Божьего замысла о мире. Когда Ориген говорит, что пока хотя бы одно существо остается в аду, то и Христос будет находиться на кресте, а Голгофа продолжаться, он выражает большую истину. Христианское сознание всегда чрезвычайно остро воспринимало вопрос об аде как *вечном наказании* грешников. Надо признать, что в этой идее гораздо больше манихейского, чем христианского. Понятие ада, как и представление о наградах и наказаниях человека в посмертном бытии, есть разрушении целостного Богочеловеческого бытия личности. Учение о «мстительном» характере Абсолютного начала сущего, проявляющемся в посмертной жизни человека, ничего общего не имеет и не может иметь с Христовой проповедью любви. Мстительность вообще есть нехристианская черта, и её истоки надо искать в магических верованиях древности. Перспектива возможных вечных адских мук очень часто является нам как проекция трагического бытия человека в мире земном. На самом деле, ад есть онтологическое отрицание любви, когда любые её формы становятся невозможными в бытийном воплощении. Очевидно также, что решение проблемы посмертного воздаяния не может состояться вне решения более общего вопроса о теодицеи. Эсхатологический страх, культивируемый самим человеком, существует только в соотнесении с безличным Богом. Здесь также обнаруживается разрыв Божественного и человеческого в мире. Но Христос как воплощение универсальной любви, став человеком, преодолел смерть. Поэтому бессмертие надо мыслить не как дело только человеческой воли или дело только воли Божественной, но как совместное Богочеловеческое преображение мира. Любовь и смерть есть антиподы, есть столкновение бытия и небытия, но в земном мире они онтологически связаны грехопадением человека. Всеобщее спасение от смерти и жажда воскресения есть, следовательно, путь утверждения в мире любви и экзистенциальной надежды. Личное бессмертие, однако, невозможно, без бессмертия всеобщего. Ибо, если хотя бы одна личность, один экзистенциальный центр бытия остается вне вечной жизни, то мир ещё остается непросветленным и теодицея невозможна. Поэтому есть большая правда в учении Н.Ф. Федорова, требовавшего выполнения «сыновнего долга» в деле всеобщего воскресения человечества. Хотя нельзя не видеть, что он совершает здесь ошибку абсолютизации феноменального бытия. Метафизика бессмертия может быть построена не на онтологизации земной жизни, равно и как не в «онтологическом бегстве» от бренности мира в иллюзорную нирвану. Безвольное подчинение человека силам посюсторонним и силам потусторонним не способно решить проблему бессмертия. Её прежде всего надо рассматривать в рамках диалектики Божественного и человеческого, в которой преодолевается онтологический разрыв между тем, что явлено в земном бытии личности, и тем, что эта личность представляет как замысел Творца об экзистенциальном центре мира.

Таким образом, положение человека в мире, где десакрализации подверглись основные ценностные установки бытия, приобретает характер вызова. Уклониться от него невозможно, поскольку нельзя уклониться от самой жизни – тему самоубийства мы оставим пока в стороне. Но принять вызов означает и возможность переосмысления в европейском самосознании смысла и назначения человека. Такого переосмысления, в котором непременно останется место бытию самого человека.

Инноватов Владимир Юрьевич *– доктор философских наук, профессор*

Список литературы

1. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С.31–95.

2. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: сб. очерков и эссе / П. Тейяр де Шарден. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – 553 с.

3. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1998. – 384 с.

4. Рикман, Х.П. Возможна ли философская антропология?//Это человек: Антология. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 54–74.

5. Франк, С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1997. – 448 с.

6. Зеньковский, В.В. Основы христианской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Канон+, 1997. – 548 с.

7. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

8. Инговатов, В.Ю. Обмирщенный человек: опыт эсхатологической антропологии / В.Ю. Инговатов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 147 с.

A MAN IN A DESACRALIZED WORLD: THE PROBLEM OF SEEKING THE BASIS OF EXISTENCE

V.Y. Ingovatov
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

A review of anthropological views on life of a person is givenin the article. An attempt of definition of methodological approaches to a research of existence of the person is made. Justification is given to search of semantic priorities of life.

Keywords:

person, existence, values, life, world, culture.

References:

1. Sheler, M. Polozhenie cheloveka v Kosmose / M. Sheler // Problema cheloveka v zapadnoj fi-losofii. – M.: Progress, 1988. – S. 31–95.
2. Tejyar de Sharden, P. Fenomen cheloveka: sb. ocherkov i e`sse / P. Tejyar de Sharden. – M.: Izd-vo AST, 2002. – 553 s.
3. Berdyaev, N.A. O naznachenii cheloveka / N.A. Berdyaev. – M.: Respublika, 1998. – 384 s.
4. Rikman, X.P. Vozmozhna li filosofskaya antropologiya? // E`to chelovek: Antologiya. – M.: Vy`sshaya shkola, 1995. – S. 54–74.
5. Frank, S.L. Real`nost` i chelovek / S.L. Frank. – M.: Respublika, 1997. – 448 s.
6. Zen`kovskij, V.V. Osnovy` xristianskoj filosofii / V.V. Zen`kovskij. – M.: Kanon+, 1997. – 548 s.
7. Bulgakov, S.N. Svet nevechernij: Sozerczaniya i umozreniya / S.N. Bulgakov. – M.: Respublika, 1994. – 415 s.
8. Ingovatov, V.Yu. Obmirshhenny`j chelovek: opy`t e`sxatologicheskoj antropologii / V.Yu. In-govatov. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2003. – 147 s.

УДК130.11

ФИЛОСОФЕМА ПОЗНАНИЯ А.С. ХОМЯКОВА

А.А. Гусева
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Автор статьи исследует вопрос: почему в российской европейски образованной дворянской среде произошел идеологический раскол? С одной стороны, желание быстро и решительно устроить российское бытие на европейский лад. С другой – верность историческим корням, самобытности русской культуры, желание защитить Отечество от иноземного образа жизни и мысли. Осуществлен поиск ответа на вопрос, не лежащий на поверхности идеологических разногласий и убеждений, был найден благодаря философеме А.С. Хомякова.

Ключевые слова:

агенты познания, герменевтика человека, «практики» и «преддверие» событий; объект–субъективированная и субъект–субъектная философема.

Начиная с 30-х годов XIX века, после нашумевших философских писем П. Чаадаева в России четко обозначились идеологические разногласия. В 1840-х годах стало ясно, на сближение рассчитывать не приходится, все три идеологии занимают непримиримую позицию.

Славянофилы резче революционеров критиковали государственную-охранную идеологию за бедственное положение крестьян. Как следствие они находились под подозрением со стороны государства и цензуры. Их лишили возможности выходить в печать. Славянофилы критиковали левое идеологическое крыло за уничижительное, колониальное преклонение перед западной культурой, за желание пересадить Европу в Россию. За это навсегда обрели враждебно настроенных оппонентов.

Втянутый в идеологическую полемику Хомяков вскоре возглавил движение славянофилов. Он был убежден, раскол в общественном сознании временный и рассчитывал на мирный диалог. Чтобы убедительно полемизировать с оппонентами, он, как ученый считал необходимым провести исследования причин идеологического размежевания.

На фоне неуслышания, непонимания, неприятия, необоснованных и лживых обвинений, здоровое самолюбие Хомякова интересовали совершенно иные вопросы. Он направляет свои усилия на поиск корней и истоков раскола. Он хочет понять, почему выдающиеся люди страны, искренне желающие помочь ей выбраться из кризиса, силы для возрождения ищут не в самой России, а в чужой стране и в чужой культуре? Что это? Теоретическая ошибка или предательство?

Напомним: славянофилы никогда не были против европейской культуры и европейского просвещения. Они выступили с критикой поверхностного, некритичного отношения ко всему европейскому. Они понимали и разделяли желание революционеров-демократов как можно быстрее вывести Россию из затянувшегося кризиса. Они были свидетелями того, как нелегко россиянам устоять перед вершиной научной, техниче-

ской и философской мысли, а также перед более комфортным образом жизни. Хомяков писал: "Есть невольное, почти неотразимое обаяние в этом богатстве и великом мире западного просвещения" [1].

Не случайно в интеллигентных российских кругах идеологические размышления либералов воспринимались весьма привлекательно. Почему бы на самом деле не перенести уже состоявшийся положительный опыт с немецкой почвы на российскую? Но Хомяков вслед за Карамзиным ясно видел, как Россия, погружаясь в достояние западной культуры и просвещения уже "полтораста лет принимала все на веру без разбора, добродушно признавая просвещением" [1]. Слепая доверчивость и страсть к подражанию сковали свободу мысли. Возможность заимствования казалась весьма привлекательной и выполнимой, а на деле усыпляла сознание дворян. Не случайно в их среде сторонников западного пути развития было значительно больше, чем у сторонников самобытного и независимого пути.

При первом приближении причины разногласий обусловлены идеологическими различиями, они лежат на поверхности споров и вполне узнаваемы. У обеих сторон единый посыл и единый мотив, но они не отвечают на вопрос о началах разногласий. Истоки всегда занимали ведущее место в исторических поисках Хомякова. На этот раз он понимал, чтобы подобраться к истине, исторического подхода недостаточно. Вопрос часто упирался в мировоззрение и убеждения. Но и убеждения часто были более опасными врагами истины, чем ложь. Значит, идеология не могла быть аргументом для истины. Поэтому последующие исследования Хомякова связаны с философией.

К сожалению, современники этого не заметили. И по сей день в западной и российской литературе, посвященной жизнетворчеству Хомякова, он предстает в качестве славянофила и богослова. Хотя славянофилом его сделало Время. Он не мог оставаться в стороне от судьбоносных для страны вопросов. Обращение к философии стало собственным выбором – поступком. Философия укрепила его убеждения, обусловила возможность занять достойное место в идеологической борьбе и возглавить движение славянофилов. В частности, стала методологической основой познания, «преддверием» к новому способу познания высшей истины.

Русский философ обратился к одной из вершин европейской философской мысли – немецкой философии Канта, Шеллинга, Гегеля. В России 30–50-х годов XIX века их философия пользовалась большим авторитетом. Хомяков также давал высокую оценку философскому наследию Канта и Гегеля. Искренне восхищался гениальностью этих философов и считал, что человечество должно поставить им памятник. В письме к Ю.Ф. Самарину он писал: "Бессмертный Кант, основатель и бесспорно великий мыслитель всей этой великой школы…" И в то же время, он первым в России подверг критическому анализу немецкую философию и в целом европейскую. Российского философа не удовлетворяли ни пассивно-отражательная роль французского материализма, ни ограниченность кантовского агностицизма. Логическое первенство субъекта перед объектом у немецких классиков (Шеллинга и Канта) считал ошибочным "в истории философской терминологии". Хомяков также критически осмыслил объективный идеализм Гегеля. Он писал: "никакая сила человеческая не свяжет феноменологии Гегеля с его логикой" [2].

Русский философ был согласен с Гегелем только в одном: "Пути понятия и реальности действительно тождественны, как лестница одна и та же для восходящего и нисходящего. Путь тот же, да движение диаметрально противоположно. Для понятия вещь сознается, и потому она есть или может быть; в реальности же она есть, и потому она осознается, и может быть сознана" [3]. Этим критика Гегелевской философии не ограничивается, но нам для дальнейших размышлений этого достаточно.

Вопреки критическим замечаниям Хомякова, взгляды российских демократов

и либералов, напротив, полностью находились под влиянием немецкого рационализма. В российских европейски образованных кругах, в литературных салонах и кружках бурно обсуждались достижения немецкой философии. Утверждение Гегеля "все действительное – разумно, все разумное – действительно" буквально взорвало общественную мысль дворянской части России, более четко обозначило позиции, большинству прибавило оснований для восхищения и преклонения, а также уверенности в выбранном пути. И в познании "левое крыло" в качестве философского фундамента предпочли немецкий рационализм – его субъектно-объектную природу.

На этом фоне критика великих немецких философов казалась неуместной, возмутительной и, что еще хуже, не патриотичной. Нужно было обладать мужеством, чтобы осмелиться выступить против охранительной (правительственной) идеологии Уварова и вполне авторитетной левой идеологии. Кроме того, для сторонников рационального познания субъектно-объектный метод казался надежным и универсальным. Он упрощал восприятие мира, делал его осязаемым и весьма доступным. "Объект" как феномен познания обозначал все, что противостояло субъекту. Это: природа и общество, наука и культура в широком смысле слова. За универсальностью агента познания неоправданно затенялось различие между природой и обществом, наукой и культурой, между живой и неживой природой. Субъектно-объектный метод давал моральное право на волевое вмешательство человека в природу и общество.

Действительно, естественные науки: физика, химия, биология – уже активно вмешивались в ход вещей. Экспериментировали, пересаживали, переносили, прививали и т.д. и т.п. Хомяков был убежден, с обществом, как и с человеком, так поступать нельзя. Здесь всплывают проблемы судьбы, нравственности, места, длительности, исторического времени. Он считал необходимым учитывать качественное различие природных и общественных закономерностей. Одни развертываются как следствие, другие – как необходимость. Кроме того, и это весьма важно, европейское общество Хомяковым воспринималось хотя и состоявшимся, но не завершенным: как живой противоречивый процесс со своими достоинствами и недостатками. На этом основании он считал, что живой процесс нельзя лишать собственного исторического опыта и своих национальных корней. Иначе – жи–ой культуре грозит омертвение. К сожалению, левое идеологическое крыло ожидаемой российской перестройки, восприняв мировоззренчески немецкую философию, настаивало на переносе европейской культуры и европейского образа жизни в Россию. Как товар!

Хомяков смолоду не был ослеплен европейским просвещением; и в зрелом возрасте, сумев совместить современность с историей, в том числе со "стариной"; смог глубоко понять время и события, свидетелями которых он был. Сегодня этот подход назван культурно-историческим. Хомяков в XIX веке предвосхитил XX век. Он глубоко сознавал и предлагал: для успешного изучения и понимания социальных проблем философию "диалектического рассудка" и новую методологию познания – "объект–субъективационный и "субъект–субъектный способ познания". Он настаивал на том, что в познании невозможно следовать только рассудочным путем. Познание истины есть функция не мышления самого по себе, а личности в целом. Поэтому решающее значение в поисках истины должно принадлежать субъекту познания, и при том, не любому субъекту, а личности состоявшейся, и предварительно к нему подготовленной. Для философии XIX века это требование было прогрессивным явлением, опережающим не только взгляды соотечественников, но и европейцев.

Немецкий рационализм в качестве методологической основы избирал субъектно-объектной способ познания. Этот способ предполагает наличия двух агентов познания – объекта и субъекта. Объект познания

осмысливается как целостностая, состоявшаяся, ставшая вещь, но никак не процесс. Объект, таким образом, лишается полнокровной жизни, так как познающий истину вырывает объект из контекста реальной жизни, лишает его системного качества и рассматривает как пассивную часть действительности. Агент познания и деятельности – субъект в данной системе, напротив, должен был активно воздействовать на объект, априори зная технологию обработки и ожидаемый результат, располагая блоком мотивов и целеполагания. В данной ситуации субъект господствовал над объектом. Но и субъект тоже был выведен из конкретно-исторического контекста. Он также вне времени – абстрактен.

Подобная практика познания не нова. Начала современной европейской культуры восходят к античной традиции, основанной на индивидуальном ремесленном труде. Индивид, как демиург, воздействовал на объект труда с пафосом преобразователя: из камня – скульптуру, из глины – амфору, из металла – щит и копье. Благодаря мифам, историческим и философским источникам, мы знаем, что греки подвергли нравственному осуждению субъектно-объектное противостояние – гносеологический антагонизм субъекта и объекта. Согласно сказаниям, греческие боги наказали своих мифологических персонажей: и царя Мидаса, и Медузу-Горгону. Несмотря на это, "принцип Мидаса" по-прежнему живуч. В XX веке он получил название "культура западного активизма" в противоположность восточному природосберегающему способу познания и деятельности.

Во времена мануфактур и фабрик, и тем более в эпоху заводского производства, субъектно-объектный метод познания и деятельности приобрел массовый характер. В XIX веке Ф. Тютчев и Хомяков возгласили об ином, нетрадиционном качестве природы, и как следствие, об ином представлении об агентах познания. "Не то, что мните вы, природа:/ Не слепок, не бездушный лик / В ней есть душа, в ней есть свобода,/ В ней есть любовь, в ней есть язык…" [4].

В обновленном гносеологическом тандеме, где природа как объект познания не абстракция, а живой процесс, путь субъекта к истине, к познанию не только природы, но и общества, стал осознаваться значительно сложнее, многообразнее и ответственнее. Новый способ познания обнажил всю нелепость, абсурдность и безответственность либералов и социал-демократов в стремлении заставить россиян жить и мыслить по европейским образцам. Подобный эксперимент при Екатерине Великой Россия уже проходила. Окончился он неудачно и другого не могло быть. Несмотря на благородные намерения, пафос преобразователя, плохое знание истории России и ее народа, опыт чужой страны и традиционный способ познания помешали и российским западникам предвидеть пагубные последствия механического заимствования.

А что произойдет с европейской культурой, если ее как объект, как товар принести не то в дар, не то в жертву России? Ответ находим у Хомякова. "Ее нерусские и не общечеловеческие начала", "несмотря на гордое самодовольствие", не имеют ни малейшего представления о важнейшем высшем жизненном знании ("высшие жизненные знания" – запомним эти слова – А.Г.), необходимом для общества так же, как и для человека. «Лишенная своей исторической почвы, ей грозит засохнуть подобно дереву, лишенному живительных корней». Хомяков, далее, писал: общественное «сознание есть сама его жизнь, оно лежит в единстве обычаев, в тождестве нравственных и умственных побуждений, в живом и беспрерывном размене мысли, во всем том беспрестанном волнении, которым зиждутся народ и его внутренняя история» [5].

В приведенном тексте в одном случае противостоят омертвевшая, лишенная своей почвы культура ее «нерусские и не общечеловеческие начала» и сама жизнь. Во втором: не антагонизм, а живое сотрудничество агентов познания, взаимное проникновение. Они одно не разорванное целое, способное

продвигаться к высшей истине. На этом основании Хомяков заявил о новом способе познания вместо традиционного объект-субъектного способа. Он предложил объект-субъективированный и субъект-субъектный способы. Но!

Справедливости ради, надо признать: этот способ познания не является изобретением ни XIX, ни XX веков. В глубокой Древности, именно в "Диалогах" Платона мы впервые находим подробное его описание и применение. Но нужно вспомнить еще об одном "НО"! Во все времена этот способ познания уже имел и имеет место в деятельности больших творцов мировой культуры. Их творческое восприятие мира поднимается над узким, обыденным представлением бытия, открывает новые горизонты, подымает к высшей истине – к высокому жизненному знанию.

Новый способ познания по Хомякову, по причине краткости, труден для восприятия и понимания при первом прочтении. Для разъяснения и иллюстрации открытых философем обратимся к античному источнику – первому и второму диалогам Сократа с Алкивиадом из "Диалогов" Платона. В источнике речь идет об агенте познания, которому предстоит в жизни заняться не ремесленным трудом, а политической деятельностью, и возможности реализовать себя как личность. Авторы диалога постепенно и скрупулезно знакомят читателя с переменами, которые должны произойти, и под их руководством на самом деле происходят, в духовном мире субъекта. Одновременно они вводят нас, читателей, в технологию субъектно-субъект-ного способа познания.

В представленном диалоге Сократ беседует с Алкивиадом – молодым человеком, обдумывающим свою дальнейшую судьбу. Как представитель знатного рода, он мечтает и имеет на то право, управлять государством. Его обуревают сомнения, сможет ли он стать достойным правителем? Сможет ли решать непростую задачу: поддерживать порядок, научить граждан жить в согласии, но не стать деспотом?

После длительных, подкупающе простых и одновременно сложных вопросов, присущих только гению Сократа, Алкивиад начинает понимать, что он еще не готов к избранному поприщу, что он собирался броситься в политику раньше, чем успел этому обучиться. Он хотел учить граждан Афин тому, в чем сам не разбирался, но не догадывался об этом. И дело не только в том, что он бездарно потратил молодые годы, и не в том, что понятие "мудрость" отождествил с объемом знаний, и потому, устыдившись, готов был немедленно приступить к обучению, чтобы заполнить пробелы.

Суть вопроса была в другом. Понимает ли наш герой, что он из прежнего **индивида** должен стать **субъектом**? Сократ с помощью вопросов дает понять собеседнику, что голова вовсе не сосуд для хранения знаний. Важнее понять смысл слов **"познай самого себя"**, "**заняться собой**" и что означает "**сам**"? Для этого нужны не готовые знания, а размышления и "**забота о себе**". "Забота о себе" – это не та привычная для нас забота о своей одежде и обуви. "Забота о себе" связана с духовным перерождением. Юноша удручен: он не понимает, что это означает. Поэтому Сократ дальнейшую беседу посвящает герменевтике понятий. В частности, рассуждают о справедливости, о трусости – величайшем из зол, о достойном правителе и т.п.

В дальнейшем афинский мыслитель усложняет задачи. Он ведет беседу в направлении изменений, которые должны произойти с юношей, чтобы в будущем реально стать достойным правителем Афин. После продолжительных бесед у ранее традиционного агента познания при новых обстоятельствах абсолютно изменяются функции, мотивы и цель. Алкивиад принимает решение заботиться о себе как о субъекте. Но не знает с чего начать. Он в отчаянии. Сократ советует начать **с изменения отношения к самому себе**. Для этого ему нужно перевести взгляд с внешнего мира **на самого себя как на об**ъект. Он впервые мысленно становится **для себя объектом**. Затем Алкивиад осмысливает **цель** и задачи своего преобразова-

ния: не власть над афинянами, не управление городом и не ради народа, а **ради** самого **себя**, как объект–субъекта. Научиться заботиться о себе, чтобы уметь заботиться о других. Учиться заниматься собой, то есть заниматься самообразованием. И вот новый для античного персонажа вопрос: как учиться? Для Греции подобная постановка вопроса имеет свою историю.

Античная культура располагала системой "практик", сложившейся с более древних времен, задолго до Сократа и Платона. У каждого народа существовала "**технология себя**". Рождаясь, ребенок попадал в устойчивую систему воспитания. Чтобы выжить, он проходил природную и социальную адаптацию, обучался трудовым навыкам, осваивал родовые обряды со строгим соблюдением правил и традиций. Затем наступало время самообразования, когда ученик выходил из рук воспитателя. Наступал период самосовершенствования приобретенного **навыка заниматься собой**. "Технология себя", "забота о себе" как о субъекте осуществлялась посредством упорядоченных "практик". "Технология себя" и "забота о себе" имели отношение к знанию, но уже не начальному, а как приготовление к жизни.

На пути к самостоятельной жизни в субъекте должны были произойти глубокие душевные преобразования, иначе – духовное рождение. Для этого в древних культурах были разработаны "практики", в XVIII веке в Европе их назовут "матрицами". Это: обряды очищения души, самоконтроль – утренний и вечерний досмотр души, врачевание души, аскеза как отказ, а не отречение от себя как субъекта, противление соблазнам, отрешение – техника наличного отсутствования, прочие и прочие "практики" [6].

Молодой человек должен был оберегать душу от разрушения, соблюдать нравственную чистоту, то есть осуществлять "заботу о себе", и только тогда мог выходить на тропу дальнейшего познания и деятельности. Итак, во главу угла поставлен не мастер – ремесленник, а цельная личность – субъект познания и деятельности, перманентно занятый "заботой о себе".

Исторически, с развитием производства, человек все более становился приложением к орудиям труда. Последние диктовали технологию и способы обработки предмета труда. Ремесленный труд все настойчивее увеличивал спрос на знания и на результат. Наступил период, когда знания стали предпочтительнее человеческих качеств и предпочтительнее воспитания. Афинская школа и педагогика устранились от воспитания. За это Сократ критиковал педагогику в Афинах и восхищался персами. Они к детям из благородных семей приставляли четырех педагогов для воспитания четырех главных добродетелей.

Подробнее с содержанием "практик" можно ознакомиться в цикле лекций Мишеля Фуко "Герменевтика субъекта". В лекциях автор предлагает развернутую панораму субъективных практик, в процессе освоения которых индивид переживает глубокие внутренние изменения. У Хомякова описания этих практик нет, так как темой его исследований была судьба России, а не отдельных персонажей. Но для нас уже замечательно то, что именно объект–субъективированный и субъектно-субъектный способы познания истины А.С. Хомяковым был глубоко осознан и использован в качестве обновленного способа познания истины.

Почти за полтораста лет до лекций М. Фуко русский философ очень кратко представил новый способ познания в тексте, посвященном Святой Троице. Текст состоит из двух частей. В первой части автор раскрывает структуру Святой Троицы как богослов; во второй части предстает как философ. Предлагает нетрадиционный взгляд на структуру познания и высокое качество агентов познания. Хомяков заметил: обе части текста по существу об одном и том же. Попытаемся убедиться в этом.

"Когда себе первичный Разум самого себя определяет **как объект**, истинно говорится, что возникает **объект**, и так вечно рождается Сын". Разум – субъект, став объектом, рождает новое качество".

"Когда же Разум **объект этот** познает как **самого себя**, **т.е. себя** как **субъекта**, а Сына как **объект**, совершается **объект-субъективация**, и это есть **новое познание**". Объект, пройдя субъективацию, став субъектом, определяет деятельность субъекта познания. То есть, **объект** встав **субъектом** как **субъект** овладевает субъектом познания. В итоге: перед нами субъект - субъектный способ познания. "Святой дух есть, так сказать, венец познания, завершение и печать вечности" [7].

Гениально! В двух строках сформулировать, пусть для XIX века, новую методологию познания! С первого прочтения не сразу поймешь, что речь идет об истине и о качественно новых агентах познания. Причем к новому методу познания Хомяков пришел собственным путем, опираясь на религиозную практику.

Платон и Сократ сформулировали новый метод познания, в основании которого был заложен нравственный и гражданский долг. Платон с тончайшими подробностями, с высокой мерой убедительности вынес на поверхность скрытый внутренний процесс духовного рождения будущего гражданина общества. В вопросно-ответной форме оживил, тем самым приблизил к реальной жизни философскую проблему нравственного воспитания молодого поколения. И одновременно изложил закон равновеликого соответствия агентов познания. Доказал: главным агентом познания является не объект, а субъект хотя мы в познании до сих пор обращаемся прежде всего к объекту. И еще очень важно: определяющим агентом познания является предварительно подготовленный субъект, а не индивид.

К сожалению Хомяков, не отвел ни единой страницы для описания открытой философемы познания. Исключением можно считать небольшой текст "О Святой Троице". Философ глубоко верующий человек. Он знает, чтобы войти в Храм, вначале нужно пройти Преддверие. Верующий осознанно готовит себя к встрече с Богом уже в Преддверии. Этот универсальный закон для верующего человека на пути к истине явился для Хомякова руководством к всеобщему познанию на всех его уровнях и во всех сферах жизни. К сожалению не всегда краткость – сестра таланта. Для секулярного мышления текст – зарисовка "О Святой Троице" не сразу воспринимается как способ продвижения к истине.

Именно наличие в истории философии диалогов Платона, откровений Эпикура, Сенеки и герменевтики Мишеля Фуко, подробно описавших метод духовного перерождения индивида, начинаешь понимать, насколько важна идея Хомякова о "новом познании". Все жизнетворчество Хомякова – образец воплощения открытого им метода. Все статьи и письма, полемика с оппонентами, диалоги – все исполнены в одном ключе. И не только. Новый метод стал для философа методологическим основанием в полемике с официальной идеологией и идеологией западников.

Сократ сравнивал свои философские диалоги с мастерством повитухи, принимающей роды, новую жизнь. У Сенеки и Мишеля Фуко индивид в процессе освоения "практик" готовится к борьбе со случаем в жизни, но предварительно проникается действенным средством – логикой, имеющей основание в разуме.

Формулировка философемы А.С. Хомякова сравнима с краткой математической формулой. А по богатству содержания – с "венцом познания", вместившим в себя достижения всей предшествующей философии.

Философ преодолел искусственный гносеологический разрыв между объектом и субъектом в немецкой философии, четко и узнаваемо повторившийся в левом крыле его соотечественников. Левые идеологи позиционировали себя страстными сторонниками европейских достижений во всех сферах культуры и жизни. Немало гордились этим. Опираясь на субъектный способ познания, Хомяков надеялся убедить западников отказаться от идеи европейского пути развития.

Объект–субъективированный метод по-

знания общественной жизни заставлял по-новому взглянуть на агентов познания. Если принять и проникнуться идеей западников переместить Европу на Восток, то России, как субъекту истории, должно пройти "преддверие", подготовиться, чтобы воспринять, встать вровень и овладеть чужой культурой. Европе для реализации себя, как субъекта истории понадобилось почти триста лет. Но европейцы и западники спешили.

В случае согласия с левым идеологическим крылом, Россия отказывалась от православной веры, нравственности и суверенитета. Так, теоретические ошибки стали основанием для ложного патриотизма, и по существу привели западников к предательству интересов России. Выше предложенные рассуждения всего лишь иллюстрация сущего, а само сущее в метафизике, в гносеологии. И Хомяков это гениально доказал. Но доказал как бы для себя. Понял причину заблуждений оппонентов. А читателям (их по существу не было) разъяснять не стал.

Осознание придет нескоро. Хомякова не будут запрещать, его гениальность будут жестоко замалчивать. В XIX и XX веках за небольшим исключением в Хомякове видели неугодного для отечества (как царского, так и советского периода) славянофила. И в настоящее время упоминания о Хомякове носят эпизодический характер. В XXI веке не наберется и десятка книг о Хомякове. Но есть надежда, что и оценки и само творчество философа, богослова, историка, славянофила, поэта, писателя, художника, изобретателя и других талантов займут достойное место в отечественной культуре. Современники Хомякова ставили его в один ряд только с Ломоносовым и Пушкиным.

Гусева Алла Александровна *– кандидат философских наук, доцент*

Список литературы

1. Хомяков, А.С., Киреевский, И.В. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 2010.– С. 78.
2. Хомяков, А.С., Киреевский, И.В. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 2010.– С. 80.
3. Хомяков, А.С. О современных явлениях в области философии (письмо к Ю.Ф. Самарину) Из философского наследия. // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: А.С.Хомяков и И.В.Киреевский. – М.: Высшая школа, 1955. – С. 251, 254–255.
4. Тютчев, Ф. Избранное. – Растов н/Дону, Изд. Феникс, 1996. – С.87.
5. Хомяков, А.С., Киреевский, И.В. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 2010.– С. 85.
6. Платон. Собр. соч. в 4-х т. – М.: Изд-во "Мысль", 1994. –Т. 1. С. 65, 76, 241–242, 235–237.
7. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб: Наука, 2007. – С. 45– 47, 53–54.
8. Хомяков. А.С. О Святой Троице. Соч в 2-х т. –Т. 2. – М.: Изд-во "Медиум", 1994. – С. 325.

A.S. KHOMYAKOV'S PHILOSOPHEME

A.A. Guseva
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The author of article investigates a question: why was there an ideological split in the Russian noble environmentwho received Europeaneducation? On the one hand, there was a desire to adopt European lifestyle and thus move away from the Russian ways quickly and resolutely. On the other hand,it was important to stay faithful to historical roots and to preserve cultural identity by protecting the fatherland from a foreign lifestyle and worldview.

The answer to the question which is not lying on the surface of ideological disagreements and beliefs was found thanks to A.S. Homyakov's philosopheme.

Keywords:

agents of knowledge, hermeneutics of the person, "practice" and "threshold" of events; an object-subjectified and the subject-subject philosopheme.

References:

1. Xomyakov, A.S., Kireevskij, I.V. Izbranny`e sochineniya. – M.: ROSSPE`N, 2010. – S. 78.
2. Xomyakov, A.S., Kireevskij, I.V. Izbranny`e sochineniya. – M.: ROSSPE`N, 2010. – S. 80.
3. Xomyakov, A.S. O sovremenny`x yavleniyax v oblasti filosofii (pis`mo k Yu.F. Samarinu) Iz filosofskogo naslediya. // Blagova T.I. Rodonachal`niki slavyanofil`stva: A.S. Xomyakov i I.V. Kireevskij. – M.: Vy`sshaya shkola, 1955. – S. 251, 254–255.
4. Tyutchev, F. Izbrannoe. – Rastov n/Donu, Izd. Feniks, 1996. – S. 87.
5. Xomyakov, A.S., Kireevskij, I.V. Izbranny`e sochineniya. – M.: ROSSPE`N, 2010. – S. 85.
6. Platon. Sobr. soch. v 4-x t. – M.: Izd-vo “My`sl`”, 1994. – T. 1. S. 65, 76, 241–242, 235–237.
7. Fuko, M. Germenevtika sub``ekta: Kurs lekcij, prochitanny`x v kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu. – SPb: Nauka, 2007. – S. 45– 47, 53–54.
8. Xomyakov. A.S. O Svyatoj Troice. Soch v 2-x t. – T. 2. – M.: Izd-vo “Medium”, 1994. – S. 325.

УДК93

ЛЕВОМЕНЬШЕВИСТСКОЕ ТЕЧЕНИЕ РУССКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

М.Г. Колокольцев
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

Статья посвящена исследованию причин и хода революционных событий 1917 г. Автор анализирует межфракционные взаимодействия внутри российской социал-демократической партии. Исследователь делает выводы о русском политическом процессе.

Ключевые слова:

парламентаризм, партогенез, марксизм, меньшевизм, большевизм, социал-демократическое движение, политическая культура, партийная борьба, политическая власть, монархизм, восстание, революция.

Модернизация, начатая П.А. Романовым в начале XVIII в., наконец-то, казалось, завершилась в начале XX в. Были учреждены многопартийность и парламентаризм. Созданные в существующей политической системе партии ставили, как известно, главную задачу борьбу за власть и её захват. Либеральная идеология, лежащая в основе западноевропейского политического процесса, включала главный принцип взаимодействия – конкуренцию. Лидеры в достижении своих целей готовы были принять на вооружение различные идеологические постулаты. Инновационная на тот момент марксистская доктрина также имела несколько интерпретаций.

В российской социал-демократии изначально существовали различные трактовки марксистской идеологии, что и стало одной из главных причин нереализованности социал-демократической альтернативы в 1917 г. Тогда как Социал-демократическая партия Германии, которая была образцом для русской социал-демократии, и сегодня является одной из влиятельных партий ФРГ. В России был свой национальный опыт революционного движения, который не мог бесследно уйти в прошлое. Народническое мировоззрение нашло своё дальнейшее воплощение в социал-демократическом движении. Если меньшевики стремились следовать постулатам марксизма, то большевики были не прочь использовать в своих интересах традиции и специфику политической культуры русского народа.

Объединившись на II съезде в 1903 г., русская социал-демократия сразу же разделилась на две фракции. Экономическая модернизация на Западе и в России вызвала появление социал-реформистского движения в политической жизни. Это повлияло на происходящий процесс раскола в социал-демократии. Процесс объединения происходил в течение всей политической деятельности РСДРП. Ведь идеологической основой той и другой фракции была марксистская доктрина. Амбиции лиде-

ров не позволяли объединиться, хотя попытки были. Рядовые партийцы часто не понимали суть разногласий, так как все искренне были озабочены судьбой своей многострадальной родины. Постоянные схватки политических деятелей, обусловленные борьбой за власть, только лишь отвлекали общество от решения злободневных проблем, сложившихся десятилетиями, что приводило к дискредитации существующей политической системы в глазах народа.

Появились различные течения в меньшевистской и большевистской фракциях. Первые годы меньшевики были заняты организационно-идеологическими распрями с большевистской фракцией. Меньшевистское движение отличалось своей особой неоднородностью. Исследователи меньшевизма даже предлагают выделять не фракции, а отдельные группы троцкистов, плехановцев, мартовцев. Историк русской социал-демократии С.В. Тютюкин [6] выделяет в меньшевизме правое течение во главе с лидером П.Б. Аксельродом, центр под руководством Ю.О. Мартова и левое течение с Л.Д. Троцким. Во II Интернационале были традиционными группировки ревизионистов, центристов – ортодоксов и радикалов. Появлялись различные течения внутри существующих партий, которые по западноевропейскому образцу делились на «левые», «правые» и «центр».

Большевизм стал ревизией марксисткой идеологии слева. Ревизию справа провели Э. Бернштейн и К. Каутский. Левый меньшевизм был более ортодоксальным. Левые меньшевики считали, что революция в России будет развиваться по той же схеме, какую прошли западноевропейские буржуазные революции. Сторонники этого направления в РСДРП полагали, что победа революции может быть достигнута не только в результате народного восстания. Оптимальный вариант представлялся в результате действий какого-либо представительного учреждения, которое бы выступило с инициативой созыва всенародного Учредительного собрания. Леворадикальное течение в меньшевизме проявила себя как особая политическая сила. Идеологические установки левого меньшевизма в разные периоды революционного процесса разделяли Ю.О. Мартов, Ф.И Дан, Г.В. Плеханов.

Левому меньшевизму было свойственно отстаивание кардинальных установок революционной марксисткой доктрины, что уживалось с негативным отношением к большевистскому максимализму с его абсолютизацией классового насилия. В 1903 г. для координации фракционных действий меньшевики негласно образовали особое бюро, в которое вошли П.Б. Аксельрод, Ю.О. Мартов и Л.Д. Троцкий. Однако уже к концу 1904 г. среди меньшевиков возникли первые разногласия. Непосредственным поводом к дискуссии послужила развернувшаяся «банкетная кампания». Представители земского либерального движения организовывали банкеты, приуроченные к 40-летию введения Александром II новых судебных уставов. Меньшевики предложили поддержать эти банкеты выступлениями рабочего класса. Левые меньшевики во главе с Л.Д. Троцким выступили против поддержки либералов и предложили провести самостоятельные демонстрации пролетариата. Большевики в тех событиях были за поддержку земцев.

Начало русско-японской войны радикализировало меньшевистское движение. Если Ю.О. Мартов, считая, что война ведётся в интересах бюрократической олигархии, развернул антивоенную агитацию, то Г.В. Плеханов поддержал В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, которые в различных трактовках встали на позицию «пораженчества». Поражение в военных действиях должно было, по их мнению, усилить кризис самодержавия и активизировать революционный процесс.

Революция 1905-1907 гг. обострила тактические разногласия среди меньше-

виков. Особенно остро дебатировались в период революции вопросы, связанные с отношением к вооружённому восстанию и созыву Государственной Думы. Левые меньшевики настаивали на том, что социал-демократия должна ставить своей задачей подготовку масс к восстанию и руководство им. Левые меньшевики пытались политизировать Петербургский Совет, поставив его под влияние РСДРП. В Советах они видели прообраз рабочей диктатуры.

Если большевики выдвигали на первое место задачу установления диктатуры пролетариата и крестьянства, то левые меньшевики призывали к установлению власти советский партий. Левые меньшевики были против централизованной имперской структуры Российской социал-демократической партии с конспиративным элитарным ядром, состоящим из профессиональных революционеров. В 1911 г. в своей брошюре «Спасатели или упразднители» Ю.О. Мартов пишет с сарказмом о В.И. Ленине как о последнем политике «нечаевщины» и представителе «отсталых, заговорщических элементов социализма» [1, с. 337]. Партии левыми меньшевиками отводилась по преимуществу агитационно-пропагандистская функция. Главная задача – революционизировать сознание рабочего класса.

Основная цель социал-демократии для левых меньшевиков состояла в организации надвигающегося восстания. Г.В. Плеханов и Л.Д. Троцкий призывали буржуазию и армию вместе с пролетариатом выступить против самодержавной власти. Левую тенденцию в меньшевизме, как пропагандировали лидеры меньшевизма, поддерживали квалифицированные потомственные рабочие. Радикалы меньшевики, как и большевики, считали, что буржуазия не может быть союзником пролетариата. Меньшевики как ортодоксальные марксисты выступали против союза с крестьянством, считая его реакционным классом. Левые меньшевики утверждали, что крестьянство не способно к самостоятельной политической роли. Г.В. Плеханов занял левоменьшевистскую позицию, пропагандируя, что крестьянство вступило в борьбу со старым поместным дворянством, требует экспроприации помещиков и заслуживает полной поддержке пролетариата. В случае перехода власти к пролетариату, крестьянству останется только лишь присоединиться к режиму рабочей демократии.

Леворадикальные меньшевики имели свои взгляды на перспективы революции в России, на вопрос о союзниках пролетариата. Левому меньшевизму было свойственно отстаивание кардинальных установок революционной марксисткой доктрины, что уживалась с негативным отношением к большевистскому максимализму с его абсолютизацией классового насилия. Иногда левые меньшевики по своим политическим требованиям были левее большевистской фракции, что было причиной существования в левоменьшевистском течение примиренческих настроений. Например, Л.Д. Троцкий уже в 1905 г. выдвинул идею возможной победы социалистической революции в одной стране. Эта «несуразно левая», по словам В.И. Ленина, идея стала идеологическим кредо большевистской фракции.

В своем определении внутренних движущих сил революции, ее равнодействующей линии, а также перспектив меньшевики левого толка исходили из того, что начинаясь как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция очень скоро выявит скрытые межклассовые противоречия. Поэтому она придёт к прочной и окончательной победе, лишь передав власть единственному классу, способному встать во главе угнетенных масс, пролетариату. Однако довести революцию до конца он сможет только в том случае, если получит необходимую солидарную поддержку европейского рабочего движения. Тогда буржуазно-демократическая фаза революционного процесса будет пре-

одолена вместе с ее национальными рамками. Временное политическое господство русского рабочего класса развернётся в длительную социалистическую диктатуру.

Перманентная революция уничтожит границы между «минимумом» и «максимумом» стратегической программы социал-демократии. Издававшаяся в ноябре 1905 г. в Петербурге при участии возвратившихся из эмиграции Ю.О. Мартова, Ф.И. Дана, а также Л.Д. Троцкого меньшевистская газета «Начало» проповедовала идею непрерывно углубляющегося революционного процесса. Захват власти пролетариатом левые меньшевики понимали как процесс учреждения коалиционного социалистического правительства. Несмотря на то, что преобладать в таком правительстве будут социал-демократы, на такое социальное партнёрство большевики не могли пойти. После революции 1905 г. Ленин вообще разочаровался в идее перманентной революции.

Левоменьшевистские идеи оказывали огромное влияние на официальное руководство меньшевистской фракции. В годы первой русской революции они взяли на вооружение левоменьшевистскую идею непрерывной революции, признали как одно из допустимого «бойкотистское» настроение по отношению к Государственной Думе. «Бойкотистская» тактика левого крыла меньшевистской фракции исходила из того, что «при участии демократии в выборах может лишь укрепить контрреволюционные партии, так как социалисты окажутся не в состоянии вести свободную агитацию и самый призыв их к участию в выборной кампании может оказаться «провокацией» [2, с. 87]. Во время работы II Государственной Думы делегаты правоменьшевистского толка блокировались с кадетами против правых депутатов. Левоменьшевистские делегаты, поддерживая призыв большевистской фракции, пошли на союз с трудовиками. После издания Манифеста 3 июня 1907 г. для российских социал-демократов настал новый этап, требующий изменений в основах тактики.

Затяжная экономическая депрессия, резкое поправение всего общества и определённый кризис марксизма как доктрины ударили по авторитету РСДРП. Репрессии правительства против всех незаконопослушных тормозили стачечное движение. Период реакции и первая мировая война увеличили тактический разрыв между политическими установками правого и левого течений. А.С. Мартынов признавал, что «у меньшевиков после объявления войны начался полный распад» [2, с. 67]. А.Н. Потресов писал П.Б. Аксельроду: «У нас полный распад и совершенная деморализация… нет не то, что организации, но даже и элементов для неё» [2, с. 93].

Леворадикальные социал-демократы остались верны принятым резолюциям о войне II Интернационалом. В годы первой мировой войны левые меньшевики пишут работы о перспективах развития революции, об экономическом состоянии России. Они продолжали пропагандировать идею перманентной революции. Политические события свели левых меньшевиков с некоторыми группами большевиков. Война обострила коренные разногласия, что делало невозможным объединение партии.

Леворадикальные меньшевики безуспешно пытались объединить всех социал-демократов на основе Программы и Устава РСДРП, так как политическое развитие событий заставляло меньшевиков сдвигаться на левые позиции. IV конференция РСДРП в специальной резолюции обращала внимание местных партийных организаций на не допустимость создания особых большевистских или меньшевистских организаций на местах и существования фракционных центров.

Левые меньшевики вместе с большевиками-ленинцами выдвигали на первый план проект создания «левого» блока. Ре-

золюция Венской конференции 25 августа 1912 г. гласила: «Конференция отнюдь не считает достаточным основанием для раскола те разногласия в тактических вопросах, и особенно в вопросе о формах организации пролетариата и самой партии, которые служат главным поводом к дроблению на фракции и подфракции» [4, с. 334]. Л.Д. Троцкий рассчитывал тогда, когда в 1912 г. в Вене был создан «Августовский блок», созвать общепартийную конференцию с очевидной целью повторной интеграции всех существующих в РСДРП течений. Но большевики отказались принять участие в такой конференции. Поэтому на конференции произошло объединение лишь тех меньшевиков, которые, так или иначе, поддерживали мнение о необходимости сочетания легальной и нелегальной деятельности.

Г.В. Плеханов выступил против VI Пражской конференции по его определению раскольнической. Он обратился даже в Международное социалистическое бюро с просьбой вмешаться в дела российских социал-демократов с целью восстановить единство партии. В июне–июле 1914 г. под эгидой Международного социалистического бюро в Брюсселе состоялась «объединительная конференция», в которой участвовали представители всех фракций РСДРП. Объединительная резолюция не была поддержана ленинцами. Все остальные группировки социал-демократов вошли в «третьиюльский блок», названный по дате подписания соглашения 3 июля 1914 г.

Споры внутри РСДРП по тактическим вопросам замыкалась на проблемах легальной и нелегальной деятельности, соотношение методов подполья и надполья в межреволюционный период. Меньшевики не отрицали необходимость легальной политической деятельности. Г.В. Плеханов критиковал большевиков за их явное стремление подчинить легальные рабочие организации (профсоюзы, потребительские кооперативы) гегемонии подполья. Левые меньшевики, находившиеся под влиянием Г.В. Плеханова в межреволюционный период, стояли на позиции сочетания легальной и нелегальной деятельности. «Плеханов с незначительной группой своих сторонников, - пишет Троцкий, - снова порвал со своими ближайшими друзьями и встал на защиту нелегальной партии от ликвидаторов» [5, с. 183].

Февральские события 1917 г. объединили меньшевистскую фракцию. Меньшевики были уверены в том, что социал-демократы не должны входить в коалиционное правительство. Но под воздействием событий меньшевики пришли к мнению, что необходимо участвовать в коалиционном правительстве. Ю.О. Мартов, который вновь примкнул к леворадикальному течению, создаёт свой центральный орган. Ю.О. Мартов и Л.Д. Троцкий выдвинули требование создать правительство из одних советских партий. Это сблизило их с большевиками-ленинцами. Осенью 1917 г. произошло дальнейшее полевение меньшевиков. Левый меньшевизм остался верен своим старым традициям, ведь во время революции 1905-1907 гг. левые меньшевики также выступали за подготовку к проведению вооруженного восстания.

Созданный альтернативный ЦК Организационный комитет поддержал левоменьшевистские установки во время первой мировой войны и весной 1917 г. Радикальные идеи меньшевизма отстаивала думская социал-демократия и центральные органы меньшевистской фракции. Левые меньшевики Ю.О. Мартов и Л.Д. Троцкий считали недопустимой ошибкой социал-демократов вхождение во Временное Правительство. Это было вызвано недоверием к государственной власти и тенденцией к старым доктринальным формулировкам каждый раз, как только речь заходила о власти. В результате ОК меньшевистской фракции в апреле принял резолюцию «О коалиционном министерстве», которая отражала взгляды левых меньшеви-

ков: «ОК постановил считать вступление представителей социалистических партий или Совета рабочих и солдатских депутатов в министерство политически нецелесообразным и вредным для дела демократии и вменять в обязанность своим представителям в Исполнительном Комитете Совета отстаивать в нем эту точку зрения» [3, с. 384].

Левый меньшевизм не смог стать альтернативой развития российского общества. Революционные события не закончились позитивным закономерным результатом. Теория классовой борьбы и диктатуры пролетариата не могла соответствовать российским социальным реалиям. В результате произошла подмена понятий. Понятие «народ» подменили классом пролетариата и средним классом, которые в российской социальной структуре никогда не были многочисленными. Исказилось в народном сознании понимание основополагающих столпов общественного строения. Самодержавие стало тождественным монархизму, анархия беспорядку. Интересы государства были выданы политическими лидерами за потребности личности и общества. Европеизация российского общества проводилась сверху, не учитывая национальные особенности, что приводило к отчуждению политической сферы. Революционный процесс в российском обществе всегда тормозился и блокировался правящей элитой. Формирование большевистского режима стало логическим завершением развития западноевропейского буржуазного либерализма на русской почве.

Колокольцев Максим Геннадьевич *– кандидат исторических наук, доцент*

Список литературы

1. Мартов, Ю.О. История Российской социал-демократической партии. – М.; 1923.
2. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 - февраль 1917 гг. – М.: РОССПЭН, 1996.
3. Меньшевики в 1917 г. – М.: Прогресс, 1994.
4. Шляпников, А.Г. Канун семнадцатого года. – М.: Изд-во полит. лит., 1992.
5. Троцкий, Л.Д. Сталин. Т. 1. – М.: Терра, 1990.
6. Тютюкин, С.В. Марксисты и русская революция. – М.: РОССПЭН, 1996.

THE LEFT MENSHEVIST FACTION OF THE RUSSIAN SOCIAL-DEMOCTATIC MOVEMENT IN THE REVOLUTIONARY PROCESS OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

M. G. Kolokoltsev
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the causes and the course of the revolutionary events of 1917. The author analyzes the interaction within the Russian social democratic party. The researcher draws conclusions about the Russian political process.

Keyword:

parliamentarism, Marxism, Menshevism, Bolshevism, social democratic movement, political culture, power struggle, political power, monarchism, revolt, revolution.

References:

1. Martov, Yu.O. Istoriya Rossijskoj social-demokraticheskoj partii. – M.; 1923.
2. Men`sheviki. Dokumenty` i materialy`. 1903 fevral` 1917 gg. – M.: ROSSPE`N, 1996.
3. Men`sheviki v 1917 g. – M.: Progress, 1994.
4. Shlyapnikov, A.G. Kanun semnadczatogo goda. – M.: Izd-vo polit. lit., 1992.
5. Troczkij, L.D. Stalin. T. 1. – M.: Terra, 1990.
6. Tyutyukin, S.V. Marksisty` i russkaya revolyuciya. – M.: ROSSPE`N, 1996.

УДК 93

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.А. Мелехин, М.В. Старчикова
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул, Россия

Резюме

В статье дается обоснование Октябрьской революции. Авторами предпринимается попытка рассмотреть мнения о «смерти» социологии в указанные годы. Данные мнения были слишком преувеличены, поскольку уже в середине 1960-х годов начинают появляться крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований, помимо практической значимости, социология в эти годы имела и теоретико-методологическую доминанту, опиравшуюся не только на достижения социологов и социальных статистиков дореволюционной школы, сколько на работу основателя советского государства В.И. Ленина.

Ключевые слова:

социология, Октябрьская революция, марксизм, идеологизация социологии, «выхватывание фактов», исторический материализм.

В 1901 году в Париже М.М. Ковалевским и Е.В. Де-Роберти была создана «Русская школа общественных наук», что стало социологическим основанием возникновения социологии в России, одним из методологических направлений которой стала марксистская социология, у истоков которой стояли Г.В. Плеханов и В.И. Ленин.

Восторг по поводу либеральных личностей, плюрализма, толерантности и прочего, охвативший российское общество, начиная с 1990-х годов схлынул по меньшей мере, начиная с 2014 года, с момента присоединения Крыма к России.

Ужесточающиеся политико-экономические санкции по отношению к российскому государству в конце празднования 100-летия Октябрьской революции 1917 года потребовали по-новому взглянуть на исторические этапы, пройденные нашей страной в течение столетия, что обуславливает подведение своеобразного итога, пройденного обществом и анализом социального знания, сформировавшегося в процессе исторического развития страны.

После прихода большевиков к политической власти социологическая мысль в России довольно активным образом развивалась. Начался процесс институциолизации социологического знания, были созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах. В 1919 году учрежден Социобиблиографический институт, а его директор К. Тохтарев поставил вопрос о переименовании последнего в Российский социологический институт. Возобновила свою деятельность Российское социологическое общество им. М. Ковалевского, председателем которого стал Н. Кореев. В 1920 году в Петроградском университете был образован первый в стране факультет общественных наук с социологическим отделением, который возглавил П. Сорокин.

В эти же годы издается обширная социологическая литература, главным образом теоретического профиля. Широко были представлены различные точки зрения на предмет теории и структуры социологического знания, соотношения социологии и теории общества.

Однако после выселки за рубеж значительной части российской творческой интеллигенции, не поддержавшей советскую власть, издание немарксистской литературы по социологии было, по существу, прекращено. Утверждению марксистского взгляда на социологическую проблематику способствовала позиция В.И. Ленина, сформулированная им в статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.). Суть этой позиции была выражена в двух положениях: кто не с нами, тот против нас; мы не так сильны, чтобы за деньги пролетариата разрешить в стране врожденное большевизму инакомыслие [1, с. 30–37].

Начался процесс бурной «идеологизации» социологии, продолжавшийся в стране (с перерывом 30 лет) вплоть до 1990-х годов, что не совсем соответствует действительности, но об этом будет сказано ниже.

Наибольшим теоретическим влиянием на процесс становления советской марксистской социологии в начале 1920-х годов пользовалась позиция Н.И. Бухарина, изложенная им в книге «Теория исторического материализма» (1921 г.). Основная идея Бухарина заключалась в отождествлении социологической теории с историческим материализмом. Исторический материализм провозглашается социологической теорией марксизма. Он был определен как «общее учение об обществе и законах его развития, т.е. социология» [2, с. 12].

Декларируемое положение либерально настроенных социологов об отсутствии в СССР социологии входит в противоречие с информацией о том, что в течение 1922–1934 годов разными учеными было изучено более 100 тысяч суточных бюджетов времени разных слоев населения и на основе этого опубликовано около 70 работ по этой проблеме (С.Г. Струмилин, Я.В. Видревич, В.С. Овсянников, В. Михеев и др.). Специально по заданию ЦК РКСМ в 1924–1925 годах были проведены исследования бюджетов времени комсомольских активистов, пионеров и школьников. Для изучения бюджета времени детей и подростков даже специально был создан педагогический отдел в Научно-педагогическом институте, которым руководил М.С. Бернштейн (А.М. Гельмонт, Н.А. Бухгольн, Н.Н. Норданский и др.).

Таких примеров, основывающихся на использовании социологического инструментария, синтезируемого с методологическими основаниями других наук (педагогика, психология, социология управление и др.) можно привести, не мало, что свидетельствует о том, что мнение о «смерти» социологии, во всяком случае, в ее эмпирико-прикладной составляющей были слишком преувеличены. Но даже теоретическая составляющая, в ее методологическом обосновании в последующем, во всяком случае, в форматизированном виде, была решена.

Эта проблема была решена на основании выше приведённого мнения Н.И. Бухарина, по сути, отождествило исторический материализм с социологией, что в научном смысле несостоятельно, поскольку история материализма является лишь одной из версий социальной философии.

Однако возвращаясь к оценке Н.И. Бухариным социологического знания заметим, что именно в этот период С.А. Оранский, который понимал, что социология, помимо теоретического знания, предпочтенного Бухариным должна опираться на его эмпирико-прикладную доминанту отмечает, что «как общая теоретическая социология, исторический материализм предполагает и возможность конкретной социологии, особого

конкретного социологического изучения социальных процессов…» [4, с. 13–14].

Эта позиция была в последующем, по мере реабилитации социологии во времена «хрущевской оттепели», возведена в ранг общесоциологической теории, ставящей социологию марксизма советского периода в теоретическом плане на один уровень с концепциями Т. Парсонса, Р. Мертона, П. Блау и др.

При всей половинчатости функционирования социологии в ее марксистском варианте в условиях советского строя, отрицать значимость в ее эмпирико-прикладном значении не следует, поскольку уже в середине 1960-х годов начинают появляться крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований. Издается пятитомник избранных произведений одного из пионеров социальной инженерии и конкретного социального анализа С. Струмилина. Выходят монографии: «Копанка 25 лет спустя» (1965), существенный вклад в изучение социальных аспектов взаимоотношения свободного и рабочего времени внесли труды Г. Пруденского, подытоженные в книге «Время и труд» (1964). Широкий труд исследований социальных проблем брака и семьи был обобщен в классической монографии А. Харчева «Брак и семья в СССР» (1966) [5, с. 12].

Представленная информация лишь отчасти отражает степень функционирования социологии в СССР, значимость которой в либерально-демократических научных кругах или игнорировалась, или отрицалась.

Между тем, по мимо ее практической значимости, социология имела и теоретико-методологическую доминанту, опиравшуюся не только на достижения социологов и социальных статистиков дореволюционной школы (С. Прокоповича, М. Дивидовича, Г. Наумова, А. Стопанина, В. Леонтьева), но и на работу основателя советского государства В.И. Ленина.

В своих работах он широко использовал статистические данные, что по существу, служило важным методологическим средством, которое не раз помогало ему как в борьбе со своими оппонентами, злоупотреблявшими «выхватыванием отдельных фактов», так и критически относиться к, казалось бы, незыблемым марксистским постулатом. В работе «статистика и социология» В. Ленин указывал, что статистика должна быть основой социологии, а манипулирование ведет к научному и политическому шарлатанству.

В области явлений общественных нет приема более распространенного и более не состоятельного как выхватывание отдельных фактов, игра в примеры. Подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда… Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Факты, если берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое чем еще похуже…. Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрения, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподноситься «субъективная стратегия» [6, с. 350–351].

Приведенный фрагмент ленинского анализа социальных фактов, подчеркивающих его компетентность подтверждается теоретическими суждениями о том,

что материализм стал основой для действительно объективного исследования общества и преодоления субъективизма в социологии. У объективного метода исследования не может быть науки ни естественной, ни общественной. Это является общим принципом всякого научного исследования, включая социологическое.

Безапелляционность последнего утверждения ленинского видения социального знания смягчают современные социологи-теоретики (С.И. Григорьев, А.И. Субетто), которые методологически развивают концепции марксизма и ленинизма.

Они ориентируются на то, что потенциал социальной мысли, заключенной еще основоположниками отечественного обществознания (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, А.И. Герцен) предполагает, что «у России есть своя судьба – судьба эсхатологического, духовного, ноосферно-социалистического прорыва, в котором социализм обретает свои собственные истинные основания – основания духовные, любви, основания полного раскрытия сущностных сил человека «жизненный силы» социологии витализма, которые связаны с творчеством, с приматом духовного над материальным [7, с. 185].

Революция октября 1917 года, несмотря на все преобразования в ходе исторического развития социальной мысли в России (СССР) сыграла огромную положительную роль для формирования общественной системы и имела значительный потенциал для ее современного совершенствования и развития в реалиях современной жизни.

Мелехин Виктор Андреевич *– кандидат социологических наук, доцент*

Старчикова Маргарита Валерьевна *– кандидат социологических наук, старший преподаватель*

Список литературы

1. Ленин, В.И. О значении воинствующего материализма. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: 1990. – С. 30–37.
2. Бухарин, Н.И. Теория исторического материализма. – М.: 1929. – С. 12.
3. Кравченко, А.И. История отечественной социологии: учебное пособие. – М.: 2005. – С. 30.
4. Оранский, С.А. Основные вопросы марксистской социологии. – Т.1. – Л.: 1927. – С. 13–14.
5. Осипов, Г.В. Возрождение российской социологии (60–90 е годы XX века) страницы истории // Социологические исследования. – 2004. – №12.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 30. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – С. 350–351.

THE OCTOBER REVOLUTIONOF 1917 AS THE FOUNDATION FOR THE SOCIOLOGY DEVELOPMENT IN RUSSIA

V.A. Melekhin, M.V. Starchikova
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract

The article discusses various perspectives in the "death" of sociology at the times of the October revolution. The authors argue that such opinions were exaggerating the problem, sincelarger works, summarizing the results of specific sociological studiesalready began to appearin the mid 60-s. The article demonstrates that besides practical significance, sociology had theoretical and methodological dominantthen, relying not only on the achievements of sociologists and social statisticians of pre-revolutionary school, but rather on the work of the founder of the Soviet state V. I. Lenin.

Keywords:

sociology, the October Revolution, marxism, ideologization of sociology, the snatching of facts, historical materialism.

References:

1. Lenin, V.I. O znachenii voinstvuyushhego materializma. Na perelome. Filosofskie diskus-sii 20-x godov: Filosofiya i mirovozzrenie. – M.: 1990. – S. 30–37.
2. Buxarin, N.I. Teoriya istoricheskogo materializma. – M.: 1929. – S. 12.
3. Kravchenko, A.I. Istoriya otechestvennoj sociologii: uchebnoe posobie. – M.: 2005. – S. 30.
4. Oranskij, S.A. Osnovny`e voprosy` marksistskoj sociologii. – T. 1. – L.: 1927. – S. 13–14.
5. Osipov, G.V. Vozrozhdenie rossijskoj sociologii (60–90 e gody` XX veka) stranicy istorii / G.V. Osipov // Sociologicheskie issledovaniya. – 2004. – № 12.
6. Lenin, V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – T. 30. – M.: Izd-vo politicheskoj literatury`, 1973. – S. 350–351.

УДК 908

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ БАРУЛИН И ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА АЛТАЕ В 70-Х ГГ. XX ВЕКА

А.А. Удоденко
Алтайский государственный технический университет им. И. И.Ползунова
г. Барнаул

Резюме
Дается анализ деятельности В.С. Барулина и его вклада в становление и развития технического образования на Алтае.

Ключевые слова:
техническое образование, мотивация студентов, социологическое исследование.

Особенность мыслей у талантливых людей – их идеи не умирают, живут после смерти создателей. Такова судьба мыслей В.С. Барулина. Почти сорок пять лет назад он говорил: «Надо сказать, что мотивации человеческой деятельности складываются не только под влиянием своей профессии, определенных представлений о работе» [1, с. 199]. Размышляя вместе с автором лекции, прочитанной им на методическом семинаре, можно глубже понять связь прошлого и настоящего времён. В настоящем сохранилось не всё, что-то утрачено, что-то приобретено на рубеже XX–XXI веков. Продолжая размышлять об организации учебного процесса АлтПИ, В.С. Барулин в то время отмечал: «Огромная область человеческих мотиваций складывается под влиянием той реальной жизненной обстановки, в рамках которой живёт и действует та или иная личность. В этой реальной обстановке складывается, формируются определённые потребности человека, его интересы, определенные планы жизненной деятельности… Они нужны человеку не ради теоретических каких-то соображений, а они нужны… ради эффективности его практической жизненной деятельности [1, с. 199].

Позволю комментарий к его идеям, выражающий личное отношение к современной проблематики организации учебного процесса АлтГТУ в 2017 году. Ясно, что центр организации учебного процесса у Барулина на лекции – студент. Этот подход к организации учебного процесса сохраняется у многих и сегодня. Свою мысль Барулин определяет так: «Студент учится в конкретной реальной обстановке того или иного вуза. И эта конкретная реальная обстановка создаёт у него свой мир потребностей, свой мир интересов и формирует у него свой специфический мир мотивов, мотивов очень стойких, мотивов в значительной степени влияющих на всю его деятельность и, в том числе на изучение наук, на изучение общественных наук» [1, с. 199].

Из вышеотмеченных цитат, очевидно, что взгляды В.С. Барулина не схоластичны. Он берёт конкретного, наблюдаемого им, студента в конкретном вузе. Говоря языком современной прикладной социологии, он формулирует конкретную проблему организации исследования учебного процесса в АлтПИ им. И.И. Ползунова в 1973 году: «Неизвестно, какие мотивации формируются у студентов под влиянием реальной

организации учебного процесса?». Если говорить языком современной теоретической социологии, он пользуется категорией «социальный институт». Очевидно, В.С. Барулин в 1973 году видит диалектическую связь прикладной и теоретической составляющих социологии, не признанных тогда официальной идеологией. Продолжая размышлять, он отмечал: «В рамках высшей школы создаётся определённая система стимулов, определённая система контроля, система поощрения и наказания, связанная с исправлением учебного процесса… Вся эта система определённого контроля и оценки деятельности студентов базируется на признании одинаковой важности, одинаковой значимости всех изучаемых дисциплин» [1, с. 200].

Можно добавить к этой мысли Владимира Семёновича, что он не наивный преподаватель, что он понимает: студент действует в такой организации учебного процесса, которая основана на комплексе **необходимых** и **независимых** от него условий поощрения и наказания, с такой системой социального контроля, которая не лишает студента свободы выбора поступков, а наоборот, создает ему предпосылки для выработки собственной позиции, собственной линии поведения. Ясно, что преподаватель в этой же организации учебного процесса, не лишён свободы своего понимания контроля поведения студентов и действует в соответствии со своим пониманием. Так возникает конкретное противоречие в мотивации студентов и преподавателя, являющееся предпосылкой прикладного социологического исследования.

Далее, Барулин подходит к исследованию положительного и отрицательного в содержании мотивации у студентов АлтПИ формирующейся в 1973 году. **Положительное** в названной мотивации, по его мнению, есть «…ощущение неизбежности, обязательности сдачи всех экзаменов, зачётов, прохождение всех форм контроля учебной программы» [1, с. 201]. Отрицательное в содержании рассматриваемой мотивации возникает тогда, когда студент считает, что изучение каких-то наук «не является для него необходимым с точки зрения будущей профессиональной деятельности» [1, с. 202]. Такие мотивации необходимо преодолевать и многие преподаватели с этим будут согласны и сегодня.

Формальный по содержанию отрицательный мотив, как мы предполагаем, оказывает тормозящее влияние в учебном процессе и снижает активность студентов. Социологические исследования, проведенные в то время, показали следующий результат: из 1 689 опрошенных студентов вузов города Барнаула 645 респондентов отметило отрицательное отношение к изучению общественных наук… Исследовано было 4 вуза города. Данное отношение студентов формировало «ориентацию студентов на тройку».

Сравнивая прошлые 70-е годы XX века и начало XXI века, можно сказать, что изменившиеся условия обучения, несомненно, повлияли на формирование мотиваций студентов, на их практическое поведение в учебном процессе. Конкретно говоря, сегодня этот факт поведения студентов нынешнего поколения не исследован в нашем вузе, хотя каждый преподаватель из своих эмпирических наблюдений, безусловно, знает, что изменилось в системе социального контроля в положительном и отрицательном направлениях активности студентов в отношении дисциплин, которые он преподаёт.

Удоденко Анатолий Андреевич *– доктор социологических наук, профессор*

Список литературы

1. Стенограмма лекций В.С. Барулина / Личный архив автора.

VLADIMIR SEMYONOVICH BARULIN AND TECHNICAL EDUCATION IN ALTAI REGION IN THE 1970-S

A.A. Udodenko
I.I. Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russia

Abstract
The analysis of activity of V.S. Barulin and his contribution to formation and development of technical education in Altai Region is given.

Keywords:
technical education, motivation of students, social research.

References:

1. Stenogramma lekcij V.S. Barulina / Lichny`j arxiv avtora.

Научное издание

Актуальные вопросы гуманитарного знания

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
«Барулинские чтения: Россия в эпоху социальных трансформаций»,
Барнаул, 25 января 2018 г.

Науч. ред. *Инговатов Владимир Юрьевич*
Под общ. ред. *Контевой Ольги Евгеньевны*

Отв. редактор сборника *О. Е. Контева*

Подписано в печать Формат 60x84 1/8.
Печать – ризография. Усл. п.л. 13,95.
Тираж экз. Заказ 2019 –

Издательство Алтайского государственного
технического университета им. И. И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
http://izdat.secna.ru

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020822 от 21.09.98 г.

Отпечатано в типографии